

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

SOCIOLOGY

Издается с сентября 1997 г.
(до 2017 г. – под названием «Социология»)

Выходит один раз в квартал

3

2022

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	ДАНИЛОВ А. Н. – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: a.danilov@tut.by
Заместитель главного редактора	РОТМАН Д. Г. – доктор социологических наук, профессор; директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: dgrotman@rambler.ru
Ответственный секретарь	ЩЕЛКОВА Т. В. – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: tanar2002@tut.by

- Бакиров В. С.** Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, Харьков, Украина.
Безнюк Д. К. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Генчель Г. Ольденбургский университет имени Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Гигин В. Ф. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Докторов Б. З. Независимый аналитик и консультант, США.
Король А. Д. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лапина С. В. Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Макаллистер И. Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия.
Мамедов А. К. Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Нарбут Н. П. Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.
Семеньска-Жоховска Р. Институт социальных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша.
Симхович В. А. Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.
Титаренко Л. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т. Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Филинская Л. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Халман Л. Тилбургский университет, Тилбург, Нидерланды.
Херпфер К. Венский университет, Вена, Австрия.
Цулелер П. Венский университет, Вена, Австрия.

EDITORIAL BOARD

- Editor-in-chief**   **DANILOV A. N.**, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: a.danilov@tut.by
- Deputy editor-in-chief**   **ROTMAN D. G.**, doctor of science (sociology), full professor; director of the Centre of Sociological and Political Studies, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: dgrotman@rambler.ru
- Executive secretary**   **SHCHYOLKOVA T. V.**, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: tanar2002@tut.by

- Bakirov V. S.** Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine.
Beznyuk D. K. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Halman L. Tilburg University, Tilburg, Netherlands.
Hentschel G. Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
Herpfer K. University of Vienna, Vienna, Austria.
Hihin V. F. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Doktorov B. Z. Independent analyst and consultant, USA.
Filinskaya L. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Karol A. D. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Lapina S. V. Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Makallister I. Australian National University, Canberra, Australia.
Mamedov A. K. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Narbut N. P. RUDN University, Moscow, Russia.
Semen'ska-Zhokhovska R. Institute of Social Researches of the University of Warsaw, Warsaw, Poland.
Simkhovich V. A. Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.
Titarenko L. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Zulehner P. M. University of Vienna, Vienna, Austria.

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

EDITORIAL-IN-CHIEF COLUMN

ВСЕМ, КОГО НЕ ПОКИДАЕТ НАДЕЖДА «РАСКОЛДОВАТЬ» СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: К 25-ЛЕТИЮ ЖУРНАЛА

TO EVERYONE WHO DOES NOT LEAVE THE HOPE OF «DISENCHANTING» MODERN SOCIETY: TO THE 25th ANNIVERSARY OF JOURNAL

Осенью 1997 г. вышел первый номер научно-теоретического журнала «Социология». Мы были несказанно рады возможности создать свой журнал. На постсоветском пространстве социология была на гребне популярности, пользовалась небывалой востребованностью. Может, поэтому все и получалось. Мы стояли перед выбором учредителя журнала, но первым плечо подставил Белорусский государственный университет. На презентации первого номера в ректорате БГУ шел разговор о социологии, наших надеждах и планах. Взгляните на это историческое фото: Георгий Петрович Давидюк, Сергей Данилович Лаптёнок, Альберт Николаевич Елсуков, Петр Иванович Бригадин... К сожалению, уже не все с нами, но мы помним их вклад в развитие социологической науки и образования.

С тех пор прошло 25 лет: сменились века, произошли тектонические геополитические сдвиги, мир стал другим. В 2017 г. изменились облик и название нашего издания, он встал под крыло серии изданий «Журнал Белорусского государственного университета». Но главное, что наше издание не потерялось, осталось узнаваемым в профессиональном сообществе, не стало менее читаемым. Более того, как отмечают многие, перемены только повысили интерес к нашему журналу, существенно улучшили его дизайн.

Судьба у социологии незавидная: ее запрещали и признавали вновь, с ней не считались и превозносили до небес, обращались к ней, как к последней инстанции. Социологию часто сравнивают с зеркалом. И это очень точное сравнение. Готовы ли мы взглянуть на свое реальное отражение, на обще-

ство, в котором живем, отношения в малых и больших группах, культуру, науку, образование, на себя в конце концов? В истории часто бывало, что в ответ зеркало корчило рожицы, разбивалось вдребезги, до крови ранив осколками. Но значит ли это, что смотреть в зеркало опасно? Совсем нет. Только увидев свое реальное отражение, можно «расколдовать» общество, как говорил немецкий классик М. Вебер, ответить на вопросы, каким должно быть будущее и есть ли возможность построить справедливый мир.

Вспомним фразу основоположника социологии, французского мыслителя О. Конта: «Знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы регулировать». Трудно представить более важную жизненную потребность для любого общества, которое заботится о своем будущем. Можно упредить множество катастроф, бед и несчастий, если знать и предвидеть. Сегодня мир переживает не лучшие времена: конфликты, кризисы, войны за влияние, территории, ресурсы и рынки, очевидная слабость международных организаций, глобальная нестабильность и миграция.

В силу своего научно-фундаментального и вместе с тем прикладного характера социология, как никакая другая наука о человеке, сопряжена с преобразующей функцией современного социума. Она дает крайне необходимые знания об обществе, его структуре, направлениях развития, возможностях, духовном мире человека. Предметом изучения данной науки выступают системные параметры социума, обеспечивающие самое главное – его жизнеспособность и жизнестойкость в конкретных условиях.

Презентация первого номера журнала «Социология» в ректорате БГУ, 1997 г.
Нижний ряд (слева направо): Г. П. Давидюк, С. Д. Лаптёнок, С. И. Деришев, С. А. Повалыев;
Верхний ряд (слева направо): Д. Г. Ротман, С. В. Решетников, А. Н. Елсуков, А. Н. Данилов
Presentation of the first issue of the journal «Sociology» in the administration of the Belarusian State University, 1997.
Bottom row (from left to right): G. P. Davidyuk, S. D. Laptенок, S. I. Derishev, S. A. Povalyaev;
top row (from left to right): D. G. Rotman, S. V. Reshetnikov, A. N. Elsukov, A. N. Danilov

Нельзя не согласиться с профессором А. О. Бороновым, который считает, что наука начинается с истории, теории, опыта и имен. В нашем государстве, как и во всех странах постсоветского пространства, социология в качестве учебного предмета введена совсем недавно. Эта наука помогает обществу устойчиво функционировать, развиваться без конфликтов и потрясений, позволяет своевременно упреждать противоречия. Чтобы ответить на вызовы и риски современности, белорусскому обществу необходимы новые социальные идеи и концепции.

Реальность, которая характеризуется глобальной нестабильностью, перманентно рождает запрос на изменения. Меняется исследовательское поле науки, что позволяет выйти на новые теоретические обобщения, обновление теории и методологии анализа. Реальным источником угроз становятся утрата традиционных нравственных ценностей, духовная деградация человека. Для преодоления кризисных явлений в жизни общества усилия следует направить в первую очередь на разрешение духовного кризиса.

В середине прошлого столетия некоторые известные ученые высказывали мнение о том, что в XXI в. или наука будет наукой о человеке, или человечества уже не будет. Кажется, сегодня это пророчество сбывается: естественные науки, не говоря уже о гуманитарных и социальных, все больше на-

чинают исследовать человека. Успехи в этом отношении впечатляющие. Появляются возможности «редактировать» генные карты человека, влиять на его когнитивные и умственные приоритеты, популярной стала идея о возможности сознательного управления процессом эволюции. Получили активное развитие такие направления, как искусственный интеллект, умный город, цифровая экономика, образовательные платформы эвристического обучения и др.

Выстраивая редакционную политику, мы опираемся на очень точное высказывание сингапурского мудреца Ли Куан Ю: «Надо принимать мир таким, какой он есть, и искать путь, который позволит обществу уверенно развиваться и идти в ногу со стремительно меняющимся временем. Помните: Земля не перестанет вращаться ради вас»¹. Наш журнал как раз и стал площадкой для широкого междисциплинарного и международного диалога. Все многообразие проблем современности находит отражение на страницах нашего издания, где из номера в номер идет открытый разговор на актуальные темы развития социума.

Мы гордимся своими читателями, которые называют журнал своим, ждут каждый номер, следят за публикациями, оформляют подписку и агитируют подписаться других. Без постоянного притока таких читателей мы бы не сохранились. Нам говорят, что

¹Ли Куан Ю. Мой взгляд на будущее мира : пер. с англ. М., 2017. С. 362.

наступил век информационных технологий, а эпоха изданий на бумажных носителях давно прошла. Может быть... Время само рассудит и непременно покажет, что все формы печати могут жить под одним солнцем. Лишь бы оно светило.

Мы гордимся своими авторами. У нас публиковались представители самых разных научных направлений: социологи, философы, экономисты, политологи, историки, литературоведы. Среди наших авторов не только выдающиеся и именитые ученые, но и совершенно никому не известные, но талантливые, нестандартно мыслящие исследователи как из родной Беларуси, так и из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Нередко даже самые высокие порывы и чувства разбиваются о реальность бытия. Миновать жизненные рифы мы смогли только благодаря поддержке нашего учредителя – БГУ. Менялись капитаны университетского корабля, но неизменными оставались поддержка журнала, понимание его роли в развитии социологической науки и образования.

Мы искренне благодарим за помощь и участие в нашем деле коллег из отдела научных периодических изданий БГУ во главе с М. А. Подголиной. Благодаря их высочайшему профессионализму, трудо-

любие и настоящей подвижнической деятельности журнал от номера к номеру становится все лучше и интереснее. Спасибо вам за все!

Сегодня журнал смотрит в будущее с осторожным оптимизмом. Научная периодика переживает не лучшие времена. Но мы верим, что у нашего издания есть серьезный запас прочности: широкий авторский актив, преданные читатели, интерес интеллектуальной элиты страны. И самое главное, что в редакционном портфеле не переводятся материалы, которые способны удивлять. Удивлять своим профессионализмом, смелостью суждений, мужеством прогнозов, желанием открытыми глазами видеть происходящее в стране и мире, исследовать трансформацию человека, основываясь на достоверных научных результатах.

Наше издание адресовано людям, активным по жизни, равнодушным к прошлому, настоящему и будущему. Оно стало хорошим подспорьем для преподавателей, научных сотрудников, аспирантов и студентов, а также для всех, кого не покидает надежда «расколдовать» современное общество.

Какое это счастье – держать в руках и листать журнал, с которым ты вместе четверть века, когда через твое сердце прошел каждый его номер!

Главный редактор

А. Н. Данилов²

²Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

УДК 140.8

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И КОЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДХОД В ДОСТИЖЕНИИ БЕЗОПАСНОГО БУДУЩЕГО

П. А. ВОДОПЬЯНОВ¹⁾, П. М. БУРАК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный технологический университет,
ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск, Беларусь

Проанализированы основные угрозы и вызовы современности. Установлена роль духовной составляющей в обеспечении безопасности мирового сообщества. Обоснована важность мировоззренческих ориентаций в преодолении кризисных явлений в жизни социума. Показано, что мировоззренческие универсалии являются фундаментом для формирования целостной картины мира, достижения и сохранения стабильного будущего и национальной безопасности. Сформулированы меры по регулированию численности населения, сохранению эффективности производства, созданию природоподобных технологий, преодолению финансового неравенства. Показана необходимость формирования нравственности нового типа, а также изменения сложившейся парадигмы мышления на основе нового гуманизма. Выявлены характерные признаки современных вызовов, обоснована значимость коэволюционного подхода в достижении безопасного будущего.

Ключевые слова: стабильное будущее; цивилизация; кризис; вызов; безопасность; гуманизм; мировоззрение; коэволюция.

Образец цитирования:

Водопьянов ПА, Бурак ПМ. Глобальные вызовы в современном мире и коэволюционный подход в достижении безопасного будущего. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2022;3:7–14. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-3-7-14>

For citation:

Vodopiyanov PA, Burak PM. Global challenges in the modern world and a coevolutionary approach to achieving a secure future. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;3:7–14. Russian. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-3-7-14>

Авторы:

Павел Александрович Водопьянов – член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии и права факультета технологии органических веществ.

Петр Михайлович Бурак – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и права факультета технологии органических веществ.

Authors:

Pavel A. Vodopiyanov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy and law, faculty of organic substances technology. pva1940@bk.ru

Petr M. Burak, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and law, faculty of organic substances technology. byrak@belstu.by

GLOBAL CHALLENGES IN THE MODERN WORLD AND A COEVOLUTIONARY APPROACH TO ACHIEVING A SECURE FUTURE

P. A. VODOPIYANOV^a, P. M. BURAK^a

^aBelarusian State Technological University, 13a Svjardlova Street, Minsk 220006, Belarus

Corresponding author: P. A. Vodopiyanov (pva1940@bk.ru)

The article analyses the main threats and challenges of modernity, substantiates the relevance of ideological orientations in overcoming existing dangers and crisis phenomena in the life of society, substantiates the role of spiritual security in the formation of an objective picture of social reality. Special attention is paid to the need to change ideological values in the justification of the main directions of human activity, it is shown that in order to achieve and maintain a stable future and national security, ideological universals are the foundation for the formation of a generalised, holistic picture of the world. The paper formulates the main directions for achieving a secure future based on measures to regulate the population, measures to preserve the efficiency of production, the creation of nature-like technologies, bridging the gap between rich and poor, the formation of type morality, measures to change the current paradigm of thinking based on a new humanism. The characteristic signs of challenges are identified and the need to regulate the coevolution of progressive and regressive trends in the co-development of social and socio-natural systems is substantiated.

Keywords: stable future; civilisation; crisis; challenge; security; humanism; worldview; coevolution.

Угроза ближайшему будущему, обусловленная недостатком жизненного пространства и природных ресурсов, финансовым неравенством, распространением пандемических заболеваний и многими другими негативными явлениями, привела к нарастанию противоречий в политической, экономической и социальной жизни мирового сообщества. По этой причине развитие социума должно быть ориентировано не на создание, накопление и потребление материальных благ, а на самосовершенствование человека, открывающее возможность обеспечить безопасное будущее и сохранить окружающую среду. Сегодня мир оказался в состоянии глобальной нестабильности, выход из которой возможен только путем нравственного обновления общества. Решение этой неотложной задачи неразрывно связано с изменением мировоззренческих ценностей, которые определяют основные направления социальной деятельности человека.

Достижение стабильности в значительной степени зависит от уровня духовной безопасности, которая проявляется в защищенности общественного сознания от деструктивного воздействия внешних и внутренних угроз. Именно поэтому самой уязвимой является мировоззренческая сфера общества. Внедрение ложных представлений, выдаваемых под видом истины, приводит к губительным последствиям. Псевдоидеи и псевдоценности подрывают основы мировоззренческих ориентаций, вызывают негативные исторические изменения и становятся серьезной разрушительной силой. В условиях обострения политических противоречий общество находится в состоянии растерянности, утрачивает надежду на светлое будущее. Это ведет к уничтожению традиционных ценностей, распространению низкопробной культуры, созданию ложной картины социальной реальности. Угрозу для ближайшего

будущего представляет ряд факторов: неспособность личности противостоять деструктивному влиянию средств массовой информации, низкий уровень образованности и духовности, утрата общечеловеческих ценностей, отсутствие единой государственной идеологии, рост социального неравенства и поляризации, снижение интеллектуального потенциала. Важнейшие системы жизнеобеспечения, которые позволяют осуществлять промышленное развитие за счет природных ресурсов, близки к исчерпанию.

Противостояние искаженным и ложным представлениям о социальной реальности напрямую зависит от мировоззренческих универсалий философского знания. Ценности, формируемые в области гуманитарного образования, имеют особую актуальность для национальной безопасности и стабильного будущего. Ключевыми способами формирования мировоззрения являются теоретическое и духовно-практическое познание. В процессе теоретического познания составляет целостная картина реальности, определяется ее соответствие действительности. В ходе духовно-практического познания предпринимаются конкретные действия в различных сферах жизни общества. Духовная безопасность обеспечивается путем включенности человека в социальную и природную реальность, сохранения главных ценностно-смысловых норм его поведения и гармоничного отношения к природе.

Нарастание экологической напряженности обусловлено сугубо потребительским вектором социально-экономического развития. Антропоцентристский подход общественного развития привел нас к глобальному экологическому кризису.

Социальные потрясения в жизни современного общества, вызванные ростом международной напряженности, спадом производства мировой экономики в связи с пандемией, обострением проти-

воречий в идеологической сфере, актуализируют необходимость объективно прогнозировать развитие общества.

Для нормальной жизнедеятельности человека необходима окружающая среда, способная сохранить его психологическое и физическое здоровье. При этом должно быть обеспечено устойчивое функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов. Качество окружающей среды характеризуется определенными физическими, химическими, биологическими и иными показателями и (или) их совокупностью и оценивается с помощью норм предельно допустимых концентраций различных веществ, экологических критериев и индикаторов.

Потребительский вектор социально-экономического развития, предполагающий активное промышленное наращивание, оказал негативное влияние на качество окружающей среды и на биосферу в целом. Достижение экономического благополучия обернулось серьезными негативными последствиями, поскольку привело к изменению климата, загрязнению окружающей среды, сокращению биологического разнообразия и другим отрицательным явлениям, угрожающим здоровью людей. Предотвратить такого рода опасности позволят рационализация потребления, предусматривающая экономное использование природных ресурсов, внедрение природоподобных технологий, строгий учет потенциальных возможностей планеты. Рационализация экологического потребления возможна при условии гуманизации общества. Ресурсоориентированная экономика нацелена на бережное и рациональное использование природных ресурсов. Она охватывает различные виды экономической деятельности, которые направлены на устранение ущерба, наносимого природе и обществу, обновление и восстановление экологических и социальных условий. В первую очередь это касается экономической деятельности. Новейшие природоподобные технологии позволяют значительно повысить производительность ресурсов, снизить количество отходов и использовать их в других отраслях народного хозяйства. Искусственные заменители природных ресурсов должны войти в структуру биологического круговорота, подвергаться разложению и последующей утилизации.

В поддержании целостности биосферы в современных условиях особая роль принадлежит обществу. В преодолении глобального экологического кризиса немаловажное значение имеет регулирование численности населения, особенно в развивающихся странах. Ускоряющийся рост численности человеческой популяции является одной из наиболее опасных тенденций развития цивилизации. Предостережение Т. Р. Мальтуса о геометрической прогрессии размножения ныне осуществляется

в полной мере. Так, если в XVII в. численность населения составляла 1 млрд человек, в XIX в. – 3 млрд, то в настоящее время она достигла 8 млрд человек, т. е. растет экспоненциальными темпами. Ч. Р. Дарвин рассматривал эту тенденцию в качестве одного из важнейших факторов эволюции живой природы. Оптимальная численность населения в современном мире зависит от наличия жизненного пространства, природных ресурсов, социальных условий и т. д.

Повышать эффективность производств целесообразно за счет применения возобновляемых ресурсов, технологических нововведений, утилизации отходов, использования альтернативных источников энергии на основе современных технологий.

Кроме того, необходимо преодолеть растущее экономическое неравенство, которое является одной из наиболее острых проблем современного мира. Количество населения, находящегося за чертой бедности, превышает более 1,5 млрд человек. Бедность приводит к загрязнению окружающей среды и снижению ее качественных характеристик.

Сегодня необходимо найти новые пути социально-экономического развития, ориентированные на снижение индустриального давления на биосферу. Крайне важна модернизация промышленности, предусматривающая создание производств, которые будут включены в структуру биохимических циклов биосферы. Речь идет о технологиях экологизированного типа, существенно снижающих загрязнение окружающей среды и ориентированных на повышение производительности ресурсов.

Однако преодоление экологических проблем с помощью сугубо технических средств – лишь одно из необходимых условий достижения стабильного будущего. Особую актуальность приобретают политические меры, а именно установление тесного международного сотрудничества в области охраны окружающей среды, разработка принципов рационального природопользования на основе новых мировоззренческих ориентаций во взаимодействии общества и природы.

Господствующая до сих пор установка на интенсивное использование природных ресурсов, основанная на признании самоценности человека, в условиях мощного антропогенного давления на биосферу должна уступить место идее о сохранении окружающей среды. Не менее важную роль в этом играет и формирование нового типа нравственности, отвечающего современным требованиям в области оптимального природопользования, основанного на глубоком понимании места человека в биосфере. Данный процесс немыслим без высокого уровня образованности людей, их отношения к природе как к великой ценности.

В данном контексте особенное значение имеют рациональные идеи гуманитарных наук. Об их

исключительной важности весьма образно высказывался один из основоположников социобиологии Э. О. Уилсон. Он полагал, что научно-фантастические идеи об инопланетянах приносят очень большую пользу: они помогают нам размышлять о своей собственной природе, предвидеть будущее. И если люди когда-нибудь встретятся с настоящими пришельцами, то они отметят замечательное научное достижение. И это будет заслугой не естественных наук и технологий, а гуманитарного знания [1].

Обоснованность такой точки зрения не вызывает сомнений, поскольку достижения естественных наук и технологий хотя и обеспечили высокий уровень жизни, но в конечном итоге привели человечество к глобальному экологическому кризису, угрожающему ближайшему будущему. Бесспорно и то, что выживание цивилизации всецело зависит от нравственной оценки всех научных достижений, осознания того, что дальнейшее разрушение среды обитания вызовет экологическую катастрофу, а все успехи конкретных наук окажутся бесполезными.

Утверждение нового типа нравственности предполагает преодоление антропоцентристской ориентации, которая направлена на утверждение господствующего человека в природе. Данная мировоззренческая установка утверждалась на протяжении столетий и продолжает свое победное шествие. Такая позиция не учитывает бесспорный факт: природа есть неорганическое тело людей, человек, по мнению Ф. Энгельса, всей плотью и кровью принадлежит природе. Именно поэтому формирование нового отношения к природе подразумевает отказ от сложившихся стереотипов мышления на основе установления системы запретов на характер человеческой деятельности, изменения форм хозяйственной активности и формирования иной стратегии выживания в рамках нового гуманизма. Такого рода гуманизм выступает как теоретическое мировоззрение, основанное на духовном восприятии мира и учитывающее экологические и социальные изменения. В условиях обострения экологической ситуации, непредсказуемости и неопределенности развития общества нравственные принципы играют решающую роль в достижении стабильного будущего.

Опасные тенденции социальной трансформации, к числу которых относятся обострение политических отношений в борьбе за овладение природными ресурсами, религиозные конфликты, международный терроризм, изменение климатических условий и т. д., вызывают необходимость преобразовать сложившуюся парадигму мышления на основе утверждения нового проекта гуманизма. Новый гуманизм открывает возможность обновления общечеловеческих ценностей, создания культурного пространства для установления взаимопонимания между народами, социальной справедливости и экологической безопасности.

Гуманистическое мировоззрение базируется на духовном восприятии мира и является основой выбора пути общественного развития. С позиций нового гуманизма очевидно, что человечество находится в полной зависимости от природы и от всех других живых существ. Это обусловлено тем, что качество среды обитания человека напрямую связано с сохранением биологического разнообразия. Такого рода зависимость является основой утверждения нового гуманизма, который ориентируется на рациональное мышление и сознательное рассмотрение мира личностью. Новый гуманизм представляет собой совокупность общечеловеческих ценностей, направленных на достижение безопасного будущего. Как отмечал еще И. Кант, человек должен руководствоваться не только своими желаниями, но и общими правилами, которые направлены на решение глобальных задач человечества.

Общественная гуманитарная безопасность ориентирована на развитие и культивирование системы социокультурных ценностей и традиций народа, а также на противодействие деструктивным каналам, распространяющим псевдонаучную информацию. На личностном уровне она направлена на преодоление противоречий между идентификацией человека со всем социумом и своей индивидуальностью, а также на его приобщение к культивируемым в обществе ценностям и традициям. В современных условиях наблюдается социальная разобщенность. Идеи массовой культуры часто носят примитивный, чувственно-эмоциональный характер, который искажает объективную картину реальности, отвергает традиции и лучшие образцы человеческой духовности.

Нравственные принципы – это основные моральные законы, определяющие поведение людей. Они представляют собой систему ценностей и этических норм поведения человека, сформировавшихся на основании его нравственного опыта. Данная система ценностей призвана обеспечить экономическую, экологическую, продовольственную и медицинскую безопасность, а также безопасность личности.

До недавнего времени вектор социально-экономического развития игнорировал опасность деградации и разрушения природы. Стремление человека покорить природу с помощью научно-технического прогресса, игнорирование законов эволюции биосферы привели к разрушению окружающей среды. Именно поэтому дальнейшая судьба человечества зависит от выбора стратегии мирового сообщества: либо следовать по уже проторенному пути наращивания материального богатства за счет интенсивного экономического роста, что ведет к деградации окружающей среды, либо избрать принципиально новый путь – осуществлять социально-экономическое развитие в соответствии с законами биосферы.

Анализ реального положения дел в развитых странах показывает, что, к сожалению, часто предпочтение отдается второму варианту. Подтверждением этому служит глобальный экологический кризис. Именно поэтому утверждение коэволюционной стратегии взаимодействия общества и природы является одной из ключевых задач современной экологической политики.

Достижения современной науки способны обезопасить от большинства болезней, покончить с нищетой и голодом, предотвратить другие кризисные явления в жизни современного общества. Однако в реальности этот потенциал не всегда используется во благо. Величайшие достижения науки применяются в первую очередь в военных целях, для овладения чужими ресурсами. Сотни миллионов людей умирают от голода и болезней, в то время как на военные нужды направляются колоссальные средства.

Такая опасная тенденция представляет реальную угрозу для ближайшего будущего человечества. Она связана прежде всего с утратой традиционных нравственных ценностей и духовной деградацией человека. Необходимо радикальное изменение сознания людей. На это обстоятельство обращал внимание А. Швейцер, который отмечал, что роковым для нашей культуры является то, что ее материальная составляющая развивалась намного интенсивнее, чем духовная. Культура, опережающая материальную сторону, по мнению ученого, мчится навстречу катастрофе [2, с. 92]. Для преодоления кризисных явлений в жизни общества необходимо направить усилия в первую очередь на разрешение духовного кризиса.

Рассмотренные проблемы представляют собой вызовы настоящему и будущему человечества, существование которого зависит от своевременности и адекватности ответов на них. Для достижения стабильного развития общества и его гармоничного взаимодействия с природой целесообразно использовать методологический подход, опирающийся на представления о коэволюции, сущности современных вызовов и мировоззренческой безопасности. При этом важно четко обозначить объективные признаки внутренних и внешних вызовов. Среди таких признаков следует отметить угасание возможностей человека и общества в генерировании вещества, энергии и информации, идейных смыслов и ценностных ориентаций, а также снижение потенциала воспроизводства целостности социума как саморазвивающейся системы. Любому из социальных или социоприродных вызовов характерна одна и та же закономерность, которая имеет объективно-субъективную природу или субъективно-объективную детерминацию. Вызов так или иначе есть дестабилизация или деградация в структуре источника развития, который включает взаимообусловленное существование и воспроизводство относительно

противоположных тенденций – прогрессивных и регрессивных. Подобные противоречия выступают важнейшим фактором системообразования социальных и природных систем. Преобладание деградации в структуре источников системогенеза или регрессивных процессов угрожает целостности системы и представляет вызов ее существованию. Например, санкционный экономический вызов одних государств против других является орудием разрушения сложившейся системы производства и потребления. Разрыв связей производителей и потребителей, их изоляция, недопущение их взаимодействия фактически выступают препятствием для развития и разрушают материальные основания социальных отношений.

В соответствии с классификацией А. Дж. Тойнби данного рода вызовы можно отнести к внешним вызовам ущемления. Позитивный результат ответа на такой вызов достигается путем регулирования взаимосвязей, тенденций прогресса и регресса в системе производства и потребления в целях достижения устойчивого доминирования прогрессивных изменений данной системы с учетом поиска новых перспективных возможностей генерирования необходимого исходного вещества (сырья), энергии и информации, а также реализации созданной продукции. В условиях нестабильной, кризисной социальной реальности особо актуальное, жизнеутверждающее значение приобретает духовная безопасность взаимозависимого существования всех субъектов современной истории – от отдельных личностей до человечества в целом. Именно поэтому необходимым фактором коэволюционной стратегии совместного сохранения мира и стабильности, взаимопонимания и взаимовыгодного сотрудничества на всех уровнях современного социума является формирование соответствующих убеждений, ценностных ориентаций, целей и идеалов, обуславливающих доминирование мировоззренческих установок на мирное сосуществование и направленных на развитие опережающей, проективно-гуманистической культуры миросистемного созидания.

Сущностным проявлением коэволюционного подхода в регулировании тенденций прогресса и регресса в системе производства и потребления является недопущение стихийного нарастания избыточного производства, способного вызвать перманентный рост потребительства. Подобный результат есть одно из современных проявлений стихийной коэволюции во взаимодействии производства и потребления, что обуславливает разрушение духовной культуры – одной из опор социальной стабильности.

Противостояние материального и духовного выступает общим вызовом современной цивилизации и состоит в вырождении гуманистических принципов, неспособности определить рациональный

выход из культурного кризиса. Следовательно, возникает необходимость регулировать стихийную коэволюцию материальных и духовных тенденций в развитии социума. Проблема регулирования их соотношения особенно актуальна в вопросах сохранения стабильности и безопасности белорусского общества, определения приоритетов формирования нового гуманистического мировоззрения с опорой на лучшие традиции совместной жизни людей.

При этом назревает практическая необходимость реагировать на противоречивые процессы прогресса и регресса во взаимовлиянии людей, а также в саморегулировании интересов и побуждений личности.

Ориентация человеческого поведения, соотношение его позитивных и негативных элементов, прогресса и регресса, созидательных коэволюционных и разрушительных коинволюционных процессов опосредуются приоритетными для человека социальными отношениями, ценностными и другими координатами, целями и предпочитаемыми способами их реализации. Совокупность координирующих факторов поведения человека выражает смысловую направленность его жизни в обществе. В зависимости от понимания собственного предназначения, сложившегося под влиянием выбора социальных средств самореализации и самоутверждения в обществе, поведение человека может идти по двум сценариям – позитивному или негативному. Не исключается и смешение данных тенденций, обусловленное внешним влиянием и индивидуальной способностью к конструктивной самоорганизации поведенческой ориентации.

Доминирование в структуре поведения личности процессов аккумуляции энергии, направленной на разрушение внешней социальной среды и духовной культуры самого индивида, есть пример коинволюции, или деградации. Тенденция коэволюции направлена на доминирование прогресса во взаимосвязи с регрессом в отношениях личности и общества.

Каждый человек отражает большую панораму духовной жизни всего общества и воздействует на формирование ее актуальных и стратегических проектов. Такого рода духовная коэволюция воспроизводит социально-этическую многомерность личности и формирует из нее активного субъекта, воздействующего на социально-этическое развитие общества.

Внутреннюю неустойчивость человеческих качеств, основанную на их изменчивости по отношению к различным внешним условиям и поступкам, обусловленную закономерным очертанием противоположных, асимметричных предпочтений, которые проявляются в выборе поведения различной ценностной ориентации, точно описал французский

просветитель и философ М. Монтень в произведении «Опыты». «Если я говорю о себе по-разному, то лишь потому, что смотрю на себя с разных точек. Тут происходит какое-то чередование всех заключенных во мне противоположностей. В зависимости от того, как я смотрю на себя, я нахожу в себе и стыдливость, и наглость, и целомудрие, и распутство, и болтливость, и молчаливость, и трудолюбие, и изнеженность, и изобретательность, и тупость, и угрюмость, и добродушие, и лживость, и правдивость, и ученость, и невежество, и щедрость, и скупость, и расточительность. Все это в той или иной степени я в себе нахожу в зависимости от угла зрения, под которым смотрю. Всякий, кто внимательно изучает себя, обнаружит в себе и даже в своих суждениях эту неустойчивость и противоречивость. Я ничего не могу сказать о себе простого, цельного и устойчивого, я не могу сказать о себе единым словом, без сочетания противоположностей. Я различаю – такова постоянная предпосылка моего логического мышления» [3, с. 262–263].

М. Монтень фактически зафиксировал в противоречивости, разнообразии содержания и направленности духовных ценностей и деятельности личности важнейшую тенденцию духовной коэволюции человека и общества – многоканальность и неоднозначность результатов. Эта тенденция проявляется в различных вариантах сопряжения позитивных и негативных процессов коэволюции, единство и взаимообусловленность которых отражают, воспроизводят и формируют природу коэволюционирующих систем (в данном случае личности и общества) в их нерасторжимом существовании. Коэволюция – это механизм сохранения системы социально-этических нормативов духовной культуры с их противоречивым содержанием и неустойчивостью. Данная тенденция позволяет личности и обществу творчески адаптировать, изменять и развивать свой духовный потенциал, направленный на достижение безопасности в контексте растущих и неподконтрольных изменений.

Противоположности человеческих ценностных ориентаций отчетливо проявляются в настоящее время. Это может обернуться накоплением человеческой энергии разрушительной направленности. О том, что человеческая природа противоречива, неустойчива и нестабильна, высказывались многие выдающиеся мыслители. Например, Л. Н. Толстой пришел к следующему выводу: «Одно из важнейших заблуждений при суждениях о человеке в том, что мы называем, определяем человека умным, глупым, добрым, злым, сильным, слабым, а человек есть все: все возможности, есть текучее вещество» [4, с. 185]. «Как бы хорошо, – продолжает Л. Н. Толстой, – написать художественное произведение, в котором бы ясно высказать текучесть человека, то, что он, один и тот же, то злодей, то ангел, то мудрец, то идиот,

то силач, то бессильное существо» [4, с. 187]. Козволюция есть отражение, трансляция и воспроизводство структурных свойств и тенденций развития сопряженно существующих объектов и систем. Она проявляется в панораме диапазона взаимозависимых изменений – от радикально противоположных и взаимно разрушительных до гармонично встраиваемых в механизм взаимосогласованного развития. Поскольку важнейшей функцией коэволюции является системообразующая, сопряженные изменения систем ведут к формированию интегративных свойств, на основе которых возникает метасистемный уровень социальной организации. При этом социальная коэволюция должна регулироваться на основе принципов взаимосвязи ее каналов и направляться на достижение приемлемого уровня социальных рисков и безопасности системной организации в обществе. Объективные основания такой направленности сопряженных изменений содержатся в самой структуре коэволюционных процессов, часть из них нацелена на стабильность коэволюционирующих систем. В этом заключается один из важнейших принципов регулирования коэволюционной стратегии во взаимосвязанных процессах изменения личности и общества.

Согласно коэволюционному подходу одной из важнейших причин разрушающего характера спонтанной самоорганизации выступает неразвитость механизмов регуляции коэволюции и коинволюции. Эта идея находит подтверждение в литературе. З. Бауман отмечает характерный для недавних времен позитивный опыт согласованной организации долговременного существования собственника-наемателя и наемных работников, обеспечивающий реализацию взаимной заинтересованности в сохранении стабильных отношений на длительную перспективу. Эта целенаправленно организуемая и поддерживаемая созидательная коэволюция социальных субъектов сохранялась в качестве доминирующей тенденции по отношению к неорганизованному взаимодействию. З. Бауман отмечает: «При прежней системе общественного устройства обе стороны властных отношений хорошо знали, что им предстоит сосуществовать в течение долгого времени, так как каждая из них нуждается в другой. Обязательства были взаимными. На классической фордовской фабрике... богатство и власть Форда зависели от его работников, а их благосостояние, в свою очередь, зависело от Форда и его помощников. Обе стороны знали, что они будут встречаться (и взаимодействовать) снова и снова, как на следующий день, так и в течение многих месяцев и даже лет. <...> Каким бы антагонистическим, неприятным и раздражающим ни было это сосуществование, стороны стремились выработать взаимоприемлемые подходы, четко сознавая, что их совместное существование будет носить долгосрочный характер»

[5, с. LVI]. В настоящее время ситуация качественно иная: доминирует тенденция неуправляемой дезорганизации социальных отношений при взаимосвязи с фрагментаризацией жизни на индивидуальном уровне, своеобразной клиповостью распада целостности человеческого бытия без надежды на новый спасительный гуманизм. Это и есть коинволюция, разрушающая кооперативные принципы сохранения жизнеспособности общества, умножающая всевозможные риски, угрожающая обществу неуправляемым угасанием. З. Бауман подчеркивает: «Сегодня принято и даже модно сожалеть о нарастании нигилизма и цинизма среди современных мужчин и женщин, критиковать их недалекость, безразличие к долгосрочным жизненным планам, приземленность и своекорыстие их желаний, их склонность разделять жизнь на эпизоды и проживать каждый из них без оглядки на последствия. <...> Сегодня уже результаты человеческих действий противостоят нам в качестве эксцентричных и капризных, своевольных и непроницаемых и, что особенно важно, необузданных и неконтролируемых “естественных” сил. <...> По мере роста способности человека справляться с его повседневными проблемами растут риски и опасности... В результате возникает всепроникающее ощущение утраты контроля над настоящим, что, в свою очередь, ведет к параличу политической воли, к утрате веры в то, что коллективным образом можно достичь чего-либо существенного, а солидарные действия способны внести решительные перемены в состояние человеческих дел. Существующая ситуация все чаще расценивается как должное, как высшая необходимость, в которую люди могут вмешаться лишь во вред себе самим. Мы то и дело слышим, что единственным лекарством от болезненных побочных эффектов все более жесткой конкуренции является еще большая дерегуляция» [5, с. 67].

В настоящее время мировое сообщество переживает кризис перехода в иное состояние. Он проявляется в разобщенности, разрушении общемировых установлений (например, международного права), невозможности совместного устойчивого развития государств, доминировании групповых и самоизбираемых интересов, обесценивании человеческой жизни, отвержении гуманистических традиций сложившейся культуры, росте взаимной агрессивности и формировании мотивов разрушительной деятельности. Все эти явления фиксируются и развиваются во взаимосвязи с политическим, антропологическим, экономическим, социальным, экологическим кризисом. Происходит утверждение двойных стандартов. Совершенно четко обозначается общемировая тенденция хаотизации во всех сферах жизни. Продуктивные взаимовыгодные отношения заменяются на меркантильные односторонне приемлемые связи, при этом вытесняются

потенциальные возможности созидательных инициатив в планетарном масштабе.

На наш взгляд, сущность гуманистического выбора в условиях социальной нестабильности состоит в том, чтобы остановить разрушительные

тенденции коинволюции, осмыслить позитивные возможности коэволюционного развития цивилизации и обеспечить доминирование тенденций совместного созидания, приемлемых для сохранения общества и природы.

Библиографические ссылки

1. Уилсон Э. *Будущее Земли. Наша планета в борьбе за жизнь*. Москва: Альпина нон-фикшн; 2017. 328 с.
2. Швейцер А. *Благоговение перед жизнью*. Москва: Прогресс; 1992. 575 р.
3. Монтень М. Опыты. В: Гуревич ПС, составитель; Фролов ИТ, редактор. *Человек. Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения*. Москва: Политиздат; 1991. с. 259–265.
4. Толстой ЛН. *Полное собрание сочинений. Том 53. Дневники и записные книжки, 1895–1899*. Москва: Художественная литература; 1953. 319 с.
5. Бауман З. *Индивидуализированное общество*. Иноземцева ВЛ, переводчик. Москва: Логос; 2005. 390 с.

References

1. Wilson E. *Budushchee Zemli. Nasha planeta v bor'be za zhizn'* [The future of the Earth. Our planet is in the struggle for life]. Moscow: Al'pina non-fikshn; 2017. 328 p. Russian.
2. Schweitzer A. *Blagovoenie pered zhizn'yu* [Reverence for life]. Moscow: Progress; 1992. 575 p. Russian.
3. Montaigne M. [Experiments]. In: Gurevich PS, compiler; Frolov IT, editor. *Chelovek. Mysliteli proshlogo i nastoyashchego o ego zhizni, smerti i bessmertii. Drevnii mir – epokha Prosveshcheniya* [Man. Thinkers of the past and present about his life, death and immortality. The Ancient world – the age of Enlightenment]. Moscow: Politizdat; 1991. p. 259–265. Russian.
4. Tolstoi LN. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 53. Dnevnik i zapisnye knizhki, 1895–1899* [Complete works. Volume 53. Diaries and notebooks, 1895–1899]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1953. 319 p. Russian.
5. Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualised society]. Inozemtseva VL, translator. Moscow: Logos; 2005. 390 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 07.09.2022.
Received by editorial board 07.09.2022.

УДК 1(091)

ИДЕЯ ГУМАННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ТРУДАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ШКОЛЫ

И. Д. ОСИПОВ¹⁾, А. Е. РЫБАС¹⁾

¹⁾Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета,
Менделеевская линия, 5, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия

Предпринимается попытка найти выход из кризиса современности с помощью социально-философских идей, которые были предложены учеными ленинградской философской школы во второй половине XX в. и на данный момент почти забыты. Отмечается, что эти идеи, осмысленные сквозь призму недавних событий, которые показали шаткость и небезопасность установления однополярного мира после распада Советского Союза, могут быть актуализированы и использованы для поиска правильных решений. Анализируются социально-философские взгляды наиболее выдающихся представителей ленинградской философской школы В. П. Тугаринова и В. П. Бранского. Показывается, что представление о гуманной цивилизации, которая мыслилась ими в качестве идеала развития общества, отвечает теоретическим и практическим запросам современности. Выявлены основные черты гуманной цивилизации: плюралистический взгляд на мир, человека и общество, который, обеспечивая свободу мысли и действий людей, не будет вести к деструкции социума, анархизму в общественной жизни и релятивизму в познании; провозглашение свободы высшей ценностью человеческой жизни и создание социальных институтов, способных гарантировать свободу на практике; обеспечение благоприятных условий для максимального развития и нравственного совершенствования личности; критика буржуазной морали и образа жизни, а также псевдоценностей капиталистической культуры; истолкование социально значимых идеалов в контексте динамики общественной жизни как необходимых элементов исторического развития, а не как вечных истин.

Ключевые слова: ленинградская философская школа; советский марксизм; общественный идеал; гуманизм; свобода; философский факультет Ленинградского государственного университета.

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-011-00144 «Теоретическое наследие философии в Ленинграде – Петербурге. Вторая половина XX века», реализуемый на базе Санкт-Петербургского государственного университета).

THE IDEA OF A HUMANE CIVILISATION IN THE WORKS OF REPRESENTATIVES OF THE LENINGRAD PHILOSOPHICAL SCHOOL

I. D. OSIPOV^a, A. E. RYBAS^a

^aInstitute of Philosophy, Saint Petersburg University, 5 Mendeleevskaya Line, Saint Petersburg 199034, Russia

Corresponding author: I. D. Osipov (idosipov@mail.ru)

Considering the fact that at present there is a crisis of modernity, which has not only a political but also a socio-cultural character, the authors of the article try to offer a possible way out of it. Namely, they propose to turn to those socio-philosophical ideas that were developed by representatives of the Leningrad philosophical school in the second half of the

Образец цитирования:

Осипов ИД, Рыбас АЕ. Идея гуманной цивилизации в трудах представителей ленинградской философской школы. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2022;3:15–22.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-3-15-22>

For citation:

Osipov ID, Rybas AE. The idea of a humane civilisation in the works of representatives of the Leningrad philosophical school. Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2022;3:15–22. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-3-15-22>

Авторы:

Игорь Дмитриевич Осипов – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой истории философии.
Александр Евгеньевич Рыбас – кандидат философских наук; доцент кафедры русской философии и культуры.

Authors:

Igor D. Osipov, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of history of philosophy. idosipov@mail.ru
Aleksandr E. Rybas, PhD (philosophy); associate professor at the department of Russian philosophy and culture. a.rybas@spbu.ru

20th century and are almost forgotten at this moment. These ideas, understood through the prism of recent events that have shown the precariousness and insecurity of the unipolar world established after the collapse of the Soviet Union, may well be actualised and used to find the right solutions. The article devotes special attention to the analysis of the socio-philosophical views of V. P. Tugarinov, the dean of the department of philosophy of the Leningrad State University from 1951 to 1960, and V. P. Branskiy, one of the most prominent representatives of the Leningrad philosophical school. It is shown that the idea of humane civilisation, which they conceived as the ideal of social development, meets the theoretical and practical demands of the present. The main characteristics of the humane civilisation are as follows: a pluralistic view of the world, man and society, which, providing freedom of thought and action of people, would not lead to the destruction of society, anarchism in public life or relativism in knowledge; proclamation of freedom the highest value of human life and creation of such social institutions that would be able to guarantee the realisation of freedom in practice; ensuring favourable conditions for the maximum development of personality and moral perfection of man; a critique of bourgeois morality and lifestyle, as well as the pseudo-values of capitalist culture; interpretation of socially significant ideals in the context of the dynamics of social life, as necessary elements of historical development, rather than as eternal truths.

Keywords: Leningrad philosophical school; Soviet Marxism; social ideal; humanism; freedom; faculty of philosophy of the Leningrad State University.

Acknowledgements. This research was supported by the Russian Foundation for Fundamental Research (project No. 20-011-00144 «The theoretical heritage of philosophy in Leningrad – Petersburg. Second half of the 20th century», provided at the Saint Petersburg State University).

Кризис современности представляет собой благодатную почву для философских и социологических исследований. Поскольку этот кризис является не только политическим, но и социально-культурным, он позволяет взглянуть на основы современной цивилизации и выявить причины нынешних глобальных потрясений.

Безусловно, одной из причин сложившегося положения дел выступает потеря универсально значимого идеала, который бы задавал направленность социально-культурного развития. Сегодня ни одна страна не является образцом для подражания, нет идеала, заимствовать который стремились бы другие. «Более четверти века функционирования постсоветского мира показывают, – пишет А. Н. Данилов, – что новые страны по-разному ведут себя в выборе новых приоритетов, и чем дальше – тем больше их пути расходятся. В наступившем вселенском хаосе приоритет чаще отдается на откуп исключительно выгоде – никакой идеологии, исторического и духовного родства, общности ценностей или традиций. Главенствует прагматизм, приоритет отдается наращиванию экономического и военного потенциала, т. е. сила вновь становится главным аргументом в современной геополитической игре» [1, с. 76].

Казалось бы, всякий разговор об идеалах выглядит сейчас весьма старомодным. Во всяком случае после сокрушительной критики всего идеального, которая в течение последнего столетия велась в мировой философии, поддавшейся влиянию европейского эцентризма, статус идеала, тем более в универсальной трактовке, был лишен всякого философского веса. Однако действительность, очищенная от идеалов, оказалась непригодной для жизни. Сегодня именно это обстоятельство заставляет интеллектуалов искать выход из критической ситуации. Большинство из них видят этот выход в создании новой системы ценностей, спо-

собной противостоять процессам социокультурной деградации. К сожалению, эта цель до сих пор не достигнута.

Между тем обращение к текстам советских философов, прежде всего к написанным в период перестройки и представляющим собой опыт теоретического осмысления событий, которые связаны с болезненной трансформацией социально-политического уклада страны и культуры в целом, позволяет сделать вывод о том, что многие положения, сформулированные в то время, сохраняют актуальность. Так, В. С. Стёпин, один из ярких представителей советской философской мысли, неоднократно заявлял, что «современная цивилизация вошла в стадию неустойчивости, кризисных состояний и нестабильности» [2, с. 185], а это, в свою очередь, чревато глобальным кризисом. По мнению В. С. Стёпина, предотвращением этого кризиса или поисками оптимального выхода из него должны заниматься и философы. В частности, им следует разработать системный междисциплинарный подход к изучению современной цивилизации, который позволит сначала обнажить ее основные проблемы, а затем найти ключ к их решению. Следует подчеркнуть, что указанные рассуждения ученого не были декларативными и опирались на анализ интенсивной философской работы. Безусловно, у него были все основания утверждать, что в центре внимания философского сообщества оказывались «вопросы, прямо или косвенно связанные с проблематикой судеб современной цивилизации и культуры, возможными сценариями будущего человечества» [3, с. 761].

Ленинградская философская школа принимала активное участие в обсуждении этих тем и предложила ряд интересных сюжетов. Следует отметить, что термин «ленинградская философская школа» был введен в научный оборот сравнительно недавно

и изначально имел более узкий смысл, чем впоследствии. Основанием для его введения послужил тот факт, что ученые, сгруппировавшиеся в основном вокруг философского факультета Ленинградского государственного университета (ЛГУ), трактовали материю – основополагающую категорию советской философии – иначе, чем их московские коллеги. Среди ленинградских исследователей было принято подчеркивать онтологический аспект материи, в то время как ученые из Москвы истолковывали это понятие преимущественно в гносеологическом контексте. Таким образом, в отечественной историко-философской литературе закрепилось определение ленинградской школы как онтологической в противовес московской гносеологической школе [4]. И хотя такое определение было неточным (проблематика ленинградской философской школы сводилась исключительно к дискуссиям вокруг определения материи, т. е. не выходила за рамки диалектического материализма [5]), оно во многом способствовало рассмотрению ленинградской философии как особого феномена советской философской культуры.

Вскоре в исследовательской литературе было отмечено, что достижения ленинградской философской школы следует рассматривать с точки зрения актуальной философии науки, вследствие чего и саму школу начали характеризовать как школу философии науки [6]. Однако и эта формулировка полностью не отражает весь спектр проблем, которые интересовали ленинградских ученых и успешно решались ими. Дело в том, что наука была выбрана ими в качестве приоритетной сферы исследований именно потому, что позволяла максимально дистанцироваться от идеологической опеки философской мысли со стороны государства. Формально занимаясь решением сложных научно-философских вопросов, далеких от идеологии и недоступных для партийного контроля, ленинградские исследователи актуализировали темы, которые либо были табуированы в советской философии, либо представляли собой лакуны философского знания. Через философию науки был найден путь к размышлению над социальными, экономическими, политологическими, психологическими, антропологическими, культурологическими, этическими и эстетическими проблемами [7]. Свообразным итогом такого расширения поля исследований стала идея синергетической философии, которая должна была синтезировать все наработки ленинградских ученых [8; 9].

Формирование ленинградской философской школы приходится на начало второй половины XX в. После открытия в ЛГУ философского факультета (1940) были созданы благоприятные условия для развития профессиональной философии. Этому способствовало и то обстоятельство, что деканами философского факультета в период оттепели

являлись незаурядные и творческие люди, которые сумели привлечь к участию в философской жизни не только сотрудников университета, но и широкие круги научной общественности. Речь идет прежде всего о В. П. Тугаринове (был деканом философского факультета в 1951–1960 гг.) и В. П. Рожине (был деканом в 1960–1969 гг.). Организации и развитию ленинградской философской школы активно содействовало и руководство университета. Так, академик А. Д. Александров, занимавший должность ректора в 1952–1964 гг., не только стимулировал исследования в области философии, но и публиковал собственные статьи и эссе по научно-философской тематике, а также читал лекции студентам философского факультета. Таким образом, ЛГУ стал открытой площадкой для философских дискуссий и апробации новых идей и учений.

Основоположниками ленинградской философской школы принято считать профессоров В. И. Свищерского и В. А. Штоффа, научное наследие которых в последнее время стало объектом пристального внимания многих историков русской философии. Среди наиболее выдающихся представителей школы следует назвать А. С. Мамзину, Л. О. Резникова, Г. А. Подкорытова, В. П. Бранского, А. С. Кармина, В. П. Петленко, Б. В. Ахлибининского, А. М. Мостепаненко, М. С. Козлову, В. А. Асеева, Д. А. Гущина, А. К. Астафьева, Л. М. Гутнера, Ю. М. Шилкова, В. Г. Марахова, Э. Ф. Караваева. Рассмотрим некоторые аспекты социально-философской проблематики данной школы.

Как отмечалось, философская жизнь в ЛГУ значительно активизировалась с приходом на должность декана факультета В. П. Тугаринова. В. Г. Марахов, возглавлявший философский факультет в 1970–1978 гг., очень высоко оценивал достижения своего старшего коллеги. Характеризуя царившую на философском факультете в 1950-х гг. атмосферу, он говорил, что это был «период категориального осмысления самой философской системы, который можно также назвать периодом преимущественно теоретической философии или временем систематизации понятийного аппарата философии» [10, с. 7]. По мнению В. Г. Марахова, работы В. П. Тугаринова, прежде всего монография «Соотношение категорий диалектического материализма», в которой рассматривается взаимосвязь предельно общих понятий «предмет», «свойство» и «отношения», были образцом профессионализма и оказывали влияние на преподавателей и студентов. «Это школа, – резюмировал В. Г. Марахов, – которую было бы неплохо пройти и современным представителям философии» [10, с. 7].

Взгляды В. П. Тугаринова, в том числе социально-философские, можно рассматривать как выражение общей позиции ленинградской философской школы. Одно из ее принципиальных положений –

доказательство практической важности философии и ее прогностической функции, способности влиять на развитие общества в целях достижения подлинного гуманизма и справедливости. На основании этого формулировалась и главная задача социально-философской мысли – моделирование общезначимого социального идеала, необходимого для полного раскрытия личности человека и реализации его свободы.

В своих размышлениях на эту тему В. П. Тугаринов опирался на общепринятые тезисы советской философии, но приходил к оригинальным выводам. Исходя из того что законы общества тесно связаны с сознательной деятельностью людей и поэтому существенно сложнее законов природы, он стал исследовать специфику социальной жизни и развития, подчеркивая важность субъективного фактора в ходе объективной эволюции общественно-экономических формаций. Речь шла о том, что история движется в том числе благодаря свободной деятельности людей, которые формулируют свои цели и пытаются реализовать их на практике. То, что выступает в виде целей, можно назвать идеалами человеческой жизни, и поскольку все люди разные, то изначально имеется множество идеалов, конкурирующих между собой. Некоторые из них остаются личными целями человека и определяют только его жизнь, другие – становятся содержанием общественного сознания, превращаясь в реальную силу социально-культурного развития. В. П. Тугаринов исследовал диалектику единичного и всеобщего, показывая, как свободный выбор того или иного идеала может сочетаться с объективностью общественных законов. Таким образом, свобода не противоречит необходимости, а является ее изначальным условием. Отсюда следует, что можно изучать закономерности свободного развития общества и научно предвидеть будущее. В работе «Предвидение и современность» В. П. Тугаринов подробно остановился на рассмотрении прогностической функции философии, собрав для доказательства своих выводов самые разные аргументы. Резюмируя, он писал: «Социальное будущее формируется в результате социальной активности (грядущее создают люди, массы, классы на основе своей практически преобразующей деятельности), оно зависит от исторической инициативы народных масс. Но эту творчески преобразующую деятельность людей, их способность создавать грядущее нельзя представлять себе как произвол. Деятельность людей носит закономерный характер. Будущее, как результат этой деятельности, возникает закономерно» [11, с. 34]. В монографии В. П. Тугаринова изучены уровни и формы предвидения (экологическое, демографическое, социально-политическое, общекультурное), выявлены психофизиологические основы и практическая природа философско-прогностической функции.

В контексте размышлений о возможности и необходимости моделирования социально значимого идеала В. П. Тугаринов затрагивал проблему человека и смысла жизни. Наряду с Э. В. Ильенковым, Н. И. Лапиным, М. К. Мамардашвили и Г. С. Батищевым он пытался обнаружить экзистенциальную проблематику в сочинениях К. Маркса, предлагая интересные и порой неожиданные ракурсы рассмотрения его идей. В. П. Тугаринов считал, что, с одной стороны, личность человека содержательно определяется внешними условиями, прежде всего положением и функцией в системе производства. Так, он утверждал, что, чем лучше человек работает, тем насыщеннее становится его личная жизнь и тем больше возможностей для саморазвития он получает. Однако, с другой стороны, высокий уровень культуры человека влияет на качество его работы, он сознательно и творчески относится к своему делу. При этом, полагал В. П. Тугаринов, личность человека не может всецело определяться внешними условиями, так как человек свободен, а свобода является не менее важным фактором формирования его индивидуальности, чем социально-экономические условия жизни. Именно свобода позволяет человеку ставить перед собой цели и стремиться к их достижению.

Смысл жизни человека обуславливается тем свободно избранным идеалом, который детерминирует его жизнь. Смысл жизни, по В. П. Тугаринову, вариативен: не существует единого для всех смысла жизни, потому что каждый человек в индивидуальном порядке прикладывает волевые усилия для придания смысла собственной жизни и приходит к особому результату. Тем самым отвергаются метафизическая и религиозная трактовки универсального смысла жизни, которые имплицитно базируются на нивелировании многообразия человеческой личности и отрицании ее способности к творчеству. Вариативность смысла жизни – это следствие разнообразия человеческих личностей, каждая из которых имеет свою относительную ценность. Безусловной шкалы ценностей, при помощи которой можно было бы ранжировать человеческое достоинство, нет. Аргументируя этот тезис, В. П. Тугаринов отмечал, что не существует избранных профессий – во всех видах труда имеется свой глубокий смысл, всякий труженик является творцом, если вносит в свою работу что-то новое, лучшее.

Однако было бы неверным полагать, что экзистенциальный плюрализм В. П. Тугаринова логически вел его к релятивизму или анархизму. Напротив, свобода человека, представленная в форме многообразия человеческих личностей, не отрицает, а предполагает объективно упорядоченное социальное единство. Человек, как социальное существо, не может абстрагироваться от общества, в котором живет, и вынужден считаться с другими людьми.

В результате тот идеал, который определяет содержание смысла жизни данного человека и придает ей соответствующую ценность, постоянно корректируется. Происходит согласование личных и общественных целей, другими словами, диалектически решается проблема соотношения индивидуального и социального. Идеалы отдельных личностей, с одной стороны, оказывают влияние на содержание общественных идеалов, а с другой – находятся под их непосредственным воздействием. На уровне общественного сознания фиксируются те цели и идеалы, которые признаны социально значимыми ценностями. Основываясь на этом, В. П. Тугаринов предложил определение смысла жизни как «сознательно поставленной цели, имеющей общественное значение и составляющей главный и постоянный интерес человека» [12, с. 6].

По мнению В. П. Тугаринова, наиболее полно смысл жизни человека может быть реализован в социалистическом обществе. Это обусловлено более высоким уровнем организованности жизни, которая при социализме предстает в качестве объекта сознательного творческого моделирования в соответствии с научно обоснованными идеалами. При капитализме процветают мещанство и эгоизм, потому что в обществе, основанном на признании безусловного авторитета частной собственности, понятие смысла жизни неизбежно сводится к накоплению денег или вещей, ибо в них заключаются власть, благополучие и сама жизнь. Деграция человека как личности в данном случае неизбежна, поскольку процесс диалектического согласования индивидуального и социального часто совершается неосознанно, стихийно, причем решающими факторами здесь выступают фактическое подчинение человека социальным нормам и отсутствие у него реальной свободы. «Человек в современном буржуазном обществе, – писал В. П. Тугаринов, – отравляется не только отбросами, но и продуктами буржуазной культуры, задыхается не только в выхлопных газах автомобилей, но и в ядах буржуазного образа жизни. Этот образ жизни привел к разгулу преступности, сексуализма, наркомании, предельному упадку морали, отвержению духовных ценностей, культу роскошной и престижной жизни» [13, с. 65].

Интересно отметить, что В. П. Тугаринов, рассуждая о преимуществах социалистического строя перед капиталистическим, ставил задачу воспитания у человека потребности в таком смысле жизни, который был бы максимально согласован с общесоциальными ценностями и целями. Возможность решения этой задачи, с его точки зрения, обусловлена тем фактом, что в социалистическом обществе человек действительно и максимально свободен, а «наибольшая свобода дает человеку и возможность разносторонне развивать свою индивидуальность,

которая представляется именно в советском обществе» [12, с. 24]. Социально согласованный смысл жизни человека будет выражаться в признании приоритетной ценности семьи, труда, справедливо устроенного общества и станет важнейшей предпосылкой для личного счастья и социального оптимизма. Таким образом, смысл жизни человека в его индивидуальном и коллективном выражении выступает интегральной ценностью и критерием развития личности.

Важно подчеркнуть, что, изображая социалистический уклад в качестве идеальной формы человеческой жизни, В. П. Тугаринов подразумевал скорее проект подлинно гуманной цивилизации и был далек от идеализации реально существовавшего в то время советского социализма. Более того, описанный им идеал социального устройства может быть понят как способ критики истинного положения дел. Так, в стране победившего социализма, утверждал В. П. Тугаринов, все еще сохраняются человеческие пороки (грубость и неуважение к людям, пьянство, карьеризм, эгоизм и т. д.). Избавиться от них за короткое время нельзя, несмотря на правильность принимаемых законов, так как в реальности человек не совпадает с идеалом философских рассуждений. В. П. Тугаринов считал, что личность – это «человек, обладающий исторически обусловленной степенью разумности и ответственности перед обществом, пользующийся (или способный пользоваться в соответствии со своими внутренними качествами) определенными правами и свободами, вносящий своей индивидуальной деятельностью вклад в развитие общества и ведущий образ жизни, соответствующий идеалам его эпохи или класса» [14, с. 88]. По мнению ученого, особую роль в сохранении этих пороков играют соответствующая социальная микросреда, например мещанская семья, и материальное неравенство.

Другое дело, что именно в Советском Союзе были созданы наиболее благоприятные условия для того, чтобы человек мог максимально соответствовать своему идеалу. При социализме, утверждал В. П. Тугаринов, достигнута высшая степень свободы, поскольку устранена (по крайней мере, в теории) эксплуатация человека человеком, реализовано всеобщее право на образование, обеспечена возможность активного и сознательного участия человека в общественной жизни, преодолена его зависимость от прежних духовных пут (религии, национализма и шовинизма, мещанства и вещизма). В условиях социализма трудовая инициатива связывается с моральными стимулами и позитивными эмоциями. К ним относились стремление человека к творческой самореализации, желание стать полезным для общества гражданином-патриотом, сделать карьеру в своем государстве. По мнению В. П. Тугаринова, социалистическое общество является воистину

демократическим, так как требует, чтобы личность считалась с интересами социума, который, в свою очередь, заботится о человеке. Целью развития государства в условиях демократии является всестороннее и гармоничное развитие личности, воспитание ее высокой моральности и достижение ее физического совершенства.

В своей последней монографии «Природа, цивилизация, человек» [15] В. П. Тугаринов исследовал вопросы развития цивилизации и человека в контексте глобальных проблем. Он показал и проанализировал взаимозависимость социального, природного и культурного, отраженную в разнообразных формах общественного устройства и идеологии. Продолжая отстаивать идеал гуманного и справедливого общества, ленинградский философ аргументировал широкие возможности социализма в решении глобальных проблем человечества и становлении новой цивилизации, более соответствующей идеалу человека. «Идея совершенствования человека, – делал вывод В. П. Тугаринов, – придает смысл всем теориям человека. Ведь если верно, что человек таков же, как его общество, то столь же верно, что и общество будет таким, каким будет человек, живущий и действующий в нем» [13, с. 127].

Социально-философские идеи В. П. Тугаринова разделялись практически всеми представителями ленинградской философской школы. Некоторые аспекты его идей разрабатывались более подробно, иногда дополнялись и развивались, но суть их оставалась прежней. В качестве примера приведем теорию идеала В. П. Бранского. Эта теория, как и связанные с ней рассуждения о личности, смысле жизни, совершенном общественном устройстве, эстетике и культуре, использовалась В. П. Бранским в различных контекстах и представлена во многих его работах.

В. П. Бранский отталкивался от общепринятого положения ленинградской философской школы, согласно которому высшим уровнем философского знания является учение о ценности, или аксиология. Но ценности всегда связаны с понятием идеала, точнее, они выступают результатом его реализации. «Поэтому аксиология в конечном счете неизбежно становится идеологией, т. е. учением о природе и универсальных закономерностях формирования и реализации идеала» [16, с. 520]. В связи с этим возникает вопрос об отношении понятий «идеал» и «истина», и ответ на этот вопрос представляет собой теорию идеала В. П. Бранского.

Что касается истины, то она не может быть понята иначе, чем соответствие знания объекту, каким он существует до, вне и независимо от человека. И лучшим доказательством этого тезиса, по В. П. Бранскому, является «возможность появления в нашем сознании мысли о существовании незави-

симой от знания реальности» [16, с. 521]. Если бы истина не давала нам картину мира таким, каким он существует «на самом деле» или «в себе», то подобная мысль вообще не пришла бы никому в голову. То обстоятельство, что получение знания всегда предполагает взаимодействие субъекта с объектом, т. е. является субъективно обусловленным и потому неполным, не может, полагал В. П. Бранский, быть непреодолимым препятствием для познания объекта «в себе», потому что содержание понятия «истина» как раз в том и заключается, чтобы мы могли отличить истину от ошибки, лжи или бессмыслицы. Иначе говоря, если истина есть, то она истинна. Все сомнения на этот счет снимаются при помощи классической теории отражения и различения объективной и абсолютной истины.

Идеал, в отличие от истины, не претендует на соответствие знания субъекту, ибо «он дает нам картину мира не таким, каков он есть, а таким, каким он должен быть согласно нашему желанию» [16, с. 522]. Будучи своеобразным антиподом истины или ее искажением, идеал, однако, не тождествен заблуждению: принципиально отличаясь от истины, он не менее существенно отличается и от заблуждения. «Если заблуждение есть отклонение знания от истины вопреки желанию, то идеал является таким отклонением соответственно желанию. Стало быть, в отличие от заблуждения, являющегося искаженным представлением о реальности, идеал есть точное представление о желаемом изменении реальности» [16, с. 522].

Идеалы возникают вследствие обнаружения неполноты знания и понимания невозможности достигнуть абсолютной истины: «...именно несовпадение сущности реальности с ее внешним проявлением дает повод для идеализации этой реальности» [16, с. 525]. Таким образом, изначально идеал и истина неразрывно связаны друг с другом. На первый взгляд, рассуждает В. П. Бранский, может показаться, что прогресс познания должен рано или поздно привести к тому, что человек избавится от практики идеализации, заменив все ошибочные представления истинными. Неслучайно в истории философии имеется ряд попыток – как известно, тщетных – решить эту проблему (например, посредством истолкования идеала как формы проявления идеи или через определение истины как ценности, полезной для жизни). Однако в действительности этого никогда не случится. Проблему взаимоотношения идеала и истины следует решать не путем редукции одного к другому, а путем раскрытия их взаимосвязи и взаимодействия. «Если не путать истину и идеал, – делал вывод В. П. Бранский, – то легко понять, что идеалов может быть сколько угодно, тогда как объективная истина может быть только одна. Другими словами, плюрализм идеалов не вступает в противоречие с монизмом истины» [16, с. 525].

Диалектическое единство идеала и истины описывается В. П. Бранским следующим образом: постулируемая в той или иной философской системе природа реальности (онтологическая модель, или картина мира) определяет характер истины, то, что представляет из себя мир безотносительно к человеку, а истина, в свою очередь, определяет характер идеала, то, каким мир должен быть, чтобы соответствовать человеческим потребностям и интересам. С одной стороны, должное нельзя постичь, если нет знания о сущем, ибо тогда неясно, чем желаемое будет отличаться от наличного. С другой стороны, сущее нельзя познать, если нет критериев истины, которые не выводятся из опыта и требуют обращения к идеальному. Резюмируя свои размышления о взаимоотношении идеала и истины, В. П. Бранский писал: «Истина без идеала “слепа”, а идеал без истины “хромает”. Поэтому взаимоотношение истины и идеала напоминает старинную аллегория, использованную в свое время Шопенгауэром, – образ слепого, несущего на своих плечах хромого. Истина и идеал так же нуждаются друг в друге, как крепконогий слепец и острозоркий хромец» [16, с. 525–526].

Теория идеала В. П. Бранского нашла успешное применение для обоснования его социально-философских воззрений. Реализация идеала определяет всю систему ценностей и культуру данного общества. Без идеалов и практики их осуществления в реальной жизни культура невозможна. Кроме того, диалектика идеологии и научного знания обуславливает динамику социальной системы и способна объяснить все социальные взрывы и революции,

а также периоды стагнации и деградации. Идеал, сформулированный исходя из анализа существующего знания, выполняет функцию ориентира социального развития, способствует культурному росту и совершенствованию человека, но спустя некоторое время начинает, по выражению В. П. Бранского, «стареть», вступать в противоречие с новыми знаниями: истина становится для него все более «опасной соседкой». Вследствие увеличения напряженности в отношениях между идеалом и истиной создаются условия для отказа от существующего идеала, креативный потенциал которого уже исчерпан, и введения нового идеала, который соответствует уровню развившегося знания. «Итак, значение категории идеала в философской системе в конечном счете состоит в том, что это понятие показывает, как в рамках данной системы можно ответить на вопрос о смысле человеческой деятельности. Дело в том, что понятие истины не в состоянии ответить на этот вопрос (вопреки довольно распространенному мнению). Истина не несет никакой ответственности за ее применение именно потому, что эту ответственность целиком принимает на себя идеал. По мере расцвета идеала деятельность, направляемая этим идеалом, наполняется глубоким смыслом, по мере же его упадка она постепенно теряет этот смысл и становится бессмысленной» [16, с. 526].

Обращение к отчасти забытым сегодня идеям советских философов может быть сопряжено не только с удовлетворением историко-философского интереса, но и с возможностью использовать их для решения проблем современности.

Библиографические ссылки

1. Данилов АН. Программирующая роль культуры: универсальная модель цивилизационного развития В. С. Стёпина. В: Дудник СИ, Кротов АА, Миронов ВВ, Осипов ИД, редакторы. *Философия истории философии*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет; 2020. с. 66–83.
2. Стёпин ВС. XXI век – радикальная трансформация типа цивилизационного развития. В: *Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего: XVII Международные Лихачёвские научные чтения; 18–20 мая 2017 г.; Санкт-Петербург, Россия*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов; 2017. с. 185–188.
3. Стёпин ВС. *Человек. Деятельность. Культура*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов; 2018. 796 с.
4. Вьяккерев ФФ. Идеи и концепции ленинградской онтологической школы. *Вече. Альманах русской философии*. 1997;9:190–200.
5. Осипов ИД, Рыбас АЕ. Наука как путь к творчеству: к истории философских дискуссий в ЛГУ в 1950-х – 1960-х гг. *Вопросы философии*. 2021;11:147–156.
6. Бранский ВП. Ленинградская школа философии науки. В: Караваев ЭФ, Разеев ДН, редакторы. *Философия о предмете и субъекте научного познания*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество; 2002. с. 47–60.
7. Рыбас АЕ. Ленинградская школа философии науки: основные идеи и представители. В: Малинов АВ, Рыбас АЕ, редакторы. *Интеркультурная философия: полилог традиций*. Санкт-Петербург: Интерсоцис; 2020. с. 276–286.
8. Басин МА, редактор. *Синергетика и методы науки*. Санкт-Петербург: Наука; 1998. 439 с.
9. Бранский ВП, Пожарский СД. История и глобализация. Глобализация и синергетическая философия истории. *Общественные науки и современность*. 2006;1:109–120.
10. Марахов ВГ, Осипов ИД. Философия в России. Настоящее. Будущее. Беседа с профессором В. Г. Мараховым. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение*. 2014;2:5–11.
11. Тугаринов ВП, Румянцева ТМ. *Предвидение и современность*. Ленинград: Наука; 1976. 212 с.
12. Тугаринов ВП. *О смысле жизни*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета; 1961. 125 с.

13. Тугаринов ВП. *Философия сознания*. Москва: Мысль; 1971. 199 с.
14. Тугаринов ВП. *Личность и общество*. Москва: Мысль; 1965. 215 с.
15. Тугаринов ВП. *Природа, цивилизация, человек*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета; 1978. 128 с.
16. Бранский ВП. *Искусство и философия*. Москва: Янтарный сказ; 1999. 704 с.

References

1. Danilov AN. [The programming role of culture: V. S. Stepin's universal model of civilisational development]. In: Dudnik SI, Krotov AA, Mironov VV, Osipov ID, editors. *Filosofiya istorii filosofii* [Philosophy of the history of philosophy]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University; 2020. p. 66–83. Russian.
2. Stepin VS. [The 21st century – radical transformation of civilisation development type]. In: *Global'nyi mir: sistemnye sdvigi, vyzovy i kontury budushchego: XVII Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya; 18–20 maya 2017 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya* [Global world: system shifts, challenges and contours of the future: 17th International Likhachev scientific readings; 2017 May 18–20; Saint Petersburg, Russia]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences; 2017. p. 185–188. Russian.
3. Stepin VS. *Chelovek. Deyatelnost'. Kul'tura* [Man. Activity. Culture]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences; 2018. 796 p. Russian.
4. Vyakkerev FF. [Ideas and concepts of the Leningrad ontological school]. *Veche. Al'manakh russkoi filosofii*. 1997; 9:190–200. Russian.
5. Osipov ID, Rybas AE. Science as a path to creative work: to the history of philosophical discussions at Leningrad State University in the 1950–1960s. *Voprosy filosofii*. 2021;11:147–156. Russian.
6. Branskii VP. [The Leningrad school of philosophy of science]. In: Karavaev EF, Razeev DN, editors. *Filosofiya o predmete i sub'ekte nauchnogo poznaniya* [Philosophy on the object and subject of scientific cognition]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo; 2002. p. 47–60. Russian.
7. Rybas AE. [Leningrad school of philosophy of science: main ideas and representatives]. In: Malinov AV, Rybas AE, editors. *Interkul'turnaya filosofiya: polilog traditsii* [Intercultural philosophy: the dialogue of traditions]. Saint Petersburg: Intersotsis; 2020. p. 276–286. Russian.
8. Basin MA, editor. *Sinergetika i metody nauki* [Synergetics and methods of science]. Saint Petersburg: Nauka; 1998. 439 p. Russian.
9. Branskii VP, Pozharskii SD. [History and globalisation. Globalisation and synergetic philosophy of history]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2006;1:109–120. Russian.
10. Marakhov VG, Osipov ID. Philosophy in Russia. Past. Real. Future. Interview with prof. V. G. Marahov. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 17. Filosofiya. Konfliktologiya. Kul'turologiya. Religiovedenie*. 2014;2:5–11. Russian.
11. Tugarinov VP, Rumyantseva TM. *Predvidenie i sovremennost'* [Foresight and modernity]. Leningrad: Nauka; 1976. 212 p. Russian.
12. Tugarinov VP. *O smysle zhizni* [On the meaning of life]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta; 1961. 125 p. Russian.
13. Tugarinov VP. *Filosofiya soznaniya* [Philosophy of consciousness]. Moscow: Mysl'; 1971. 199 p. Russian.
14. Tugarinov VP. *Lichnost' i obshchestvo* [Personality and society]. Moscow: Mysl'; 1965. 215 p. Russian.
15. Tugarinov VP. *Priroda, tsivilizatsiya, chelovek* [Nature, civilisation, man]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta; 1978. 128 p. Russian.
16. Branskii VP. *Iskusstvo i filosofiya* [Art and philosophy]. Moscow: Yantarnyi skaz; 1999. 704 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 24.08.2022.
Received by the editorial board 24.08.2022.

СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК: ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Ж. Т. ТОЩЕНКО^{1), 2)}

¹⁾Российский государственный гуманитарный университет, пл. Миусская, 6, 125993, г. Москва, Россия

²⁾Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН,
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, 117218, г. Москва, Россия

Реализуется попытка осмыслить появление феномена советского человека и специфику его функционирования на различных этапах становления и развития общества. Показывается, что сознание советского человека складывалось постепенно, в рамках преодоления объективных и субъективных противоречий. Особое внимание уделяется советскому человеку как ключевому звену в возникновении общественного договора между гражданином и Советским государством. Проводится краткий критический анализ антисоветских концепций. Осуществляется поиск ответа на вопрос, почему феномен советского человека продолжает жить в умах и сердцах россиян спустя три десятилетия после краха Советского Союза.

Ключевые слова: человек; советский человек; мировоззрение; классификация трактовок феномена советского человека.

SOVIET MAN: THE EXPERIENCE OF UNDERSTANDING THE SOCIO-HISTORICAL REALITY

Zh. T. TOSHCHENKO^{a, b}

^aRussian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Square, Moscow 125993, Russia

^bFederal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences,
24/35 Krzhizhanovskogo Street, 5 building, Moscow 117218, Russia

The article makes an attempt to comprehend appearance of the phenomenon of Soviet man in the historical arena, the specifics of its functioning at various stages of the formation and development of Soviet society. It is shown that the consciousness and activity of the Soviet person developed gradually, within the framework of overcoming objective and subjective contradictory circumstances. Particular attention is paid to the Soviet person as a decisive link in the emergence and existence of a social contract as the basis of Soviet society. A brief critical analysis of anti-Soviet concepts is being implemented. A search is being made for an answer to the question why the phenomenon of the Soviet man continues to live in the minds and hearts of Russians three decades after the collapse of the Soviet Union.

Keywords: man; Soviet man; worldview; classification of interpretations of the phenomenon of Soviet man.

Образец цитирования:

Тощенко ЖТ. Советский человек: опыт осмысления социально-исторической реальности. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2022; 3:23–31.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-3-23-31>

For citation:

Toshchenko ZhT. Soviet man: the experience of understanding the socio-historical reality. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;3:23–31. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-3-23-31>

Автор:

Жан Терентьевич Тощенко – член-корреспондент Российской академии наук, доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой истории и теории социологии социологического факультета¹⁾, главный научный сотрудник²⁾.

Author:

Zhan T. Toshchenko, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of theory and history of sociology, faculty of sociology^a, and chief researcher^b.
zhantosch@mail.ru

История есть перманентное обновление человека.

А. И. Неклесса

Введение

Истории возникновения, развития и краха Советского Союза посвящены тысячи трудов, но, как ни странно, почти все из них уделяют ничтожно мало внимания тому, что происходило в душах людей, как развивалось и функционировало общественное сознание на всех этапах существования Советской страны. Попытки осмыслить и объяснить процесс формирования человека с социалистическим мировоззрением представлены как научными, публицистическими, художественными интерпретациями, так и произвольными, предвзятыми толкованиями. В данной статье осуществляется классификация различных точек зрения, определяется их обоснованность, а также связь с исторической реальностью,

как разные источники трактуют становление советского человека, изменение его потребностей, мотивов, ценностных ориентаций и интересов в процессе радикальных преобразований. Главная цель статьи – доказать, что существование советского человека обусловлено созданием, функционированием и постоянным обновлением общественного договора между гражданином и государством. Особое внимание уделяется тому, чтобы понять не только суть происходивших процессов, но и их причины и условия. Анализируются основные источники о формировании феномена советского человека – научные публикации, художественная литература и данные социологических исследований.

Методология и методы исследования

Большинство научных публикаций, посвященных истории возникновения, развития и функционирования Советской страны, сосредоточены на рассмотрении политической и экономической сфер, анализе решений центральной и локальной власти, изучении изменений в социальной жизни общества. В них приводятся статистические данные о состоянии экономики и культуры, характеризуется социально-классовая структура общества, интерпретируются политические изменения. При этом процессы, происходившие в сознании и поведении людей, их социальное самочувствие остаются без внимания. В лучшем случае описываются некоторые черты советского типа личности, но их широкая трактовка не приводится.

Многие публицисты пытались раскрыть не только позитивные, но и проблемные стороны жизни советских людей. Но, как правило, эти попытки сводились к отражению отдельных эпизодов, которые не позволяют составить обобщающий портрет со-

ветского гражданина. В зависимости от мировоззренческой позиции автора данные примеры могут трактоваться с разных ракурсов и иметь противоположные и взаимоисключающие объяснения одних и тех же событий и процессов.

В научной и общественно-политической литературе основной акцент делается на описании событий во время Гражданской войны и Великой Отечественной войны, а также характеристике отдельных сфер общественной жизни в годы пятилеток. Ограниченность информации о сознании и поведении советского человека не позволяет составить полную картину о жизнеустройстве всех социальных слоев советского общества. В данной статье предпринята попытка найти сведения, свидетельствующие о социальном самочувствии советских людей, их отношении к официальной политике и окружающей действительности. Важно выяснить, почему и как человек участвовал в общественном договоре с государством, а также что он чувствовал при этом.

Опыт научного осмысления феномена советского человека

Одну из первых попыток охарактеризовать советского человека с точки зрения философских концепций личности осуществил Г. М. Гак. Исследуя формирование гражданина социалистического общества, диалектику взаимоотношений коллектива и личности в условиях социализма, ученый сделал широкое обобщение: индивидуальность советского человека проявляется в степени развития общих способностей, особенностях характера и темперамента, наличии индивидуального мнения, вкуса [1, с. 64].

Наиболее полное и всестороннее описание феномена советского человека и эволюции его мировоз-

зрения представлено в монографии Г. Л. Смирнова [2]. Автор считает, что основные характеристики социалистического типа личности заложены в фигуре пролетарского революционера. Впоследствии эти черты так или иначе нашли отражение в каждом советском человеке.

Попытку целостного анализа феномена советского человека предпринял М. А. Лифшиц, который рассмотрел жизнь советских людей после Октябрьской революции и выделил основные тенденции формирования их мировоззренческой и практико-ориентированной позиции. По мнению исследователя, данные тенденции заключались в возвышении

человека труда, превращении трудовой деятельности в дело чести, доблести и героизма, воплощении в ней высоких нравственных качеств (милосердия, взаимоуважения и коллективизма), всемерном поддержании идей интернационализма, соблюдении здорового образа жизни, а также в нацеленности на активное участие в решении общественно значимых проблем [3, с. 3–33].

Особого внимания заслуживают труды А. А. Зиновьева, который критически осмысливает феномен советского человека. Ученый анализирует наиболее животрепещущие проблемы жизни советских людей, противоречивость их сознания и неоднозначность поведения. Отдавая должное достигнутым результатам по формированию социалистического типа личности, А. А. Зиновьев отвергал многие методы государственной политики по отношению к советским гражданам. Работы автора не ограничиваются критикой, он предлагает конкретные шаги по достижению перспективной и грандиозной цели – формированию нового человека¹. Необходимо отметить, что после краха СССР А. А. Зиновьев стал активным защитником советского строя и человека.

Попытки осмыслить реализацию проекта по созданию личности нового типа предпринимались представителями не только советской науки и политики. Многие зарубежные мыслители задавались вопросом: «Можно ли создать человека принципиально нового качества?». В данном контексте представляет интерес ответ выдающегося ученого, лауреата Нобелевской премии А. Эйнштейна: «Я убежден, что есть только один способ избавиться от этих (капиталистических. – Ж. Т.) ужасных зол, а именно путем создания социалистической экономики с соответствующей системой образования, которая была бы направлена на достижение общественных целей. В такой экономике средства производства принадлежат всему обществу и используются по плану. Помимо развития его природных способностей, образование человека ставило бы своей целью развитие в нем чувства ответственности за других людей вместо существующего в нашем обществе прославления власти и успеха» [4].

В этих словах содержится теоретическая основа для объяснения появления нового типа личности. Более того, они доказывают правомерность и неизбежность создания нового общества, акцентируя внимание на формировании нового типа отношений и, как следствие, человека нового социалистического мировоззрения. Осмысление кардинальных преобразований социума позволяет объяснить появление феномена советского человека.

Бум ретроспективного анализа данного феномена начался с вывода А. В. Кивы о том, что самое большое влияние на общественное сознание оказал советский период [5]. В постсоветский период исследования на данную тему были связаны с анализом Октябрьской революции и строительства нового государства – СССР. В них описываются условия и факторы глубинных общественных изменений, но в то же время отводится сравнительно скромное место изучению мироощущения человека в процессе социальных преобразований [6, с. 66–77; 7, с. 91].

В дискуссиях о феномене советского человека чаще всего анализировались его личностные качества. Среди базовых ценностей, присущих ему, исследователи чаще всего называют социальную справедливость (соблюдение принципов социального равенства), государственный патернализм (надежда на защиту со стороны государства), интернационализм (приоритет классового подхода над национальным), атеизм [8, с. 29]. Другие авторы отмечают также идеологическое воспитание, патриотизм, коллективизм, приоритет общественного над личным [9, с. 24].

Для советского человека было типично острое внутреннее противоречие. С одной стороны, он выступал творцом нового общества, создателем новой экономики, неподдельным энтузиастом. Но, с другой стороны, во всех сферах (трудовой, социально-политической, идеологической) он был всемерно зависим от авторитарной системы [10]. Противоречивость положения была характерна практически для всех граждан Страны Советов.

Рассмотрение советского человека как социально-культурного типа личности обнаруживает его глубинное внутреннее противоречие между, с одной стороны, индивидуальным самосознанием, социальной и культурной креативностью, энтузиазмом, самосовершенствованием, романтической верой в будущее, оптимизмом, взаимопомощью, уходом от денежного и товарного фетишизма и, с другой стороны, коллективистской идентичностью, подчинением системе в обмен на социальные гарантии, конформизмом, страхом объективности в понимании общественной жизни [11], социальной пассивностью и подавлением личной свободы [12].

Интересно соображение нейробиолога Н. Н. Латыпова, применившего медицинскую терминологию в отношении общественных явлений в советский период. По его мнению, славянскими народами СССР вместе с народами Средней Азии и Закавказья была сформирована генетическая (в социальном смысле) идентичность – советский народ. Эта исто-

¹Зиновьев А. А. Зияющие высоты. М., 1976. 564 с.; Он же. Глобальный человек. М., 1997. 368 с.; Он же. Русская судьба, исповедь отщепенца. М., 1999. 506 с.; Он же. Русская трагедия. М., 2002. 475 с.

рически сложившаяся общность людей была достаточно сплоченной и оставалась бы такой, если бы не мутации и злокачественное вырождение коммунистической элиты [13]. Н. Н. Латыпов подчеркивает, что новая цивилизационная популяция – советский народ – оказывала благотворное влияние и на эволюцию генетического кода Запада.

Отдельно следует отметить позиции антисоветских идеологизированных представителей науки, отрицающих существование советского человека и утверждающих, что СССР – это неудавшийся социально-политический проект. Именно с их подачи появился термин *homo soveticus*, под которым они подразумевали индивида, научившегося жить в репрессивном государстве, вступая с ним в коррупционные сделки, обманывая его. К подобным объяснениям прибегал историк А. Б. Зубов [14]. В его описаниях история Советской страны представлялась чередой позорных поражений, катастроф, торжества тирании и неудачных экспериментов, а жизнь человека соотносилась только с расстрелами, раскулачиванием, голодом и преследованиями. Не менее оголтелую позицию занимает скандально известный И. Б. Чубайс, называющий себя философом. Он утверждает, что, если мы продолжатели СССР, мы должны принять весь груз ответственно-

сти за преступления советского режима и что необходимо организовать суд над СССР.

Особые формы шельмования использовал Ю. С. Пивоваров, бывший директор Института информации по общественным наукам РАН, который проявлял невероятную активность в «разоблачении» советского прошлого. Ю. С. Пивоваров пытается совместить две кентавристические идеи. С одной стороны, он признает, что советский человек – это продукт грандиозной социальной трансформации: «Что говорить, удалось большевикам вырастить новый тип личности. Правильнее всего, наверное, будет сказать, что в современной России доминирует советский тип личности, пресловутый *homo soveticus*» [15]. С другой стороны, он занимает оголтелую позицию: «Самое страшное – это признать, что советский тип личности дан нашему народу на вечные времена и что за этим типом – будущее. И он действительно не желает исчезать. Советскость воспроизводится в новых поколениях» [15]. Ю. С. Пивоваров призывает уйти от советскости, отречься от нее, отказаться и даже проклясть большевиков, которые якобы всех обманули.

Таким образом, в научных исследованиях представлены самые разные интерпретации возникновения и существования советского человека.

Данные социологии как источник о мировоззрении советского человека

В трактовке феномена советского человека значительное место занимают социологические исследования, хотя этапы строительства нового общества представлены в них неравномерно.

В 1920-х гг. внимание социологов было направлено на изучение различных общностей и групп рабочих (Е. О. Кабо, Б. Б. Коган, М. С. Лебединский), молодежи (А. И. Колодная), крестьян (П. А. Анисимов, А. Б. Гейер). В 1920–30-х гг. проводились социологические и социально-психологические исследования красноармейцев. Подобные работы отражали многообразие трудовой, политической и социальной жизни советских людей на основе не только умозрительных рассуждений и статистических данных, но и на базе конкретных эмпирических экспериментов [16].

На наш взгляд, образцом социологического изучения внутреннего мира крестьян является труд А. М. Большакова «Деревня: 1917–1927». Автор использует монографический подход: подробнейшим образом исследуется социально-экономическое состояние нескольких волостей Тверской губернии, показано участие крестьян в экономической и политической жизни государства, их неоднозначное отношение к реформам, кроме того, представлен анализ частушек, наглядно отражающих настроения и заботы сельских жителей [17].

В 1930–40-х гг. проведение эмпирических исследований приостановилось. В конце 1950-х гг. они

были возрождены в рамках классической марксистской парадигмы: изучению подвергались в первую очередь трудовые коллективы рабочего класса. Приведем любопытный факт: первая статья, посвященная анализу жизни рабочих уральских заводов, появилась в журнале «Вопросы философии» в 1959 г. [18, с. 97–111]. Дальнейшие социологические публикации также описывали социальное положение рабочих в различных отраслях народного хозяйства. Среди подобных работ следует отметить коллективные монографии под редакцией Г. В. Осипова, В. А. Ядова и А. Г. Здравомыслова, а также публикации Ю. В. Арутюняна. Все они давали оценку не только социальному статусу работников производства, но и выявляли новые грани их мироощущения, их отношение к происходящим в обществе изменениям.

Горизонт исследований постепенно расширялся за счет новых групп экспертов, в том числе представителей научной и инженерно-технической интеллигенции (Г. Н. Волков, А. А. Зворыкин, С. А. Кугель, Л. С. Бляхман, О. И. Шкаратан). Обстоятельному анализу подвергались профессиональные и социальные страты общества: крестьянство (Т. И. Заславская, П. П. Великий, В. И. Староверов), молодежь (С. Н. Иконникова, В. Т. Лисовский, В. И. Чупров), пенсионеры (В. Д. Шапиро). Постепенно формировалась социология семьи, заявившая о себе фундаментальным трудом А. Г. Харчева «Семья и брак в СССР»

(1964). Работа в этом направлении положила начало проведению подобных исследований во многих университетах страны. В 1970–80-х гг. получили развитие национальные школы социологии. В Беларуси зарождение социологической школы связано с именами Г. П. Давидюка и Е. М. Бабосова, на Украине – с именем Е. А. Якубы, в Грузии – с именем А. А. Габани, в Азербайджане – с именем А. Ф. Даждамирова, в Таджикистане – с именем В. И. Выборновой.

В советской социологии шло накопление информации о различных аспектах общественной и личной жизни. Изучение социального настроения позволяло видеть советское общество во всем его многообразии.

Хотелось бы выделить исследовательский проект под руководством Ю. А. Левады [19]. Первоначально социологи были нацелены на то, чтобы проследить процесс постепенного исчезновения советского человека и его мировоззрения, но вышли на неожиданный результат. По признанию некоторых участников проекта, респонденты называли себя простыми, терпеливыми. Но в интерпретации этих мнений, осуществленной Л. Д. Гудковым, получалось, что советский человек лукав, двуличен. Почему? В трактовке Л. Д. Гудкова под словом «терпеливые» надо иметь в виду страдальцев. По его мнению, советские люди таким образом компенсировали свое чувство зависимости и неполноцен-

ности «в смысле недооцененности, униженности, уязвимости перед властью», причиной выступал «беспрецедентный в истории цивилизации уровень насилия по отношению к личности»². Однако участники проекта так и не смогли ответить на вопрос, почему советский человек не уходит в прошлое. Если это отрицательный феномен, то он должен был исчезнуть. Уже к концу 1990-х гг. исследователи, участвовавшие в проекте, были вынуждены признать, что их ожидания, связанные с уходом старого поколения и приходом нового, не знающего «пороков» советского прошлого, не оправдались. В одной из лекций Ю. А. Левада сделал вывод о том, что советский человек не исчез, не растворился в наступившем безвременье. Ответить на данный вопрос пытались социологи центров по изучению общественного мнения, академических институтов и университетов [20]. Но наиболее объективный ответ сформулировали сами россияне. Уже в начале 2000-х гг. более трети из них отмечали, что считают себя советскими людьми, еще 25 % – частично советскими. В начале 2022 г. эта цифра не только не снизилась, но и возросла. Таким образом, советский человек – это не просто идеологический конструкт или политический проект, а реально существовавший и продолжающий существовать социальный феномен, черты которого сохраняются не только среди россиян.

Художественная литература о становлении и жизни советского человека

Одним из достоверных источников сведений о советском человеке, его мировоззрении и поисках истины являются художественные произведения. Именно в них наиболее полно отражены позитивные и негативные стороны жизни в советский период.

Повесть А. А. Фадеева «Разгром» описывает мысли и поведение уцелевших в бою с белогвардейцами партизан, которые боролись за советскую власть на Дальнем Востоке в период Гражданской войны. Несмотря на горечь поражения, они намерены отстаивать свой выбор как единственно правильный. Их поступки пронизаны верностью идеалам революции. Описание жизни небольшого партизанского отряда становится отражением масштабной картины исторических событий того периода. В повести убедительно показывается, что ведущей силой революции были простые люди с огромной волей к победе.

Годы Гражданской войны описываются также М. А. Шолоховым в романе «Тихий Дон». В произведении представлены метания души Григория Мелехова, не раз менявшего свою гражданскую позицию в зависимости от противоречивых жизненных обстоятельств. Мучительный поиск привел его

к окончательному решению – быть вместе с теми, кто выбрал советскую власть.

Многообразие мировоззренческих ориентаций советских людей М. А. Шолохов отразил в романе «Поднятая целина». Время коллективизации было периодом непростых и мучительных решений в условиях кардинальных изменений крестьянского уклада жизни. Читателю демонстрируется моральное состояние крестьян – от верных до крайности идеям революции в образе Макара Нагульнова до противников социалистических преобразований в лице Якова Островнова и Александра Половцева. Становление колхозного строя в деревне показано сквозь призму взаимоотношений простых людей, которые неожиданно оказались в двух враждующих лагерях – контрреволюции и социализма. Не меньшим было число сомневающихся, но потом все же перешедших на сторону советской власти (Кондрат Майданников).

Сложность решения проблем индустриализации через призму строительства новых заводов убедительно описал И. Г. Эренбург в книге «День второй». Он показал, что заводы возводили обычные люди, объединенные одной целью. «Их называли

²«Циничный, двуличный, апатичный». Почему «человек советский» продолжает жить среди россиян и заставляет их терпеть и страдать [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/articles/2019/05/24/homo_soveticus/ (дата обращения: 12.06.2022).

ударниками. Одни из них надрывались, чтобы получить леденцы к чаю или отрез на штаны. Других подгоняло честолюбие: они не хотели остаться позади. Третьи работали так, как обычно играют в железку: это был свой, строительный азарт. Четвертые мечтали выйти в люди: стать обер-мастером, попасть на курсы в Свердловск, променять кирку или кувалду на портфель красного директора. Пятые боготворили завод. Машины для них были живыми. Они звали домну Домной Ивановной. Они звали маргеновскую печь дядей Мартыном. Шестые верили, что стоит достроить этот завод, как людям сразу станет легче: будут рельсы, а по рельсам понесутся сахар, чай, сукно и сапоги. Ударников было много – чистых и нечистых. Но все они работали скорее, нежели могли. Они работали скорее, нежели могут работать люди. На кладке огнеупорного кирпича французские специалисты говорили: “Человек может положить в день полтонны”. Каменщик Щеголев выслушал переводчицу и ничего не сказал. Его бригада вышла на работу в шесть утра. Щеголевы работали до ночи. Они не курили, чтобы не потерять ни минуты. Когда они сдали работу, на человека вышло по полторы тонны⁵. Роман И. Г. Эренбурга «День второй» был обнаженно правдив. Он показал, что на пути построения Советской страны было немало недостатков, просчетов и непродуманных решений, но мотивация простых людей подкреплялась не столько осознанием того, что они создают великое и могущественное государство, сколько доверием ко всему происходящему и убежденностью в том, что завтра будет лучше.

Тема Великой Отечественной войны с точки зрения проникновения в глубины человеческой души,

описания непоказного патриотизма и верности убеждениям ярко представлена в произведениях В. В. Быкова. «Сотников», «Обрыв», «Круглянский мост» – эти и другие его повествования являют собой убедительный, глубокий социально-психологический анализ поведения людей, рассказ о буднях военного времени, где герои не совершают великих подвигов, но в своей трагической повседневности осуществляют такие действия, из которых и складывается великая победа над врагом.

Данным примером нельзя умалять значение создателей солдатской и лейтенантской прозы, таких как Г. Я. Бакланов, Ю. В. Бондарев, К. М. Симонов, К. Д. Воробьев, В. А. Курочкин. Они показали войну с самого близкого расстояния, описав будничные героические усилия народа, глубочайшую нравственность их осуществления в трагических обстоятельствах конкретного времени и малого пространства. Эта проза во многом стала моментом правды в литературе. «Момент правды, – писал И. А. Дедков, – это момент честной и совестливой памяти, хранящей лицо жизни, лицо войны, лицо человека в их истинном, настоящем выражении и воссоздающей их в наивозможной полноте, чтобы ничто из пережитого и пройденного народом не было напрасным» [21, с. 158].

Поведение советских людей в послевоенное время, период освоения целины, строительства новых городов и предприятий в Сибири, на Крайнем Севере и Дальнем Востоке исследуется в произведениях многих художественных направлений: в музыке (А. Н. Пахмутова), поэзии (Е. А. Евтушенко, Р. И. Рождественский), прозе (В. Г. Распутин, В. М. Шукшин, Ф. А. Абрамов).

О критиках феномена советского человека

Наряду с попытками взвешенного и (или) критического анализа процессов формирования нового типа личности – советского человека – появились самые разные интерпретации, начиная от пародийной (А. А. Генис, П. Л. Вайл, А. Д. Синявский) и завершая заведомо яростной антисоветской риторикой. Критики феномена советского человека стремились доказать, что он представляет собой ограниченное, примитивное существо и это лишний раз доказывает преступный характер советской власти. Публицисты, отрицающие существование советского человека, появились в основном уже после распада СССР, олицетворяя собой оголтелую критику всего, относящегося к истории Советского Союза. Предпринималось немало попыток заменить анализ исторического процесса самого разного плана «отсебятиной».

Прежде всего отметим изысканную фальсификацию, осуществленную известным писателем-либералом Д. Л. Быковым. Он утверждал, что советский человек – это концепция чекистской антропологии, которая пыталась «выковать» новую породу людей. Он неоднократно высказывал эту идею, апеллируя самыми разными аргументами, но особенно настаивал на том, что правовестником данной антропологической революции стал Максим Горький, который восхвалял «перековку» заключенных на Соловках и Беломорканале, а также приветствовал опыты педагогов-чекистов А. С. Макаренко и М. Б. Погребинского. Полностью игнорируя деятельность миллионов людей по созданию новой экономики, преобразованию общественной и личной жизни, Д. Л. Быков обрушился с критикой на интеллигенцию, назвав вершиной советского антропологиче-

⁵Эренбург И. Г. День второй [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/articles/2019/05/24/homo_soveticus/ (дата обращения: 12.06.2022).

ского проекта Московский институт философии, литературы и истории имени Н. Г. Чернышевского.

Другой критик концепции советского человека, Ю. Б. Юдин, отмечал, что в 1920–30-х гг. радикальных замыслов в советских головах было много, но после экспериментальных попыток реализации различных концепций по формированию нового человека всех несогласных «стали просто убивать механически, по разрядке, в одиночку и группами» [22]. По его мнению, стратегический план по преобразованию природы и воспитанию нового человека в 1940-х гг. выглядел следующим образом: «Переделать ландшафт, напоить пустыни, обогреть тундру, надо будет – растопим льды. Перевоспитать биологические виды по Мичурину и Лысенко, скрестить стрижа, ежа и жабу и освежить их социалистической моралью: мы не можем ждать милостей от природы, она сама у нас в немилости. Преодолеть пространство и простор, подчинить стихии: техника в период реконструкции решает все. Победить и время, а в особенности старость и смерть, здоровье каждого – богатство всех! Вступай в ряды продиспансеризовавшихся! Женщина! Стирай трусы ежедневно!» [22]. Что это – зубоскальство, издевательство, смехачество или ненависть ко всему советскому, к его истории, к тем людям, которые сделали страну великой?

Немалую лепту в безудержное отрицание феномена советского человека внесли публицисты и журналисты. Нередко давалось предельно широкое обобщение, как, например, в фильме А. В. Пивоварова «Гибель империи», созданном по заказу Института экономической политики имени Е. Т. Гайдара. «Экономическая история СССР такова: все работали насильно и даром, поэтому работу ненавидели. Лучших тружеников загубили в ГУЛАГе. В результате хлеба не хватало. Но в СССР оказалась нефть, ее гнали за рубеж, а на вырученные деньги покупали хлеб, тем и жили. Но иногда авторы пробалтываются: например, там же говорится, что накануне всех трагических событий горбачёвского периода внешняя торговля составляла лишь 6 % всей экономики СССР. Это обрушивает все предыдущее умпостроение, но вообще-то зрители редко следят за подобными “мелочами”: в телевизоре главное – впечатляющая картинка. И она явлена – пресловутые пустые прилавки, заполненные за неимением продуктов банками с аджикой»⁴. Спрашивается, могли ли эти 6 % кормить весь народ? А почему нет ответа на вопрос, как получилось, что только за годы первых пятилеток было построено более 3 тыс. заводов, т. е. по одному заводу в день, что превратило СССР во вторую державу мира.

На этом фоне наиболее распространенным способом отрицания и даже шельмования советского строя и, соответственно, советского человека был такой прием: демонстрировался негативный эпизод, который действительно был в истории страны, региона, поселения, следовало его описание в зависимости от личных предпочтений автора, а затем шло предельно широкое обобщение выявленных изъянов, пороков, ошибок и даже преступлений на все советское общество. Так, в статье П. С. Гутионтова «Светлым путем идете, товарищи» рассказывается о д. Светлый Путь, г. п. Ленинске и г. Темрюке (Волгоградская обл.). В материале скрупулезно подсчитано, сколько крестьян раскулачили, сослали или расстреляли, как их душили хлебозаготовками и налогами. Описывается, сколько в г. Темрюке закрыли предприятий, куда сослали молокан, почему открыли два исправительно-трудовых лагеря. И ни одного слова о других сторонах жизни, о том, что в д. Светлый Путь по инициативе жителей была организована коммуна, открылись новые предприятия, учреждения культуры, ликвидирована неграмотность. Из этого материала следует только один вывод: на протяжении 70 лет советской власти были лишь ссылки, аресты, принудительная конфискация, запреты и уничтожение традиций. И ни слова о другом. Нет даже попытки ответить на вопрос: «Почему большинство вспоминают советскую жизнь с сожалением об утраченном, пусть и бедном, но гарантирующем простое благополучие и уверенность в будущем?». Иначе можно сделать вывод о том, что в этих населенных пунктах жили только ущербные приспособленцы [23].

Среди усилий по искоренению памяти о советском образе жизни особое место занимают дискредитация понятия «советский человек» и замена его получившим широкое распространение словом «совок». К концу перестройки идеологическое утверждение: «Народ – вершитель судеб страны» – стало терять свое значение, в обиход вошла формулировка «страна совков», которая отождествлялась с набором всевозможных пороков и психических отклонений. Под флагом борьбы с социалистической идеологией была развернута беспрецедентная кампания по искоренению ориентаций и установок, которые формировались в течение более чем 70-летней истории СССР. Причем это отвержение представлено широким диапазоном высказываний, от изречения А. Б. Чубайса: «Я ненавижу Советский Союз» – до отдельных демагогических оценок развития экономики, культуры, образования и употребления слова «совок» М. Эпштейном: «Совок был существом наглым и хамоватым, но и лопухим,

⁴Чубайс и новая-старая движуха // LiveJournal [Электронный ресурс]. URL: <https://domestic-lynx.livejournal.com/229551.html> (дата обращения: 20.06.2022).

лоховатым» [24]. Возникает образ если не отброса человеческого рода, то уродливого, нетерпимого и исторически несостоятельного явления, которое нельзя объяснить ничем иным, как непостижимым историческим зигзагом и вывертом из логики общественного развития.

Аргументация таких заявлений построена на принципе, который древние римляне называли аргументом к невежеству, т. е. с использованием доводов, рассчитанных на неосведомленность читателя или зрителя, и с сознательным уклонением от добросовестного анализа происходящих явлений.

Заключение

Можно утверждать, что создание СССР стало впечатляющим историческим экспериментом, который в значительной степени реализовался, что доказано процессом социально-экономических, социально-политических и социально-культурных изменений. С. Кара-Мурза писал о том, что советский строй – это реализация цивилизационного проекта, рожденного Россией в русле ее истории и культуры. Многие из проекта не удалось осуществить в силу обстоятельств. Но удалось великое по замыслу и грандиозное по масштабам дело – создать жизнеустройство, надежно устранившее источники массовых социальных страданий, с высоким уровнем безопасности и солидарными межэтническими отношениями. Это был проект с большим творческим потенциалом и мощным стимулом развития.

Об этом говорят и социологические данные. Согласно исследованию, проведенному Всероссийским центром изучения общественного мнения в 2021 г., 67 % россиян сожалеют о распаде СССР и, если бы референдум о сохранении СССР состоял-

ся, 73 % россиян проголосовали бы за (напомним, в марте 1991 г. данный показатель составлял 76 %). Фонд общественного мнения утверждает, что 60 % россиян пожалели о распаде СССР. А по данным Левада-Центра, больше половины (56 %) опрошенных сожалеют о крахе Советского Союза и считают, что люди потеряли чувство принадлежности к великой державе. Еще 55 % уверены в том, что была разрушена единая экономическая система. Чуть меньше респондентов (41 %) отмечают рост взаимного недоверия и ожесточенности, разрушение связей с родственниками и друзьями (29 %) и утрату ощущения, что ты повсюду как дома (24 %). Характерно, что такие чувства присущи даже молодежи. Причем динамика этих данных с 1990-х гг. показывает, что количество положительных оценок роли и значения своей бытности в СССР не снижается, а постоянно растет.

Советский человек не исчез. Он и не исчезнет, как не исчезает душа русского человека со всеми теми качествами, которые помогают ему жить, работать, отдыхать и быть уверенным в будущем.

Библиографические ссылки

1. Гак ГМ. *Формирование нового человека*. Москва: Высшая партийная школа при ЦК КПСС; 1962. 64 с.
2. Смирнов ГЛ. *Советский человек. Формирование социалистического типа личности*. Москва: Политиздат; 1971. 376 с.
3. Лифшиц МА. Нравственное значение Октябрьской революции. *Российский экономический журнал*. 2012;5:3–33.
4. Алфёров Ж. И все-таки, почему социализм? *Российская газета* [Интернет]. 2018 [процитировано 12 июня 2022 г.]. Доступно по: <https://www.rline.tv/podrobnosti/2018-10-04-i-vse-taki-pochemu-sotsializm-statya-zhoresa-alferova/>.
5. Кива А. Почему у России нет органического единства истории. *Независимая газета* [Интернет]. 2020 [процитировано 12 июня 2022 г.]. Доступно по: https://www.ng.ru/ideas/2020-04-08/7_7838_history.html.
6. Алексеев ВВ, Нефёдов СИ. Гибель Советского Союза в контексте истории мирового социализма. *Общественные науки и современность*. 2002;6:66–77.
7. Ульянов ВМ. *Кризис СССР. Причины и следствия*. Москва: Диалог-МГУ; 1999. 91 с.
8. Архангельский А. *Базовые ценности: инструкция по применению*. Санкт-Петербург: Амфора; 2006. 288 с.
9. Новикова АА, Дюло ЕА. «Советское» на современном российском телевидении как проявление глокализации. *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*. 2010;1:23–37.
10. Бузгалин АВ, Колганов АИ. *10 мифов об СССР*. Москва: Эксмо; 2010. 448 с.
11. Зиновьев АА. *Зияющие высоты*. Москва: L'Age d'Homme; 1976. 564 с.
12. Попов МЕ. *Советский человек как социально-культурный тип личности* [Интернет]. 2012 [процитировано 12 июня 2022 г.]. Доступно по: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3873.
13. Латыпов Н. Цитокиновый шторм западной цивилизации. *Независимая газета* [Интернет]. 2022 [процитировано 12 июня 2022 г.]. Доступно по: https://www.ng.ru/ideas/2022-03-09/7_8386_storm.html.
14. Зубов АБ, редактор. *История России. XX век. Деградикация тоталитарного государства и движение к новой России (1953–2008). Том 3*. Москва: ЭКСМО; 2017. 688 с.
15. Выжуртович В. Куда должна идти Россия? Советский тип личности. *Сибирский центр медиации* [Интернет]. 2014 [процитировано 12 июня 2022 г.]. Доступно по: <https://www.emediator.ru/investigations/469-russian-history?start=3>.
16. Кукушкина ЕИ. *История социологии*. Москва: Высшая школа; 2009. 488 с.
17. Большаков АМ. *Деревня: 1917–1927*. Москва: Работник просвещения; 1927. 486 с.

18. Коган ЛН. Опыт социологического исследования на промышленном предприятии. *Вопросы философии*. 1959;8:97–111.
19. Левада ЮА, редактор. *Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х*. Москва: Мировой океан; 1993. 300 с.
20. Тощенко ЖТ. *Парадоксальный человек*. Москва: Юнити-Дана; 2009. 479 с.
21. Дедков И. *Возвращение к себе. Литературно-критические статьи*. Москва: Современник; 1978. 319 с.
22. Юдин ЮБ. Воспитание чувств. Об антропологической революции в СССР. *Независимая газета* [Интернет]. 2022 [протитировано 12 июня 2022 г.]. Доступно по: https://www.ng.ru/ideas/2022-03-14/7_8390_feelings.html.
23. Гутионов П. Светлым путем идете, товарищи. *Новая газета* [Интернет]. 2020 [протитировано 12 июня 2022 г.]. Доступно по: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/04/22/85025-svetlym-putem-idete-tovarischi>.
24. Эпштейн М. От совка к бобку. *Новая газета* [Интернет]. 2014 [протитировано 12 июня 2022 г.]. Доступно по: <https://novayagazeta.ru/articles/2014/12/05/62220-ot-sovka-k-bobku>.

References

1. Gak GM. *Formirovanie novogo cheloveka* [Formation of a new person]. Moscow: Vysshaya partiinaya shkola pri TsK KPSSS; 1962. 64 p. Russian.
2. Smirnov GL. *Sovetskii chelovek. Formirovanie sotsialisticheskogo tipa lichnosti* [Soviet man. Formation of the socialist type of personality]. Moscow: Politizdat; 1971. 376 p. Russian.
3. Lifshits MA. [Moral significance of the October revolution]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal*. 2012;5:3–33. Russian.
4. Alferov Zh. [And yet, why socialism?]. *Rossiiskaya gazeta* [Internet]. 2018 [cited 2022 June 12]. Available from: <https://www.rline.tv/podrobnosti/2018-10-04-i-vse-taki-pochemu-sotsializm-statya-zhoresa-alferova-/>. Russian.
5. Kiva A. [Why Russia does not have an organic unity of history]. *Nezavisimaya gazeta* [Internet]. 2020 [cited 2022 June 12]. Available from: https://www.ng.ru/ideas/2020-04-08/7_7838_history.html. Russian.
6. Alekseev VV, Nefedov SI. [The death of the Soviet Union in the context of the history of world socialism]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2002;6:66–77. Russian.
7. Ul'yanov VM. *Krizis SSSR. Prichiny i sledstviya* [Crisis of the USSR. Causes and effects]. Moscow: Dialog-MGU; 1999. 91 p. Russian.
8. Arkhangel'skii A. *Bazovye tsennosti: instruktsiya po primeneniyu* [Basic values: instructions for use]. Saint Petersburg: Amfora; 2006. 288 p. Russian.
9. Novikova AA, Dyulo EA. [«Soviet» on modern Russian television as a manifestation of glocalisation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 2010;1:23–37. Russian.
10. Buzgalin AV, Kolganov AI. *10 mifov ob SSSR* [10 myths about the USSR]. Moscow: Eksmo; 2010. 448 p. Russian.
11. Zinov'ev AA. *Ziyayushchie vysoty* [Yawning heights]. Moscow: L'Age d'Homme; 1976. 564 p. Russian.
12. Popov ME. *Sovetskii chelovek kak sotsial'no-kul'turnyi tip lichnosti* [Soviet man as a socio-cultural type of personality] [Internet]. 2012 [cited 2022 June 12]. Available from: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3873. Russian.
13. Latypov N. [Cytocine storm of Western civilisation]. *Nezavisimaya gazeta* [Internet]. 2022 [cited 2022 June 12]. Available from: https://www.ng.ru/ideas/2022-03-09/7_8386_storm.html. Russian.
14. Zubov AB, editor. *Istoriya Rossii. XX vek. Degradatsiya totalitarnogo gosudarstva i dvizhenie k novoi Rossii (1953–2008). Tom 3* [Russian history. 20th century. Degradation of the totalitarian state and movement towards a new Russia (1953–2008). Volume 3]. Moscow: Eksmo; 2017. 688 p. Russian.
15. Vyzhutovich V. [Soviet personality type]. *Sibirskii tsentr mediatsii* [Internet]. 2014 [cited 2022 June 12]. Available from: <https://www.emediator.ru/investigations/469-russian-history?start=3>. Russian.
16. Kukushkina EI. *Istoriya sotsiologii* [History of sociology]. Moscow: Vysshaya shkola; 2009. 488 p. Russian.
17. Bol'shakov AM. *Derevnya: 1917–1927* [Village: 1917–1927]. Moscow: Rabotnik prosveshcheniya; 1927. 486 p. Russian.
18. Kogan LN. [Experience of sociological research at the industrial enterprise]. *Voprosy filosofii*. 1959;8:97–111. Russian.
19. Levada YuA, editor. *Sovetskii prostoi chelovek. Opyt sotsial'nogo portreta na rubezhe 90-kh* [Soviet simple man. The experience of a social portrait at the turn of the 90s]. Moscow: Mirovoi okean; 1993. Russian.
20. Toshchenko ZhT. *Paradoksal'nyi chelovek* [Paradoxical man]. Moscow: Yuniti-Dana; 2009. 479 p. Russian.
21. Dedkov I. *Vozvrashchenie k sebe. Literaturno-kriticheskie stat'i* [Return to yourself. Literary-critical articles]. Moscow: Sovremennik; 1978. 319 p. Russian.
22. Yudin YuB. [On the anthropological revolution in the USSR]. *Nezavisimaya gazeta* [Internet]. 2022 [cited 2022 June 12]. Available from: https://www.ng.ru/ideas/2022-03-14/7_8390_feelings.html. Russian.
23. Gutionov P. You are on the bright path, comrades. *Novaya gazeta* [Internet]. 2020 [cited 2022 June 12]. Available from: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/04/22/85025-svetlym-putem-idete-tovarischi>. Russian.
24. Epshtein M. [From the scoop to the bob]. *Novaya gazeta* [Internet]. 2014 [cited 2022 June 12]. Available from: <https://novayagazeta.ru/articles/2014/12/05/62220-ot-sovka-k-bobku>. Russian.

Статья поступила в редколлегию 15.08.2022.
Received by the editorial board 15.08.2022.

УДК 316.722

ДУХОВНОСТЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА. ЧАСТЬ 1

М. А. ПОДЛЕСНАЯ¹⁾, И. В. ИЛЬИНА²⁾

¹⁾Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
ул. Большая Андроньевская, д. 5, корп. 1, 109544, г. Москва, Россия

²⁾Финансово-экономический институт Тюменского государственного университета,
ул. Володарского, д. 6, 625003, г. Тюмень, Россия

Рассматривается религиозная и внерелигиозная духовность. Исследуются представления советского человека о духовности. Анализируются научные публикации авторов, которые занимались изучением духовности советских людей в целом (Л. Н. Коган) и духовности советской молодежи в частности (В. Т. Лисовский, С. Н. Иконникова, В. Г. Мордкович, Л. Я. Рубина, М. Х. Титма, В. И. Чупров, В. Н. Шубкин). Разработана модель духовности, которая позволит выяснить, как понимает духовность (в религиозном или внерелигиозном контексте) современная студенческая молодежь и сохраняется ли преемственность их позиции с советскими представлениями. Сделан вывод о том, что смыслы духовности советского периода соответствовали идеям гуманизма марксистской философии, в которой человек выступает творцом культуры. Данные смыслы преобразовали под свои идеологические нужды не только религиозную традицию, но и различные сферы частной жизни советского человека.

Ключевые слова: духовность; религиозная и внерелигиозная духовность; СССР; советский человек; представления советского человека о духовности.

Благодарность. Авторы выражают благодарность Российскому фонду фундаментальных исследований, предоставившему грант № 21-011-43046 СССР на проведение исследовательской работы под руководством доктора социологических наук О. В. Аксёновой.

THE SPIRITUALITY IN THE VIEWS OF THE SOVIET AND POST-SOVIET MAN. PART 1

M. A. PODLESNAIA^a, I. V. ILINA^b

^aInstitute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences,
5 Bol'shaya Andron'evskaya Street, 1 building, Moscow 109544, Russia

^bInstitute of Finance and Economics, Tyumen State University,
6 Volodarsky Street, Tyumen 625003, Russia

Corresponding author: M. A. Podlesnaia (yamap@yandex.ru)

The main objectives of this article are to consider the various meanings of the concept of spirituality, religious (Christian) and non-religious. The authors analysed scientific literature, including such authors, who was directly involved in the study of the spirituality of the Soviet person (L. N. Kogan), and many others who devoted themselves to the study of youth in the USSR, including various aspects of its spirituality (V. T. Lisovskii, S. N. Ikonnikova, V. G. Mordkovich, L. Ya. Rubina, M. Kh. Tit-

Образец цитирования:

Подлесная МА, Ильина ИВ. Духовность в представлениях советского и постсоветского человека. Часть 1. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2022;3:32–41.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-3-32-41>

For citation:

Podlesnaia MA, Ilina IV. The spirituality in the views of the Soviet and post-Soviet man. Part 1. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;3:32–41. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-3-32-41>

Авторы:

Мария Александровна Подлесная – кандидат социологических наук; старший научный сотрудник Центра изучения регионов России.

Илона Валерьевна Ильина – старший преподаватель кафедры общей и экономической социологии.

Authors:

Mariia A. Podlesnaia, PhD (sociology); senior researcher at the Center for the Study of Russian Regions.

yamap@yandex.ru

Iлона V. Ilina, senior lecturer at the department of general and economic sociology.

i.v.ilina@utmn.ru

ma, V. I. Chuprov, V. N. Shubkin). As a result of the analysis, a model was developed that makes it possible to talk about the spirituality of the Christian, Marxist, modern new age movement, with the allocation of basic values, the desired ideal, subjects of the process, etc. Correlation with this model should allow us to solve the main goal of the article – to identify how spirituality (in a religious or non-religious context) is understood by the current generation of student youth, what definitions are given to it, and whether there is continuity in this sense with Soviet ideas about spirituality. The authors came to the following conclusion: the meanings of the spirituality of the Soviet period corresponded to the humanism of the Marxist philosophy of «active man», «creator of culture», transforming not only religious tradition, but also various spheres of private life to suit their ideological needs – family and marriage relations, work, leisure, friendship, set the meaning and purpose of the Soviet man.

Keywords: spirituality; religious and non-religious spirituality; the USSR; Soviet people; ideas of the Soviet man about spirituality.

Acknowledgements. We express our gratitude to the Russian Foundation for Basic Research, which provided grant No. 21-011-43046 USSR for conducting research under the supervision of doctor of science (sociology) O. V. Aksenova.

Введение

В социально-культурном контексте современная Россия является наследницей не только многовековой культуры православия, но и атеистического проекта русского коммунизма, который в период своего существования принимал разные формы отношения к религии. Например, на раннем этапе борьбы советских идеологов с церковью религиозность трактовалась как болезнь [1]. Подобная практика была не только формой антирелигиозной борьбы в Советской России, но и особенностью научного подхода к изучению религиозности как психопатологии, который сложился к началу XX в. на Западе [2, с. 77] и впоследствии был заимствован советскими идеологами.

Несмотря на мощные пропагандистские приемы, советский атеизм не только не стал повсеместным, но и менялся на протяжении существования Советского Союза [3]. Более того, религия в советское время оставалась важным фактором социализации молодежи [4]. Потребность мистически одухотворить материалистически ориентированный марксизм существовала не только в СССР, но и в других странах. Например, в Болгарии в 1970-х гг. по инициативе общественного деятеля Л. Т. Живковой проводились масштабные государственные программы по привнесению оккультизма в национальную культуру и даже в политическую философию [5].

Стоит отметить, что попытки развить мистический компонент марксизма сохраняются и сегодня. Более того, последователи марксистской теории, пытаясь связать ее с неоязычеством как с наиболее

прогрессивной формой духовности, видят в этом залог успешного будущего [6].

В результате процессов глобализации и распада СССР многонациональный народ оказался в ситуации завершения советского проекта. О религии заговорили как о мощном инструменте возрождения российской идентичности. Религиозность в постсоветской России была тесно связана с этническим самосознанием и консолидацией политических идентичностей, выходящих за рамки религии, что в итоге способствовало политизации религии в России и возникновению проекта ее десекуляризации сверху [7]. Таким образом, возрождение духовности в последние десятилетия в России связано не только с запросами общества, но и с политическими установками, «реконструкцией институционализированной религии» [8, с. 260].

Попытки одухотворить марксистские проекты как тогда, так и сегодня свидетельствуют лишь о том, что духовность (религиозная или внерелигиозная) выступает необходимым компонентом человеческой жизни.

Данная работа имеет следующие задачи: рассмотреть смыслы духовности в советский и постсоветский периоды, выяснить, как современная российская молодежь (т. е. та часть населения, которая будет действовать завтра) понимает духовность (в религиозном или внерелигиозном значении), установить, присутствуют ли в этом понимании идеологические следы советского прошлого. Первая часть статьи посвящена исследованию понятия «духовность» и тому дискурсу, который сформировался вокруг него сегодня. Научные публикации на указанную тему классифицированы по ряду критериев.

Материалы и методы исследования

Анализ научной литературы позволяет рассмотреть понятие «духовность» сквозь призму гуманитарных наук, зафиксировать позиции и выводы исследователей, в том числе в отношении советской духовности. Совокупность научных источников на данную тему можно разделить на три группы: 1) публикации о религиозной духовности; 2) о внерели-

гиозной духовности советского и постсоветского периодов; 3) о различных аспектах духовности молодежи.

Духовность в религиозном смысле, прежде всего в христианском, рассматривается сквозь призму творений святых отцов, отдельных богословов и наиболее включенных в тему социологов.

Представлен краткий обзор особенностей религиозной духовности. Основу анализа внерелигиозной духовности советского периода составили работы известного социолога Л. Н. Когана. Различные аспекты духовности молодежи достаточно глубоко рассмотрены в многочисленных эмпирических исследованиях таких советских и постсоветских авторов, как В. Т. Лисовский, С. Н. Иконникова,

В. Г. Мордкович, Л. Я. Рубина, М. Х. Титма, В. И. Чупров, В. Н. Шубкин и др.

Также в анализе задействованы результаты теоретических и эмпирических работ современных зарубежных и отечественных социологов, что позволило сравнить трактовки духовности и выделить основные тенденции ее восприятия в советский и постсоветский периоды.

Результаты и их обсуждение

К настоящему времени сложились следующие основные представления о духовности: как о религиозной категории, воплощенной в традиционных религиях и соответствующих практиках, и как о внерелигиозной (светской, секулярной) категории, которая существует вне контекста религий либо с использованием их синергии, но в соответствии с собственным видением того, как это должно быть. Стоит отметить, что для религиозного человека естественным является процесс постижения духовности через опыт самой религии, церкви, к которой он принадлежит. В таком случае внерелигиозная духовность рассматривается как квазидуховность.

Существует также феномен религиозности без духовности. В данном случае обрядовая сторона вытесняет собой духовность, выступая одновременно и квазирелигиозностью, и квазидуховностью.

Христианская духовность характерна для русского и российского исторического типа. Понятие «духовный» не принадлежит исключительно христианскому богословию, но «имело хождение и в языческом мире» [9].

О пнеуме как о высшем начале в человеке и исходящей от Бога мудрости еще до христианства писал иудейский (но воспринятый и воспетый христианством) философ Филон Александрийский. Согласно Библии дух – это дыхание жизни, энергия, жизненная сила Бога. В посланиях апостола Павла «духовный человек – это человек, свободный от страстей, наполненный Божественным духом, а духовная жизнь – процесс преображения “внутреннего” человека по Божественному образцу» [10, с. 42]. Идеи апостола были продолжены святым Григорием Паламой, который известен своим учением о нетварном свете, сущности и энергиях Бога [11].

Православная духовность трактуется современными богословами как состояние и процесс нравственного совершенствования, движения к идеалу богоподобия путем покаяния [12]. Именно на богоподобии основывается христианский смысл духовности, а отношения с Богом выступают главным компонентом духовной жизни верующего.

В связи с растущим религиозным плюрализмом в социологической науке, прежде всего в американской и европейской, термин «духовность» в 1980–90-х гг. приобрел новый смысл. Об этом пи-

шет известный социолог Е. Д. Руткевич. По ее мнению, религиозный плюрализм связан с радикальным поворотом от религиозной традиции к новой «холистической духовности», «духовности в стиле нью-эйдж» [10, с. 37–65]. Новую духовность отличает от христианской синтез культур, при котором происходит не только размыв христианского понимания духовности, но и деградация теологии и классической науки «с возникновением мифомагического комплекса как их заменителя» [13, с. 29].

Духовность – это категория, которая представляет интерес для исследователей такого междисциплинарного направления науки, как психология религии. Представители этой области знания сравнивают духовность с религиозностью или противопоставляют их. За последнее столетие было дано множество определений как религиозности, так и духовности, проведено значительное количество исследований на данную тему. Их обобщение позволяет прийти к некоторым выводам: оба понятия многомерны; с точки зрения психологии религии термины «религия» и «духовность» взаимозаменяемы; отличительной чертой традиционного изучения религиозности и духовности является их сущностное и функциональное рассмотрение; начиная с 1980-х гг. и по настоящее время термин «духовность» более употребим, чем термин «религиозность», последний постепенно теряет свое прежнее значение [14, с. 429–434]. Сегодня наблюдается перенос функций, ранее применяемых к религии (поиск смысла жизни, всеобщей истины и т. д.), в область духовного, религиозность все чаще рассматривается как некий придаток к экзистенциальным функциям и ассоциируется с формальной верой, практикой, определенными институтами [14, с. 435]. В связи с этим в научной литературе возникла тенденция как к поляризации данных понятий, так и к ее обоснованной критике. По сути, специалисты в области психологии религии фиксируют те же процессы, о которых пишет Е. Д. Руткевич.

Все большую популярность в зарубежной научной литературе приобретают идеи гуманистической психологии, в трактовке которой духовность понимается как основной человеческий импульс, имеющий разнообразные формы выражения и способствующий уникальному мышлению. Ут-

верждается, что именно обретение духовности является целью человеческого развития. По мнению исследователей гуманистического направления, основными формами духовности выступают следующие: самоактуализация, подразумевающая зрелое восприятие реальности, личностный рост, творчество, глубокие межличностные отношения и т. д.; трансцендентность, предполагающая веру в сверхъестественную реальность, целостный подход к бытию; высший смысл жизни, влекущий осознанность своего пути, понимание онтологического значения бытия [15]. В гуманистической трактовке человек является мерой всех вещей, главным авторитетом, и по этой причине можно наблюдать переход от трансцендентности к имманентности, от авторитета высших сил, Бога, церкви к самому человеку [10].

Довольно много исследований посвящено изучению роли духовности в преодолении критических ситуаций и состояний [16], например старения [17], борьбы с тяжелыми заболеваниями [18; 19], а также анализу их прохождения, так называемого духовного совладания [20]. Специалисты стремятся выяснить социально-психологический аспект связи между смыслом жизни и такими социально ориентированными добродетелями, как сострадание, прощение, оказание помощи другим [21], удовлетворенность жизнью в зависимости от религиозности [22] и субъективной духовности [23]. Фокус большинства современных зарубежных исследований

в области психологии религии направлен на функциональное рассмотрение духовности.

Российскими авторами духовность рассматривается в нескольких измерениях: как категория, имеющая отношение к религиозным верованиям человека; как понятие с секулярным содержанием; как конструкт, который затрагивает религиозные и нерелигиозные сферы жизни человека (при этом вводится понятие «духовная личность» и проводится проверка методик изучения секулярной духовности) [24]. Многие эксперты склоняются к использованию термина «духовный интеллект» [25]. Кроме того, духовность изучается как духовное здоровье, в том числе в студенческой среде [26]. При этом отмечается, что в рамках образовательного процесса наблюдается латентная духовность современной российской молодежи [27].

Рассматривая духовность, отдельные отечественные авторы обращают внимание на способы ее изучения, предлагая, в частности, описательно-феноменологический подход, «при котором ученый беспристрастно описывает разные проявления духовной реальности, духовной жизни, опираясь на самопрезентацию респондентов» [28, с. 34]. Данный подход направлен на трактовку духовности «в понимании ее носителей и избегает как теоретических построений, так и собственно сущностных ее определений» [28, с. 34]. Именно такой метод представляется нам наиболее релевантным с точки зрения поставленных задач.

Смыслы духовности советского человека

Исследованию СССР и советского человека посвящено так много работ, что только одному обзору подобной литературы можно посвятить не одну статью. Отметим лишь некоторые из них. Работа историка обществ советского и постсоветского типов В. Л. Заславского [29] довольно известна своим функционалистским подходом к изучению социалистической модерности позднего, неосталинского периода. Книга О. В. Хархордина [30] посвящена попытке прояснить фоновые практики индивидуализации в России и отличается смелым взглядом на природу индивидуализации в советский период. Монография Ж. Т. Тощенко [31] дает глубокую оценку социально-психологическим последствиям распада СССР для российского общества. Данные массовых опросов представлены в работе Ю. А. Левады [32]. Монография С. Бойм [33] посвящена повседневным практикам и быту советского времени, в том числе феномену коммунальных квартир как отдельному явлению советской жизни. Книга антропологов А. Архиповой и А. Кирзюк [34] весьма специфична с точки зрения предмета анализа (страхи в СССР и городские легенды).

Духовной сфере советского общества посвящены многочисленные работы социолога культуры Л. Н. Когана, который смог отразить не только марксистский идеал нового человека, воспринятый им в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, но и механизм формирования личности, которую он мыслил одновременно и как объект, и как субъект культуры [35]. Именно самореализация человека в культуре является, по мнению Л. Н. Когана, смыслообразующим элементом жизни, поэтому судить о человеке можно не по тому, что он делает, а как. Отсюда и то, что культуру социолог видит как диалектический процесс взаимодействия традиций и инноваций, преемственности и изменений, как духовное воспроизводство [36], в результате которого можно говорить об актуальной и неактуальной культуре.

Одна из основных задач советского общества – воспитание всесторонне развитой личности – рассматривалась Л. Н. Коганом не умозрительно, а вполне конкретно. Так, он выделял такие характеристики личности, как целостность, гармоничность (согласованность с духом времени и возможность соединения общественных и личностных начал),

универсальность (подготовленность к самым разным видам деятельности). Именно самореализация индивида, его способность к самодеятельности, является основным признаком духовно развитой личности. В этом смысле Л. Н. Коган был выразителем идей марксистского гуманизма о том, что человек творит свою судьбу и себя самого, исходя из собственной социальной активности.

Идеи Л. Н. Когана вполне созвучны тезисам главного идеолога молодой Советской России, первого наркома просвещения РСФСР А. В. Луначарского и его концепции социализма чувств, в которой сверхъестественный идеал концентрируется вокруг веры в то, что «коммунизм – это неизбежное следствие развития законов истории» [37, с. 542], а суть последней антропоцентрична¹ и связана с возможностями человека. А. В. Луначарский, известный своей увлеченностью эстетикой, неоднократно подчеркивал, что современный, имеющий прогрессивные взгляды и научно-этическое сознание человек не может верить в Бога [38, с. 248]. Цель человеческой жизни состоит не в том, чтобы хозяйствовать и работать, наоборот, человек хозяйствует и работает для того, чтобы существовать. «Само хозяйство – то, как производит человечество необходимые материальные блага для своего существования и как оно их распределяет, – имеет смысл только с той точки зрения, насколько оно позволяет организовать счастливую, упорядоченную, братскую жизнь людей, дает возможность всем талантам, дремлющим в человеке, развернуться широко в творческую, торжественную, блистательную жизнь» [39, с. 6].

К выводу о том, что духовность общества в советский период, особенно в позднесоветский, трактовалась гуманистически, приходят и современные исследователи [40, р. 109], ретроспективно анализируя, что вкладывалось в понятие «духовность» в СССР в разные периоды его существования.

Философией гуманизма в ее марксистском прочтении были затронуты практически все сферы частной и социальной жизни советского человека. Если говорить об изменениях в семейно-брачных отношениях, то стоит вспомнить о так называемых сексуальных революциях в Советской России, первую из которых советские идеологи связывали с «изменением русского семейного и брачного порядка» и «принятием первых большевистских законов» [41, с. 128]. В результате было провозглашено равноправие между мужчиной и женщиной, распространилась гражданская форма брака, отменено венчание, легализован аборт. Наблюдалась эмансипация женщин в целом. Все это свидетельствует об отрыве от существовавшей на тот момент

традиции и отмирании ценностей прежней культуры, связанной с церковными догмами, а также о серьезном реформировании этой сферы, которое предоставляло советской женщине заметно больше возможностей, рождая соответствующее (менее табуированное и десакрализованное) отношение к семье и браку. Происходило воспитание из женщины общественного человека. Она наравне с мужчиной становилась активным деятелем культуры и своей судьбы.

Нравственные основы советского человека считались единственно верными и выражались в стремлении к справедливости и честности. Целью провозглашалось неуклонное стремление воплощать в жизнь идеалы советской власти. Один из примеров нравственной оценки ситуации советским человеком, в которой стремление к справедливости рождает безжалостную критику и даже непримиримость с ситуацией: «Я коммунист. Я хочу служить Родине честно, открыто, по-хозяйски. Жить на назначенную мне зарплату, одеваться и питаться из магазина. Хочу честно пропагандировать наше, современное, с его положительным и объяснять причины недостатков. Но приемник трещит, руководство в базе, патриотизм натаскан» [42, с. 138–141].

В исследовании духовности советского человека (особенно в плане саморазвития и самореализации) весьма показательным является анализ его образа жизни, в частности свободного времени. Декларировалось, что основой советского образа жизни был добросовестный труд, предполагающий самоотдачу, ответственность за дело и коллектив, инициативность. Труд воспринимался как основа социального оптимизма и уверенности в будущем.

Важной составляющей советского образа жизни были дружественные отношения между людьми, которых должны были отличать отзывчивость, чуткость, готовность поддержать. Как отмечает А. А. Возьмитель, дружба и взаимопомощь носили всеобщий характер (более чем в 80 % микросред) [43, с. 53–54]. Факт распространенности дружбы в советское время особенно интересен в контексте вывода, к которому приходит Д. Калугин. Так, анализируя историю понятия «дружба» от Древней Руси до XVIII в., он заключает, что дружба в России, как правило, была элитарной практикой: дружили в салонах, кружках, что было совсем не характерно для крестьянства [44]. Можно предположить, что советский человек, вышедший из рабоче-крестьянской среды, воспроизводил в СССР практики, характерные для элитарных групп имперской России, в том числе в отношении дружбы. Это же касалось и чтения литературы, потребления и воспроизводства

¹В трактовке А. В. Луначарского антропоцентризм противоположен как религиозному самопознанию, так и эгоцентризму. По сути, он выступает одной из форм религиозности, центром которой является коллектив. Более подробно см.: Луначарский А. В. «От Спинозы до Маркса». М., 1925. 133 с.

культуры в целом. Неслучайно уже в 1970-х гг. по результатам эмпирических работ советские исследователи В. Т. Лисовский и С. Н. Иконникова сделали вывод о том, что студенческая молодежь по своему общественному положению ближе всего стоит к интеллигенции и является ее резервом [45], а ее высокая мобильность позволяет быть восприимчивой к различного рода инновациям [46, с. 4].

В советское время в досуговых занятиях преобладало так называемое «домашнее потребление культуры, ставшее практически всеобщим» [43, с. 89]. Затем по значимости были «игры, занятия с детьми, прогулки, работа в саду и огороде на приусадебном (садовом) участке, даче, которыми систематически занималось более 50 % населения» [43, с. 89–90]. Большую роль играли «самодеятельное творчество и самообразование, которыми по отдельности систематически занималось более 40 % населения» [43, с. 90]. Домашнее потребление культуры рассматривалось как способ всестороннего развития личности советского человека, а также как способ решения проблем духовного производства, о чем достаточно много писал Л. Н. Коган.

Таким образом, духовность поколения советских людей складывалась из ценностей, связанных с ощущением любви к социалистической Родине, гордости за нее, особого отношения к труду.

Культ образования и науки, сформировавшийся в советское время, влиял на переход к новой вне-религиозной духовности и выступал обязательным компонентом духовного мира советского человека. Благодаря советской образовательной политике в СССР сформировался новый класс советской интеллигенции, преимущественно из числа первых выдвиженцев. Под советской интеллигенцией понимался «слой специалистов, имеющих высшее образование» [47, с. 40], когорта профессионалов, способных не только к научно-техническим достижениям, но и к управленческой деятельности в сфере производства, а также к проявлению актер-

ской позиции [48]. Именно они задавали вопросы о религии и церкви своим еще религиозным родителям и отказывались верить в «предрассудки» (применительно к религии этот термин был введен в обиход И. В. Сталиным) [49, с. 89]. При этом еще «в течение 1920-х гг. религиозные различия между супругами, родителями и детьми часто вызывали в доме или семье реальные и в конечном счете непримиримые столкновения по поводу священного. Красный угол в доме был обычной “горячей точкой”» [50, с. 316].

Образование стало новым ориентиром духовности не только для представителей советской интеллигенции, но и для простых рабочих, которые были достаточно активно вовлечены в образовательную политику СССР. Именно они впоследствии составили группу новаторов и изобретателей, оформившуюся в полноценное рационализаторское движение. Уровень квалификации рабочих позволял им в процессе технологических операций отходить от шаблонных алгоритмов и вносить изменения в конструкцию используемых инструментов [48; 51]. Образованные рабочие с высокой степенью самостоятельности верили в советские идеалы и воплощали образ нового советского человека, в том числе как профессионала широкого профиля (универсала в терминологии Л. Н. Когана).

Смыслы духовности советского периода были осознанно и хорошо проработаны, преобразуя под свои нужды не только религиозную традицию, но и меняя представления о семье и браке, смысле и назначении человека, ценностями которого теперь становились любовь к Родине, труд, образованность (в том числе путем самообразования и творчества), дружба как основа отношений коммунистов. Примечательно, что все они так или иначе были сформулированы в 1961 г. в своде принципов «Моральный кодекс строителя коммунизма», что означало завершение идеологических построений в отношении советского человека.

Заключение

Анализ научной литературы и результаты собственных исследований [52; 53] позволили прийти к выводам, важным для дальнейшей работы с эмпирическим материалом, и создать модель духовности (таблица). В обобщении данных по феномену «новая духовность» мы опирались на работу Е. Д. Руткевич [54].

Представленная модель позволяет не только различать религиозную и внерелигиозную духовность, но и понимать, чем продиктована гуманистическая духовность – марксистской или постмодернистской философией. Понимание различий духовности дает возможность оценить тип личности, который формируется при реализации в обществе той или иной

духовности. Это, в свою очередь, позволяет выявить характерные для того или иного типа личности свойства, например склонность к коллективизму или к индивидуализму, и этически-поведенческие нормы, такие как эгоизм, альтруизм, конформизм с альтруистическими паттернами. На основании этого можно определить, какой человек нужен конкретному обществу – активист, способный на самопожертвование, или эгоист, погруженный в себя и свои переживания.

Таким образом, советский тип личности выступает проектом марксистской философии, гуманизма, при котором человек является творцом своей судьбы и безусловным духовным идеалом.

Модель религиозной и внерелигиозной духовности: компоненты и содержание

The model of the religious and non-religious spirituality: components and content

Компоненты духовности	Религиозная христианская духовность	Внерелигиозная гуманистическая духовность марксистского толка	Новая гуманистическая духовность
Цель, смысл жизни	• Обожение человека	• Всестороннее развитие личности	• Шейлизм, духовное иска-тельство
Субъекты процесса	• Бог и человек • Церковь	• Человек и общество	• Человек
Искомый идеал	• Человек в Боге	• Советский человек, выступа-ющий в роли творца, интер-националиста, патриота	• Индивидуализация как судьба • Субъективная культура процветания
Главное понятие	• Святость	• Судьба	• Синтез науки и культур
Основные ценности	• Бог-Троица • Христос • Вера • Традиция • Писание и предание • Церковь • Личность • Личная ответственность • Труд над собой • Любовь к Богу и к ближнему • Милосердие • Свобода как свобода от греха • Уважение свободы другой личности • Жертвенность • Покаяние, видение своей греховности • Смирение как принятие себя, других, обстоятельств жизни	• Труд • Наука • Профессионализм • Самореализация • Творчество • Образование • Коллектив • Дружба • Любовь к Родине • Деятельность • Справедливость • Честность • Равноправие • Свобода как возможность самореализации • Критика себя и других • Уверенность в себе, понима-ние своих сущностных сил	• Личная свобода • Творческий потенциал • Физическое благосостояние • Самореализация и обрете-ние смысла жизни • Гармоничное единство со всем миром

Библиографические ссылки

1. Polianski IJ. Pathologia religiosa: medicine and the anti-religious movement in the early Soviet Union. *Journal of Contemporary History*. 2016;53(3 Special number):524–549. DOI: 10.1177/0022009416669421.
2. Фолиева Т, Малевич Т. Психология религии в XX веке: основные вехи развития. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2016;34(4):68–91. DOI: 10.22394/2073-7203-2016-34-4-68-91.
3. Smolkin V. *Sacred space is never empty. A history of Soviet atheism*. Princeton: Princeton University Press; 2018. 360 p.
4. Васенина ИВ, Хвьяля-Олинтер НА. Молодежная религиозность в Советской и постсоветской России. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2016;9(1):113–116. DOI: 10.18454/IRJ.2016.51.132.
5. Ivanova VT. Socialism with an occult face: aesthetics, spirituality, and utopia in late socialist Bulgaria. *East European Politics and Societies*. 2020;36(2):558–581. DOI: 10.1177/0888325420961159.
6. Lundskow GN. Marxist class-cultural spirituality in theory and practice. *Critical Sociology*. 2005;31(1–2):213–241. DOI: 10.1163/1569163053084388.
7. Upadhyay A. Religion and religiosity in Russia: an overview. *International Studies*. 2018;53(3–4):195–209. DOI: 10.1177/0020881717753860.
8. Малахов В, Летняков Д. Постхристианское или постатеистическое общество? Некоторые особенности российского режима секулярности. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2021;39(1):245–266. DOI: 10.22394/2073-7203-2021-39-1-245-266.
9. Кураев А. Школа не должна учить духовности. *Правмир* [Интернет]. 2008 [протитировано 18 июля 2021 г.]. Доступно по: <https://www.pravmir.ru/shkola-ne-dolzha-uchit-duhovnosti/>.
10. Руткевич ЕД. Социология духовности: проблемы становления. *Вестник Института социологии*. 2014;2(9):37–65.
11. Григорий Палама. *Триады в защиту священно-безмолвствующих*. Библихин ВВ, переводчик. Москва: Рипол классик; 2018. 460 с. (ТЕО-LOGOS).
12. Митрополит Иерофей (Влахос). *Православная духовность*. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева лавра; 2009. 135 с.
13. Лебедев ВЮ, Фёдоров АВ. Культура нью-эйдж в контексте научной рациональности и теологической религиозности. *Религия. Церковь. Общество*. 2014;3:27–48. DOI: 10.24411/2308-0698-2014-00003.
14. Циннбауэр Б, Паргамент К. Религиозность и духовность. Колкунова КА, переводчик. В: Малевич ТВ, Антонов КМ, Колкунова КА, редакторы. *Современная западная психология религии*. Москва: Издательство ПСТГУ; 2017. 704 с.
15. Kontrimienė S. Assessing spirituality as the ultimate end: development and validation of the humanistic spirituality inventory. *Journal of Humanistic Psychology* [Internet]. 2019 [cited 2022 July 18]. Available from: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0022167819850678>. DOI: 10.1177/0022167819850678.

16. Pargament KI, Falb MD, Ano GG, Wachholtz AB. The religious dimension of coping: advances in theory. Research and practice. In: Paloutzian RF, Park CL, editors. *Handbook of the psychology of religion and spirituality*. 2nd edition. New York: Guilford Press; 2013. p. 560–578.
17. Sováriová SM, Timková V, Dimunová L, Mauer B. Spirituality as a mediator between depressive symptoms and subjective well-being in older adults. *Clinical Nursing Research*. 2021;30(5):707–717. DOI: 10.1177/1054773821991152.
18. Page RL, Peltzer JN, Burdette AM, Hill TD. Religiosity and health: a holistic biopsychosocial perspective. *Journal of Holistic Nursing*. 2018;38(1):89–101. DOI: 10.1177/0898010118783502.
19. Powers-James C, Alvarez A, Milbury K, Barbo A, Daunov K, Lopez G, et al. The influence of spirituality and religiosity on us oncologists' personal use of and clinical practices regarding complementary and alternative medicine. *Integrative Cancer Therapies* [Internet]. 2020 [cited 2022 July 18];18. Available from: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1534735420945769>. DOI: 10.1177/1534735420945769.
20. Torbjørnsen T, Pargament KI, Stifoss-Hanssen H, Hestad KA, Danbolt LJ, et al. «If you and I and our Lord...»: A qualitative study of religious coping in Hodgkin's disease. *Archive for the Psychology of Religion*. 2021;43(1):3–20. DOI: 10.1177/0084672420983482.
21. Krause N, Hill PC, Ironson G. Evaluating the relationships among religion, social virtues, and meaning in life. *Archive for the Psychology of Religion*. 2019;41(1):53–70. DOI: 10.1177/0084672419839797.
22. Knabb JJ, Vazquez VE, Wang KT. The Christian contentment scale: an *emic* measure for assessing inner satisfaction within the Christian tradition. *Journal of Psychology and Theology*. 2020;49(4):324–341. DOI: 10.1177/0091647120968146.
23. Highland B, Worthington EL, Davis DE, Sibley CG, Bulbulia JA. National longitudinal evidence for growth in subjective well-being from spiritual beliefs. *Journal of Health Psychology*. 2021;27(7):1738–1752. DOI: 10.1177/13591053211009280.
24. Ожиганова ГВ. Адаптация опросника «Духовная личность» на русскоязычной выборке. *Экспериментальная психология*. 2019;12(4):160–176. DOI: 10.17759/exppsy.2019120413.
25. Ожиганова ГВ. Психологические аспекты духовности. Часть 1. Духовный интеллект. *Психологический журнал*. 2010;31(4):21–34.
26. Анисимов АИ. Психологическая оценка ресурсов духовного здоровья студентов вузов. *Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы*. 2015;24(2):78–88.
27. Морозова ЕА. Психологические механизмы становления зрелости личности у подрастающего поколения средствами образовательной среды. *Психологическая наука и образование* [Интернет]. 2011 [процитировано 18 июля 2022];3(3):1–9. Доступно по: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n3/47072.shtml.
28. Воробьева ЛИ. «Духовность» в психологии: философско-методологический анализ. *Культурно-историческая психология*. 2019;15(3):32–40. DOI: 10.17759/chp.2019150304.
29. Заславский В. *От неосталинского государства до постсоветской России (1970–2000)*. Вуячич В, составитель; Глебовская А, переводчик. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; 2019. 456 с.
30. Хархордин ОВ. *Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности*. 2-е издание. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; 2016. 508 с.
31. Тощенко ЖТ. *Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа)*. Москва: Весь мир; 2020. 352 с.
32. Левада ЮА, редактор. *Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х*. Москва: Мир; 1993. 300 с.
33. Бойм С. *Обице места. Мифология повседневной жизни*. Москва: Новое литературное обозрение; 2002. 320 с.
34. Архипова А, Кирзюк А. *Опасные советские вещи: городские легенды и страхи в СССР*. Москва: Новое литературное обозрение; 2020. 536 с. (Культура повседневности).
35. Коган ЛН. *Цель и смысл жизни человека*. Москва: Мысль; 1984. 184 с.
36. Коган ЛН, Сесюнина ИБ. *Духовное воспроизводство: методологические и социологические проблемы*. Дмитриенко ВА, редактор. Томск: Издательство Томского университета; 1986. 168 с.
37. Стейла Д. Богостроительство и авторитаризм: проблема соотношения большевизма и религии. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2019;1/2:541–566. DOI: 10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-541-566.
38. Луначарский АВ. *Религия и просвещение*. Москва: Советская Россия; 1985. 222 с.
39. Луначарский АВ. *О быте*. Москва: Государственное издательство; 1927. 81 с.
40. Fomina V. Between heroism and sainthood: new martyr Evgenii Rodionov as a moral model in contemporary Russia. *History and Anthropology*. 2018;29(1):101–120. DOI: 10.1080/02757206.2017.1375487.
41. Здравомыслова ОМ. Как родился «советский патриархат». Григорий Баткис о сексуальной революции в России. *Демографическое обозрение*. 2017;4(1):124–143. DOI: 10.17323/demreview.v4i1.6992.
42. Шабалина ОА. Личные дневники советского человека: опыт качественного исследования. *Социологические исследования*. 2016;4:138–141.
43. Возьмитель АА. *Образ жизни: тенденции и характер изменений в пореформенной России*. Москва: Институт социологии РАН; 2012. 230 с.
44. Калугин Д. История понятия «дружба» – от Древней Руси до XVIII века. В: Хархордин ОВ, редактор. *Дружба: очерки по теории практик*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; 2009. с. 187–290. (Прагматический поворот; выпуск 3).
45. Иконникова СН, Лисовский ВТ. Некоторые проблемы воспитания студенческой молодежи. В: Лисовский ВТ, составитель. *Молодежь и образование*. Москва: Молодая гвардия; 1972. 152 с.
46. Лисовский ВТ. *Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России*. Санкт-Петербург: СПбГУП; 2000. 508 с.
47. Шпаковская ЛЛ. Советская образовательная политика: социальная инженерия и классовая борьба. *Журнал исследований социальной политики*. 2009;7(1):39–64.
48. Аксёнова ОВ. *Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации*. Москва: Институт социологии РАН; 2016. 304 с.
49. Климова СМ, Молостова ЕС. Научный атеизм в поисках методологии изучения религиозности советского человека (60–80-е гг. XX века). *Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право*. 2013;8(24):86–96.

50. Херлингер П. Русские православные женщины в неправославные времена: примеры женского действия и влияния в революционную эпоху, 1917–1927 гг. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2019;1–2:304–327. DOI: 10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-304-327.

51. Прищепа АС. Рационализаторское движение в СССР: новаторство и изобретательство (1950–1960-е гг.). *Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого*. 2018;6:1–5.

52. Рязанцев ИП, Подлесная МА, Козлов ИИ. Феноменология православных ценностей в оценке экспертов. *Социологические исследования*. 2014;8:128–135.

53. Рязанцев ИП, Подлесная МА, Козлов ИИ. Университет: его ценности и традиции в воспоминаниях его преподавателей (на основании изучения образовательных биографий). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*. 2014;4:221–228.

54. Руткевич ЕД. От «религиозности» к «духовности»: европейский контекст. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2014;1:5–25.

References

1. Polianski J. Pathologia religiosa: medicine and the anti-religious movement in the early Soviet Union. *Journal of Contemporary History*. 2016;53(3 Special number):524–549. DOI: 10.1177/0022009416669421.

2. Folieva T, Malevich T. Psychology of religion as an academic project: an historical overview. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 2016;34(4):68–91. Russian. DOI: 10.22394/2073-7203-2016-34-4-68-91.

3. Smolkin V. *Sacred space is never empty. A history of Soviet atheism*. Princeton: Princeton University Press; 2018. 360 p.

4. Vasenina IV, Khvylya-Olinter NA. Youth religiosity in Soviet and Post-Soviet Russia. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*. 2016;9(1):113–116. Russian. DOI: 10.18454/IRJ.2016.51.132.

5. Ivanova VT. Socialism with an occult face: aesthetics, spirituality, and utopia in late socialist Bulgaria. *East European Politics and Societies*. 2020;36(2):558–581. DOI: 10.1177/0888325420961159.

6. Lundskow GN. Marxist class-cultural spirituality in theory and practice. *Critical Sociology*. 2005;31(1–2):213–241. DOI: 10.1163/1569163053084388.

7. Upadhyay A. Religion and religiosity in Russia: an overview. *International Studies*. 2018;53(3–4):195–209. DOI: 10.1177/0020881717753860.

8. Malakhov V, Letnyakov D. Post-Christian or post-atheistic society? Some characteristics of the Russian regime of secularity. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 2021;39(1):245–266. Russian. DOI: 10.22394/2073-7203-2021-39-1-245-266.

9. Kuraev A. School should not teach spirituality. *Pravmir* [Internet]. 2008 [cited 2021 July 18]. Available from: <https://www.pravmir.ru/shkola-ne-dolzha-uchit-duxovnosti/>. Russian.

10. Rutkevich ED. Sociology of spirituality: problems of creation. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 2014;2(9):37–65. Russian.

11. Grigorii Palama. *Triady v zashchitu svyashchenno-bezmlstvuyushchikh* [Triads in defense of the sacred silencers]. Bibikhin VV, translator. Moscow: RIPOL klassik; 2018. 460 p. (TEO-LOGOS). Russian.

12. Mitropolit Ierofei (Vlakhos). *Pravoslavnaya dukhovnost'* [Orthodox spirituality]. Sergiev Posad: Svyato-Troitskaya Serгиеva lavra; 2009. 135 p. Russian.

13. Lebedev VYu, Fedorov AV. The new age culture in the context of scientific rationality and Christian theological religiosity. *Religion. Church. Society*. 2014;3:27–48. Russian. DOI: 10.24411/2308-0698-2014-00003.

14. Tsinnbauer B, Pargament K. [Religiosity and spirituality]. Kolkunova KA, translator. In: Malevich TV, Antonov KM, Kolkunova KA, editors. *Sovremennaya zapadnaya psikhologiya religii* [Contemporary Western psychology of religion]. Moscow: Izdatel'stvo PSTGU; 2017. 704 p. Russian.

15. Kontrimienė S. Assessing spirituality as the ultimate end: development and validation of the humanistic spirituality inventory. *Journal of Humanistic Psychology* [Internet]. 2019 [cited 2022 July 18]. Available from: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0022167819850678>. DOI: 10.1177/0022167819850678.

16. Pargament KI, Falb MD, Ano GG, Wachholtz AB. The religious dimension of coping: advances in theory. Research and practice. In: Paloutzian RF, Park CL, editors. *Handbook of the psychology of religion and spirituality*. 2nd edition. New York: Guilford Press; 2013. p. 560–578.

17. Sováriová SM, Timková V, Dimunová L, Mauer B. Spirituality as a mediator between depressive symptoms and subjective well-being in older adults. *Clinical Nursing Research*. 2021;30(5):707–717. DOI: 10.1177/1054773821991152.

18. Page RL, Peltzer JN, Burdette AM, Hill TD. Religiosity and health: a holistic biopsychosocial perspective. *Journal of Holistic Nursing*. 2018;38(1):89–101. DOI: 10.1177/0898010118783502.

19. Powers-James C, Alvarez A, Milbury K, Barbo A, Daunov K, Lopez G, et al. The influence of spirituality and religiosity on us oncologists' personal use of and clinical practices regarding complementary and alternative medicine. *Integrative Cancer Therapies* [Internet]. 2020 [cited 2022 July 18];18. Available from: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1534735420945769>. DOI: 10.1177/1534735420945769.

20. Torbjørnsen T, Pargament KI, Stifoss-Hanssen H, Hestad KA, Danbolt LJ, et al. «If you and I and our Lord...»: A qualitative study of religious coping in Hodgkin's disease. *Archive for the Psychology of Religion*. 2021;43(1):3–20. DOI: 10.1177/0084672420983482.

21. Krause N, Hill PC, Ironson G. Evaluating the relationships among religion, social virtues, and meaning in life. *Archive for the Psychology of Religion*. 2019;41(1):53–70. DOI: 10.1177/0084672419839797.

22. Knabb JJ, Vazquez VE, Wang KT. The Christian contentment scale: an *emic* measure for assessing inner satisfaction within the Christian tradition. *Journal of Psychology and Theology*. 2020;49(4):324–341. DOI: 10.1177/0091647120968146.

23. Highland B, Worthington EL, Davis DE, Sibley CG, Bulbulia JA. National longitudinal evidence for growth in subjective well-being from spiritual beliefs. *Journal of Health Psychology*. 2021;27(7):1738–1752. DOI: 10.1177/13591053211009280.

24. Ozhiganova GV. Adaptation of the spiritual personality inventory on the Russian sample. *Experimental Psychology*. 2019;12(4):160–176. Russian. DOI: 10.17759/exppsy.2019120413

25. Ozhiganova GV. Psychological aspects of spirituality. Part 1. Spiritual intelligence. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2010;31(4):21–34. Russian.

26. Anisimov AI. Psychological assessment of the spiritual health resources of university students. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psikhologii i sotsial'noi raboty*. 2015;24(2):78–88. Russian.
27. Morozova EA. Psychological mechanisms of personality maturity formation among the rising generation by means of educational environment. *Psychological Science and Education* [Internet]. 2011 [cited 2022 July 18];3(3):1–9. Available from: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n3/47072.shtml. Russian.
28. Vorobyeva LI. «Spirituality» in psychology: a philosophical and methodological analysis. *Cultural-Historical Psychology*. 2019;15(3):32–40. Russian. DOI: 10.17759/chp.2019150304.
29. Zaslavskii V. *Ot neostalinskogo gosudarstva do postsovetskoi Rossii (1970–2000)* [From the neo-Stalinist state to post-Soviet Russia (1970–2000)]. Vuyachich V, compiler; Glebovskaya A, translator. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge; 2019. 456 p. Russian.
30. Kharkhordin OV. *Oblichat' i litsemerit': genealogiya rossiiskoi lichnosti* [Reveal and hypocrisy: the genealogy of the Russian personality]. 2nd edition. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge; 2016. 508 p. Russian.
31. Toshchenko ZhT. *Obshchestvo travmy: mezhdru evolyutsiei i revolyutsiei (opyt teoreticheskogo i empiricheskogo analiza)* [Society of trauma: between evolution and revolution (the experience of theoretical and empirical analysis)]. Moscow: Ves' mir; 2020. 352 p. Russian.
32. Levada YuA, editor. *Sovetskii prostoi chelovek: opyt sotsial'nogo portreta na rubezhe 90-kh* [Soviet common man: the experience of a social portrait at the turn of the 90s]. Moscow: Mir; 1993. 300 p. Russian.
33. Boim S. *Obshchie mesta. Mifologiya povsednevnoi zhizni* [Common places. The mythology of everyday life]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2002. 320 p. Russian.
34. Arkhipova A, Kirzyuk A. *Opasnye sovetskie veshchi: gorodskie legendy i strakhi v SSSR* [Dangerous Soviet things: urban legends and fears in the USSR]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2020. 536 p. (Kul'tura povsednevnosti). Russian.
35. Kogan LN. *Tsel' i smysl zhizni cheloveka* [The purpose and meaning of human life]. Moscow: Mysl'; 1984. 184 p. Russian.
36. Kogan LN, Sesyunina IB. *Dukhovnoe vosproizvodstvo: metodologicheskie i sotsiologicheskie problem* [Spiritual reproduction: methodological and sociological problems]. Dmitrienko VA, editor. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta; 1986. 168 p. Russian.
37. Steila D. Godbuilding and authoritarianism: a discussion of Bolshevism and religion. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 2019;1/2:541–566. Russian. DOI: 10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-541-566.
38. Lunacharskii AV. *Religiya i prosveshchenie* [Religion and enlightenment]. Moscow: Sovetskaya Rossiya; 1985. 222 p. Russian.
39. Lunacharskii AV. *O byte* [About life]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo; 1927. 81 p. Russian.
40. Fomina V. Between heroism and sainthood: new martyr Evgenii Rodionov as a moral model in contemporary Russia. *History and Anthropology*. 2018;29(1):101–120. DOI: 10.1080/02757206.2017.1375487.
41. Zdravomyslova OM. How was born the «Soviet patriarchy». Grigory Batkis about the sexual revolution in Russia. *Demograficheskoe obozrenie*. 2017;4(1):124–143. Russian. DOI: 10.17323/demreview.v4i1.6992.
42. Shabalina OA. Personal diaries of a Soviet person: the experience of qualitative research. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2016;4:138–141. Russian.
43. Voz'mitel' AA. *Obraz zhizni: tendentsii i kharakter izmenenii v poreformennoi Rossii* [Lifestyle: trends and nature of changes in post-reform Russia]. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; 2012. 230 p. Russian.
44. Kalugin D. [The history of the concept of «friendship» – from Ancient Russia to the 18th century]. In: Kharkhordin OV, editor. *Druzhba: ocherki po teorii praktik* [Friendship: essays on the theory of practices]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge; 2009. p. 187–290. (Pragmaticheskii povorot; issue 3).
45. Ikonnikova SN, Lisovskii VT. [Some problems of education of student youth]. In: Lisovskii VT, compiler. *Molodezh' i obrazovanie* [Youth and education]. Moscow: Molodaya gvardiya; 1972. 152 p. Russian.
46. Lisovskii VT. *Dukhovnyi mir i tsennostnye orientatsii molodezhi Rossii* [The spiritual world and value orientations of Russian youth]. Saint Petersburg: Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences; 2000. 508 p. Russian.
47. Shpakovskaya LL. [Soviet educational policy: social engineering and class struggle]. *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki*. 2009;7(1):39–64. Russian.
48. Aksenova OV. *Paradigma sotsial'nogo deistviya: professionaly v rossiiskoi modernisatsii* [The paradigm of social action: professionals in the Russian modernisation]. Moscow: Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences; 2016. 304 p. Russian.
49. Klimova SM, Molostova ES. Scientific atheism in search for methodology of religiosity of Soviet people (1960–1980s). *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*. 2013;8(24):86–96. Russian.
50. Kherlinger P. Russian Orthodox women in non-Orthodox times: examples of female action and influence in the Revolutionary era, 1917–1927. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 2019;1–2:304–327. Russian. DOI: 10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-304-327.
51. Prishchepa AS. The rationalisation movement in the USSR: innovation and invention (1950–1960s). *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo*. 2018;6:1–5. Russian.
52. Ryazantsev IP, Podlesnaya MA, Kozlov II. [Phenomenology of Orthodox values in expert assessment]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2014;8:128–135. Russian.
53. Ryazantsev IP, Podlesnaya MA, Kozlov II. University: its values and traditions in its professor's memories (based on educational biographies study). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika*. 2014;4:221–228. Russian.
54. Rutkevich ED. From «religiosity» to «spirituality»: the European context. *RUDN Journal of Sociology*. 2014;1:5–25. Russian.

Статья поступила в редакцию 02.09.2022.
Received by the editorial board 02.09.2022.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

REFLECTIONS ON A GIVEN THEME

УДК 371:130.2

НОВАЯ СИСТЕМА СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Ч. С. КИРВЕЛЬ¹⁾, С. З. СЕМЕРНИК¹⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
ул. Э. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

Исследуется система социогуманитарной подготовки учащихся. Раскрывается идея о влиянии образовательной сферы на важнейшие области общественной жизни. Показывается, что изменения в системе образования способны трансформировать не только индивидуальное сознание субъектов социального развития, но и уклад общественной жизни в целом. Особое значение при подготовке студентов имеет социогуманитарное знание, которое формирует их ценностно-мировоззренческие установки, влияет на их поведенческие модели и гражданскую позицию. Отмечается, что оптимизация содержания и формы социогуманитарного образования является стратегически важной задачей для социума, необходимым условием обеспечения национальной безопасности. Приводится мысль о том, что общество нуждается в обновлении системы социогуманитарной подготовки учащихся, особенно на уровне высшей школы. При этом немаловажное значение имеет теоретическая и мировоззренческая подготовка педагогов,

---

Образец цитирования:

Кирвель ЧС, Семерник СЗ. Новая система социогуманитарного образования как ответ на вызовы современности. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2022;3:42–48.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-3-42-48>

For citation:

Kirvel ChS, Semernik SZ. A new system of socio-humanitarian education as a response to the challenges of modernity. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2022;3:42–48. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-3-42-48>

Авторы:

Чеслав Станиславович Кирвель – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии педагогического факультета.
Снежана Здиславовна Семерник – доктор философских наук, доцент; профессор кафедры философии педагогического факультета.

Authors:

Cheslav S. Kirvel, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of philosophy, faculty of pedagogy.
kaf_filosof@grsu.by
Snezhana Z. Semernik, doctor of science (philosophy), doцент; professor at the department of philosophy, faculty of pedagogy.
semernik@grsu.by
<https://orcid.org/0000-0003-4473-9774>

мышление которых должно соответствовать государственным стратегическим задачам. Доказывается, что при подготовке учащихся необходимо уделять внимание аксиологической составляющей, поскольку в современном обществе наблюдается стремительная деэтизация и дегуманизация социализации, осуществляются попытки слома традиционных ценностей. Результаты исследования возможно применить при определении стратегий и приоритетов развития системы образования, организации образовательного и воспитательного процессов в учреждениях среднего и высшего образования.

Ключевые слова: система образования; вызовы современности; национально-государственная безопасность; социогуманитарное образование; самосознание молодежи; воспитательный процесс.

A NEW SYSTEM OF SOCIO-HUMANITARIAN EDUCATION AS A RESPONSE TO THE CHALLENGES OF MODERNITY

Ch. S. KIRVEL^a, S. Z. SEMERNIK^a

^a*Yanka Kupala State University of Grodno,
22 E. Ažėška Street, Hrodna 230023, Belarus*

Corresponding author: S. Z. Semernik (semernik@grsu.by)

The object of research in this article is the system of socio-humanitarian training of students. The article reveals the idea of the influence of the education system on the most important spheres of public life. The authors show that with the help of changes in the education system, it is possible to change not only the individual consciousness of the subjects of social development, but also to change the way of social life in general. Socio-humanitarian knowledge is of particular importance in the preparation of students. It forms the value-worldview attitudes of students, influences their behavioural models and civic position. Optimisation of the content and form of socio-humanitarian education is a strategically important task for society, a necessary condition for the implementation of national security imperatives. The authors argue that society today needs to update the system of socio-humanitarian training of students, especially at the higher school level. They point out the need to carry out this training throughout the entire period of training of students, paying special attention to the direct interaction of teachers and students. At the same time, the theoretical and ideological training of teachers themselves, whose thinking should correspond to state strategic objectives, is of no small importance. The authors convincingly prove that the axiological component should also be given great importance in the preparation of students, since in modern society there is a rapid deethisation and dehumanisation of socialisation, attempts are being made to break traditional values. The practical significance of the research results lies in the possibility of applying the data obtained in determining strategies and priorities for the development of the modern education system, the organisation of educational and educational processes in institutions of secondary and higher education.

Keywords: education system; challenges of modernity; national and state security; socio-humanitarian education; youth self-awareness; educational process.

Введение

Мы живем в эпоху информационных, гибридных и психоисторических войн, главным объектом которых выступает человеческое сознание, в частности ценностно-мировоззренческие установки людей. Поэтому изучение механизмов, определение возможностей и границ информационного воздействия на смысловую сферу общества являются чрезвычайно актуальными задачами научных исследований. В данном ключе важнейшим социальным институтом выступает система образования. Процессы обучения

и воспитания являются базовыми механизмами формирования индивидуального сознания, влияющего на общее умонастроение социума. Эта проблема касается не только воспроизводства профессиональных кадров для экономики, но и формирования общего социального контекста через реализацию поведенческих установок, политических, экономических, ценностных ориентаций субъектов общественного развития. Соответственно, современная система образования определяет развитие социума в целом.

Материалы и методы исследования

В качестве методологических подходов в исследовании проблем образования целесообразно применять синергетический, аксиологический и цивилизационный подходы. На протяжении длительного исторического периода образование сохраняло

традиционные для общества способы миропонимания и транслировало их будущим поколениям. Однако в условиях динамического развития общества ситуация кардинально меняется. Назначение современной системы образования – подготовить

общество к будущей социально-экономической ситуации. Необходимо обеспечить утверждение нового технико-экономического уклада – только так можно обеспечить положительный инновационный рост экономики и прогрессивное развитие социума. При этом однозначного ответа на вопрос, каковы будут характеристики общества будущего, не существует. Эта неопределенность в значительной степени актуализирует использование синергетического подхода к объяснению социальной действительности, указывающего на альтернативные модели общественного развития и стратегии изменения образовательной системы. Применительно к высшему образованию данная идея осознавалась в зарубежных странах еще в конце XX в. Например, Совет Карнеги по политическим исследованиям в области высшего образования в одном из докладов с характерным названием «Три тысячи будущих»¹ заявил о том, что высшее образование не является чем-то однозначным, развивающимся по определенной схеме с заранее известным результатом, его перспективы туманны². Неопределенность образовательной модели обусловлена во многом неотчетливостью представлений о том типе социума, который конструируется в сегодняшней перспективе. «Текущая современность» – лучшая метафора, описывающая названную ситуацию [1]. Амбивалентность, «расплывчатость» современного общества указывают на несколько сценариев развития, реализация которых зависит от сознательного выбора социальных субъектов.

В политическом дискурсе еще совсем недавно доминировала идея о том, что такая модель общественного устройства, как глобальный однополярный мир во главе с США, является оптимальной [2]. С точки зрения цивилизационного подхода, монополярность не является перспективной моделью общественного уклада. Монополярный подход исходит из презумпции абсолютной адаптивности различных культурно-цивилизационных систем к единым нормативным стандартам, причем последние принципиально не совпадают с культурно-цивилизационной спецификой ни одной из существующих ныне типов локальных цивилизаций. Для создания универсального глобального пространства обществу необходимо создать некий социокультурный проект, упраздняющий специфику национальных культур и локальных цивилизаций. Таким проектом, ставшим основой монополярного мира, выступил проект эконоцентризма. В его основе лежат абсолютизация значения экономического роста и тотальная коммерциализация всех сфер обще-

ственной жизни. В рамках данного подхода образование рассматривается как сфера оказания услуг, коммерческий проект по получению максимальной прибыли, что является чрезвычайно рискованным для общества, угрожает его национальной безопасности, поскольку абсолютно упраздняет понятия гражданственности, патриотизма, национальных интересов и перспектив развития. Латинское выражение: «Где хорошо, там и родина»³ – становится визитной карточкой сторонников экономического редукционизма. Эконоцентризм предполагает упразднение культурно-цивилизационной специфики как таковой, выступает антитезисом традиционным нормам и ценностям культуры. Именно на теоретическом фундаменте социокультурной парадигмы эконоцентризма можно обнаружить главное обстоятельство в развитии современного социума – стремительное нарастание социокультурных новаций, не совпадающих с устоявшимися нормами общественного функционирования и претендующих на «формирование “новой нормальности” как системы принципиально новых оснований жизни во всех ее аспектах» [3, с. 216].

Несмотря на то что понятие «новая нормальность» впервые было использовано после экономического кризиса 2008 г. в целях идентификации масштабных социально-экономических, культурных и политических преобразований, оно употребляется и сегодня, приобретая все более широкое значение. Во время COVID-19 с помощью данного термина эксперты демонстрировали, как пандемия изменила основные аспекты человеческой жизни [4]. Под эгидой «новой нормальности» в обществе продвигаются антигуманные идеалы и ценности, ориентирующиеся на абстрактного «постчеловека», свободного от обязательств перед социумом.

Сегодня с нарастающей активностью предпринимаются попытки разрушить традиционные нравственные ценности и сформировать новую анти-традиционную цивилизацию. По сути, ставятся под сомнение все моральные устои человечества. Борьба между традиционными и анти-традиционными ценностями приобретает небывалую степень антагонистичности и превосходит все прежние, даже социально-классовые противоречия.

Очевидно, что именно в сфере ценностей и нравственности коренится сгусток парадоксов современного мира. Это новый вызов человечеству. За мейнстримом «новой нормальности» скрывается глобальная атака на идентичность человека. Например, программа утверждения радикального феминизма, ставшая ныне официозом некоторых

¹Здесь и далее перевод наш. – Ч. К., С. С.

²Three thousand futures: the next twenty years of higher education: final report of the Carnegie Council on Policy Studies in Higher Education. San Francisco, 1980. 439 p.

³Плутос [Электронный ресурс]. URL: <https://librebook.me/plutos/vol1/2> (дата обращения: 12.07.2022).

стран, разрушает основы традиционных отношений мужчины и женщины. Усиливающаяся политика маскулинизации женщин и феминизации мужчин создает конфликтогенность в сфере восприятия гендерных ролей.

Разве может пройти мимо всех этих проблем современное социогуманитарное образование? В предлагаемых ныне моделях образования, во всех обязательных и необязательных курсах на уровне высшей школы нет даже слова о нравственности. Поэтому аксиологический подход является одним из важнейших при создании новой системы образования.

Сегодня общество нуждается в многополюсности – цивилизационном многообразии взаимодействующих субъектов мирового развития. Наличие в едином глобальном пространстве различных цивилизационных систем, каждая из которых способна предложить свой неповторимый проект, создает ситуацию амбивалентности и альтернативности будущего. Одним из важнейших социальных институтов, способствующих воспроизводству и трансляции культурно-цивилизационной специфики социума,

является система образования. Создание идеальнотипической образовательной модели как необходимого условия реформирования образования ставит социум перед проблемой усиления роли прогнозной рефлексии. Если общество желает сохранить свою культурно-цивилизационную специфику, субъектность в политическом, экономическом и иных отношениях, ему необходимо ориентироваться на идею образовательного суверенитета (способность проводить самостоятельную образовательную политику, аутентичную запросам социума). Только при условии его сохранения, можно претендовать на безопасность развития. Индикатором реализации идеи образовательного суверенитета является характеристика социогуманитарной подготовки обучающихся, на фундаменте которой строится национальная, культурная, цивилизационная идентичность личности. Формирование представлений о должном и желательном, добре и зле, правильном и неправильном происходит на теоретической основе социогуманитарных наук и дает возможность личности конструировать свои мировоззренческие ориентации.

Результаты и их обсуждение

Самой уязвимой сферой национально-государственной безопасности любого общества является духовная сфера. Подготовка к социальным трансформациям, катаклизмам, революциям, в том числе к цветным, происходит незаметно, с помощью постепенных изменений в общественном сознании. Совершенно справедливо об этом писал французский исследователь, специалист в области психологии масс Г. Лебон: «Великие перевороты, предшествующие изменению цивилизации, на первый взгляд определяются главным образом политическими переменами, нашествием иноплеменников, падением династий. Но более внимательное изучение этих событий указывает на то, что за ними чаще всего скрывается глубокое изменение идей народов. Истинно исторические перевороты – не те, которые поражают нас своим величием и силой. Единственные важные перемены, из которых вытекает обновление цивилизаций, совершаются в идеях, понятиях и верованиях. Крупные исторические события являются лишь видимыми следствиями невидимых перемен в мыслях людей» [5]. Это означает, что мировоззренческая устойчивость стран и народов – наиболее значимая форма безопасности. Она в каком-то смысле сильнее и важнее армии и других институциональных структур безопасности. Именно дух народа обеспечивает жизнеустойчивость государства. Ментальную, психоисторическую войну невозможно выиграть с помощью ядерного и огнестрельного оружия. Для победы в такой войне

необходимо обладать организационным оружием, причем не только геополитического, геоэкономического, но и концентрированного информационно-смыслового характера. Психоисторическая война представляет собой комплекс систематических, целенаправленных и долгосрочных действий, цель которых – установить контроль над психосферой общества-мишени, прежде всего над сознанием властной элиты и молодежи. На переднем крае этой борьбы за сознание людей естественным образом (в силу специфики объекта изучения) находится социогуманитарное знание. Оно становится важнейшим фактором национально-государственной безопасности.

В связи с этим встает вопрос фундаментальной важности: «Как сформировать у молодежи, в том числе у студенческой, иммунитет против деструктивного информационного воздействия на ее сознание?». Сдерживать, блокировать деструктивный контент интернета вряд ли возможно. Молодые люди будут продолжать слушать блогеров, смотреть программы, подготовленные манипуляторами, которые прекрасно понимают специфику коллективного сознания. Остановить мировоззренческое зомбирование подрастающего поколения можно только с помощью аудиторного (живого) образования. Ни одно государство не может полноценно развиваться без положительной системы ценностей. Одно из первых мест в формировании мировоззрения и идеалов молодежи принадлежит социогу-

манитарному просвещению. Именно оно способно сформировать в сознании молодежи адекватную картину мира, раскрыть специфику современных геополитических процессов, показать, какие политические силы и социальные субъекты на мировой арене являются конструктивными, а какие – деструктивными. Получая соответствующую социогуманитарную подготовку, большинство молодежи сможет отличить правду от лжи, почувствовать, кто есть кто. Без социогуманитарного просвещения, как и без гуманитарного образования в целом, невозможны ни национальная самоидентификация, ни осмысленное отношение к исторической судьбе своей страны, ни развитие национальной культуры. Сокращение и исключение гуманитарных дисциплин из образовательного процесса ведут к отрыву молодежи от мира идей, политики, всего того, что «цементирует» общество и дает ему душу. Чтобы адекватно воспринимать мир и иметь о нем целостное представление, чтобы разносторонне развиваться и ответственно изменять жизнь вокруг себя, выпускники высшей школы должны не только владеть научно-техническими компетенциями, но и быть духовно развитыми.

Сегодня социогуманитарное образование в высшей школе вытеснено в глубокую периферию. За «фасадом» формальных количественных показателей скрывается проблема недостаточной гуманитарной подготовки специалистов, если не сказать, ее отсутствия. Кафедры социогуманитарной направленности не обладают структурной целостностью. Если раньше данные кафедры имели свои подразделения и объединения, интегрирующие, планирующие и координирующие образовательную и научную деятельность, то сегодня такой способ организации ушел в прошлое. Социогуманитарное образование стало терять самостоятельность и значение. Его уже почти нет. Оно представляет собой «статистическую погрешность». На 1-м или на 2-м курсе студентам читают 11 лекций по курсу философии и столько же, если не меньше, по курсу политологии. На старших курсах социогуманитарная подготовка отсутствует: в этом вопросе студенты предоставлены самим себе и интернету. В результате выпускники выходят из университета в мир с виртуальной, а не с реальной картиной мира, без прочно закрепившихся ценностно-мировоззренческих установок и ориентаций. Конечно, они легко подвергаются влиянию предрассудков, мифов, идеологием и иллюзий. И это неудивительно. Освоение на первом-втором году обучения коротких курсов по гуманитарным дисциплинам, преподавание по которым нередко заканчивается менее, чем за один семестр, оказывает неустойчивое влияние на мировоззрение молодежи. Таким образом, в сфере гума-

нитарного образования сложилась драматическая ситуация.

Следует подчеркнуть, что частные науки (физика, химия и т. д.) не в состоянии дать ответы на мировоззренческие, смысложизненные вопросы. При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что мир ценностей не имеет научного решения. Постановка и осмысление вопросов этой сферы – извечное дело социогуманитарных наук.

События 2020 г. показали, что гуманитарное образование в стране отчаянно проигрывает конкуренцию за умы и души подрастающего поколения. Значительная часть молодежи оказалась беззащитной перед деструктивным информационным воздействием. Проведение внеучебных воспитательных мероприятий лишь косметически маскирует, но не решает проблему формирования высокого самосознания и патриотической гражданской позиции молодежи, поскольку для этого необходимы четкая система убеждений, развернутая логическая аргументация, способная наполнить сознание молодых людей правильным содержанием, транслировать позитивные смыслы. Формирование сознания личности – это кропотливый труд, результаты которого обнаруживаются не сразу, но имеют долгосрочное действие. В конечном итоге даже спустя годы в ходе конфликтов и противоречий обнажается мировоззренческая позиция личности, которая влияет на ее поведенческую активность.

Подтверждением этому выступает чрезвычайно поучительный (правда, совершенно в отрицательном смысле) эксперимент в Украине. На примере Украины миру продемонстрировано, как возможно кардинально переформатировать сознание граждан за короткий срок. Результат данного эксперимента следующий: новое поколение украинцев имеет мировидение, коренным образом отличающееся от мировидения их предков. Как такое могло случиться?

Ультранационалисты, колонизировавшие Украину, последовательно и системно формировали электорат будущего, для которого ценностным ориентиром выступал бы исключительно Запад. И в этом вопросе они преуспели, была проведена тонкая и сложная работа: написана совершенно новая история, практически на пустом месте создан новый субъект культуры. Все это позволило сформировать у поколения молодых украинцев абсолютно прозападное, антирусское мировоззрение, внедрить в их сознание убеждение в том, что в мире нет более страшного врага для Украины, чем Россия. Теперь эту молодежь трудно остановить. Стремясь реализовать вложенные в их головы идеи и идеалы, они готовы идти до конца, сокрушая все на своем пути.

В процессе формирования у населения, особенно у молодого, русофобских настроений исключительную роль сыграли информационная политика и содержание учебников социогуманитарного цикла, издание которых было щедро профинансировано Дж. Соросом. Была жестко определена дисциплинарная сетка социогуманитарных предметов (от детского сада до аспирантуры). Согласно специально разработанной программы в данную сетку было вложено определенное смысловое, идейно-мировоззренческое содержание. За учителями и преподавателями, реализующими эту программу, был установлен неустанный контроль. Преподавателей, которые от нее отклонялись, наказывали или даже увольняли. В итоге цели Запада

достигнуты. Украинский эксперимент – это свидетельство возможности трансформации сознания в позитивно-гуманистическом, человекообразном направлении.

Последние события в соседних странах показывают, что информационное пространство социума, общественное сознание, мировоззрение отдельной личности – это поле острейшей концентрированной борьбы, победители в которой могут оказывать влияние на судьбу целого народа. Как показывает практика, поражение в информационной войне имеет слишком высокую цену, поэтому для общества (страны, государства), желающего сохранить свои жизненные перспективы, непозволительно и даже губительно обходить вниманием данную проблему.

Заключение

Можно определенно утверждать, что уровень социогуманитарного образования в высшей школе не способен дать ответ на вызовы современности. Если мы действительно хотим, чтобы наша страна избежала деструктивных, разрушительных действий со стороны молодежи, необходимо предпринять следующие меры:

- создать систему социогуманитарной подготовки в учреждениях высшего образования;
- рассредоточить преподавание социогуманитарных дисциплин по всем курсам;
- ввести на последнем году обучения обобщающий, интегрированный курс по социогуманитарной проблематике с последующей сдачей государственного экзамена;
- создать структурные подразделения в высшей школе, объединяющие гуманитарные кафедры и координирующие их деятельность;
- обеспечить подготовку преподавателей социально-гуманитарного блока (они должны обладать государственно-стратегическим мышлением, быть хорошими идеологами-теоретиками, способными продвигать в студенческой среде позитивные, жизнеутверждающие идеалы).

Принимая во внимание повышенный интерес общества к проблемам духовно-просветительского развития личности, целесообразно ввести в учеб-

ный процесс курс по социальной этике, в котором теоретические вопросы будут более тесно связаны с реалиями, актуальными морально-психологическими сторонами жизни личности.

В образовательный процесс необходимо также включить курс по логике. Отсутствие знаний в этой области приводит не только к снижению культуры логического мышления и делает молодых людей потенциальными жертвами манипуляции сознанием, но и влияет на качество профессиональной подготовки специалистов, работающих с формализованной информацией (юристов, журналистов и т. д.), а также затрудняет подготовку работников высшей научной квалификации. Логика выступает мощным противодействием в отношении клипового дологоцентричного мышления, характерного для архаических эпох. Все величайшие достижения человеческой цивилизации осуществлены благодаря логоцентричному мышлению.

Интеллектуально-гуманитарные технологии, деструктивно воздействующие на массовое сознание молодежи, могут быть побеждены только с помощью таких же интеллектуально-гуманитарных технологий, но более высокого уровня. Великая миссия отечественного социогуманитарного образования и заключается в этой победе.

Библиографические ссылки

1. Бауман З. *Глобализация. Последствия для человека и общества*. Москва: Весь мир; 2004. 188 с.
2. Фукуяма Ф. *Конец истории и последний человек*. Левин МБ, переводчик. Москва: АСТ; 2007. 558 с.
3. Плиев СМ. «Новая нормальность» в современном мире: исторические аспекты и актуальные политические практики. *Новое прошлое*. 2021;3:214–220. DOI: 10.18522/2500-3224-2021-3-214-220.
4. Mohamed A. El-Erian. Navigating the new normal in industrial countries per jacobsson foundation lecture [Internet]. 2010 [cited 2022 July 12]. Available from: https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/28/04/53/sp101010#P12_100.
5. Лебон Г. *Психология народов и масс* [Интернет; процитировано 12 июля 2022 г.]. Доступно по: <https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/psihologiya/215926-gustav-lebon-psihologiya-narodov-i-mass.html#text>.

References

1. Bauman Z. *Globalizatsiya. Posledstviya dlya cheloveka i obshchestva* [Globalisation. Consequences for man and society]. Moscow: Ves' mir; 2004. 188 p. Russian.
2. Fukuyama F. *Konets istorii i poslednii chelovek* [The end of history and the last man]. Levin MB, translator. Moscow: AST; 2007. 558 p. Russian.
3. Pliev SM. «New normal» in the modern world: historical aspects and current political practices. *The New Past*. 2021; 3:214–220. Russian. DOI: 10.18522/2500-3224-2021-3-214-220.
4. Mohamed A. El-Erian. Navigating the new normal in industrial countries per jacobsson foundation lecture [Internet]. 2010 [cited 2022 July 12]. Available from: https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/28/04/53/sp101010#P12_100.
5. Lebon G. *Psikhologiya narodov i mass* [Psychology of peoples and masses] [Internet; cited 2022 July 12]. Available from: <https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/psihologiya/215926-gustav-lebon-psihologiya-narodov-i-mass.html#text>. Russian.

Статья поступила в редколлегию 09.08.2022.
Received by the editorial board 09.08.2022.

АКАДЕМИЧЕСКИЕ ДЕВИАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ В РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ

Г. Е. ЗБОРОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Институт государственного управления и предпринимательства
Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
ул. Мира, 19, 620002, г. Екатеринбург, Россия

Показывается актуальность проблемы, вызванной ростом академических девиаций среди основных общностей университетов. В качестве объекта исследования выступают различные отклонения в поведении студентов и научно-педагогических работников, обнаруживающиеся в несоблюдении фундаментальных моральных и правовых норм, регулирующих отношения в системе высшего образования. Анализируются связи между академическими девиациями студенчества и научно-педагогического сообщества. Дано определение понятию «академические девиации». Характеризуются их виды и проявления. Рассматриваются формы академических девиаций, типичные как для студентов, так и для преподавателей. Наибольшее внимание уделяется трактовке академического мошенничества, имитаций в сфере науки и образования, симулякров публикационной активности, гострайтинга, практик студентосбережения и форм делинквентного поведения. Устанавливаются способы ограничения влияния девиаций на качество академических достижений.

Ключевые слова: академические девиации; студенчество; научно-педагогическое сообщество; российские учреждения высшего образования; академическое мошенничество; имитации в сфере науки и образования; гострайтинг; практики студентосбережения; симулякры публикационной активности.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-29-07016).

ACADEMIC DEVIATIONS OF EDUCATIONAL COMMUNITIES IN RUSSIAN UNIVERSITIES

G. E. ZBOROVSKY^a

^aThe Institute of Public Administration and Entrepreneurship,
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
19 Mira Street, Yekaterinburg 620002, Russia

The article shows the relevance of the problem caused by the growth of academic deviations among the main educational communities of the university – students and research and teaching staff. The object of the study is various deviations in their behaviour, manifested in non-compliance with fundamental moral and legal norms and values governing relations in higher education. The purpose of the article is to analyse the relationship between academic deviations of students

Образец цитирования:

Зборовский ГЕ. Академические девиации образовательных общностей в российских университетах. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2022;3:49–57.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-3-49-57>

For citation:

Zborovsky GE. Academic deviations of educational communities in Russian universities. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2022;3:49–57. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-3-49-57>

Автор:

Гарольд Ефимович Зборовский – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления.

Author:

Garold E. Zborovsky, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of sociology and and municipal administration technologies.
garoldzborovsky@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8153-0561>

and the scientific and pedagogical community. The main results of the study are the characteristics of the concept, types, manifestations of academic deviations, as well as the consideration of their forms, typical for both students and teachers. The greatest attention is paid to the interpretation of academic fraud, imitations in the educational sphere and scientific research, simulacra of publication activity, ghostwriting, practices of «student savings», forms of delinquent behaviour. In conclusion, the ways of limiting the influence of deviations on the quality of academic achievements are considered.

Keywords: academic deviations; students; scientific and pedagogical community; Russian universities; academic fraud; imitations in the educational sphere and scientific research; state writing; practices of «student savings»; simulacra of publication activity.

Acknowledgements. The article was prepared by the support of the Russian Foundation for Basic Research (project No. 19-29-07016).

Введение

Одной из острых проблем российского высшего образования является рост академических девиаций среди основных общностей университетов – студентов и научно-педагогических и управленческих работников. В основе этого феномена лежат как социально-экономические, так и непосредственно академические причины. Развитие подобных аномалий обусловлено системным кризисом общества, в том числе пандемией коронавируса и резким ухудшением социально-экономического положения многих групп населения. В последние месяцы к факторам, воздействующим на рост академических девиаций, добавились последствия специальной военной операции на территории Украины: экономическая изоляция России, введение санкций со стороны западных стран, увеличение уровня безработицы из-за закрытия ряда производств, а также сильная инфляция.

Все это не могло не сказаться на материальном положении как студентов, так и преподавателей. Вынужденная необходимость в поиске работы, возникшая у многих студентов, и усилившаяся вторичная трудовая занятость негативно сказались на их академической успеваемости. В период пандемии COVID-19 невысокий уровень мотивации значительной части студентов, особенно в региональных учреждениях высшего образования (УВО), их слабая подготовленность к требованиям высшей школы и недостаточная профессиональная ориентированность усугубились из-за перевода обучения в онлайн-формат.

В связи с этим активизировался рост академических аномалий и девиантного поведения среди студентов. Академическое мошенничество, списывание, плагиат, гострайтинг (практика заказных работ), имитация образовательной и научной активности, коррупция и другие отклонения от установленных в УВО норм выступают сегодня серьезной проблемой, требующей внимания.

Академические девиации усилились также среди научно-педагогических работников. Это обусловлено резким ростом учебной нагрузки на сотрудни-

ков (иногда свыше 1000 ч в год) и требований к их публикационной активности, сокращением количества рабочих мест, ликвидацией и объединением кафедр, введением политики «студентосбережения», ограничивающей возможности применения санкций к нерадивым студентам, управленческой бюрократизацией, приводящей к увеличению временных затрат на заполнение документации, и др. Реакция педагогического корпуса не заставила себя долго ждать. Она выразилась в существенном снижении качества взаимодействия преподавателей и студентов, причинами чего стали нехватка времени, профессиональное выгорание, а также ухудшение здоровья, особенно в условиях пандемии коронавируса.

К сожалению, студенческие академические девиации перестали получать резкий отпор со стороны значительного числа преподавателей. Имитации в УВО приобретают все более широкий масштаб и распространяются среди управленческих работников.

Названные феномены представляют серьезную угрозу академическим достижениям как студентов и научно-педагогических работников в частности, так и системы высшего образования в целом. Многочисленные формы аномального поведения в УВО охватывают образовательные, воспитательные, научные и управленческие процессы. Реальные отношения между общностями подменяются их имитационными проявлениями. В научной литературе академические девиации студентов и педагогов рассматриваются, как правило, порознь, без выявления связи между ними.

В данной статье проанализированы связи между академическими девиациями студенчества и научно-педагогического сообщества, определены способы их ограничения. Речь идет о выявлении типичных форм подобных аномалий, характерных и для студентов, и для преподавателей. Вместе с тем необходимо понимать, что уровень распространенности академических девиаций среди студентов неизмеримо выше, чем среди преподавателей.

Обзор научной литературы

Проблема академических девиаций в системе российского высшего образования вызывает сильный интерес исследователей. В число организаций, сотрудники которых подготовили большое количество публикаций по обозначенной теме, входят Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Кемеровский государственный университет, Уральский федеральный университет, Южный федеральный университет и другие учреждения. Аномальное поведение и академические девиации в УВО России анализируют как коллективы ученых, так и отдельные исследователи, среди которых П. А. Амбарова [1], В. П. Бабинцев [2], Е. В. Балацкий [3], В. В. Вольчик [4], Я. И. Гишинский [5], Е. В. Денисова-Шмидт [6], О. В. Дремова [7], М. А. Завадская [8], Г. Е. Зборовский [9], И. А. Колесникова [10], М. В. Курбатова [11], Г. А. Ключарев [12], Ю. В. Латов [13], Э. О. Леонтьева [14], А. М. Осипов [15], В. В. Радаев [16], Н. А. Селиверстова [17], Т. В. Семенова [18], Я. И. Серкина [19], Е. И. Трубникова [20], И. С. Чириков [21], Е. Д. Шмелева [22] и др. Автор настоящей статьи обращается к работам, в которых рассмотрены имитации в системе высшего образования, бюрократизация УВО, академическое мошенничество, обман в учебном процессе, типология академических девиаций, оппортунизм преподавателей университетов как спо-

соб приспособления к усилению внешнего контроля, академический гострайтинг, диссертационные ловушки, коррупционная и антикоррупционная деятельность в УВО, отношение студентов и преподавателей к наказаниям за плагиат и списывание, неформальные «правила игры» в образовательной системе, симуляция образования, научные проекты сквозь призму институциональной коррупции.

Различные аспекты этой проблемы отражены не только в российской, но и в зарубежной научной литературе. Больше всего в ней освещены темы академического мошенничества и студенческой нечестности. Иностранные авторы конкретизируют направления девиаций, рассматривая плагиат, гострайтинг, обман и списывание [23; 24].

Проблема студенческих имитаций в сфере науки и образования является достаточно новой [25; 26]. Необходимо также отметить интерес исследователей к анализу рисков, касающихся снижения качества профессионального воспитания выпускников университетов, их недостаточного умения проявлять самостоятельность в учебе, девальвации системы обучения и ценности образования [27].

Еще одно направление исследований – коррупция в высшей школе с участием студентов [28; 29]. Ее изучением традиционно занимаются за рубежом. Важно сказать, что авторы подобных работ нечасто проявляют интерес к установлению связи между академическими девиациями и образовательной неуспешностью [30].

Эмпирическая база исследования

В основе настоящей статьи лежат результаты более чем 200 исследований академических девиаций в системе высшего образования, отраженные в зарубежной и отечественной научной литературе. Проанализированы публикации, посвященные различным дисциплинарным (социологическим, психологическим, педагогическим, экономическим, правовым) аспектам отклоняющегося от установленных в университете норм академического поведения. Рассмотрены девиантный и делинквентный типы поведения как отклонения от ценностно-нормативного порядка в академической среде, а также носящая деструктивный характер деятельность студентов и научно-педагогических работников УВО.

Авторский метод состоял в отборе и систематизации описаний различных практик, сложившихся

в высшей школе и соответствующих признакам отклоняющегося поведения. Иностранные практики соотносились с отечественными по принципу аналогии. Выявлены и проанализированы основные характеристики академических девиаций в России и за рубежом.

В качестве эмпирической базы выступили также материалы шести фокус-групп, проведенных со студентами УВО Екатеринбурга в 2021 г. в разгар пандемии COVID-19 и в ее конце. Это позволило, с одной стороны, увидеть результаты использования онлайн-технологий и дистанционных методов обучения в образовательном процессе, а с другой стороны, описать особенности применения студентами возможностей академического мошенничества.

Академические девиации: понятие, виды, проявления

В самом общем виде под академическими девиациями студентов и преподавателей автор настоящей статьи подразумевает отклонения от фундаментальных правовых и моральных норм поведения, регулирующих отношения в системе высшего об-

разования в целом и в конкретных университетах в частности. В результате нарушения установленных правил основные процессы в УВО становятся дисфункциональными, базовые принципы совместной деятельности образовательных общностей ставятся

под угрозу, а реальные смыслы и значения образовательных практик искажаются. Академические девиации в высшей школе представляют собой нарушения ее содержательного, структурного и функционального порядка, вызванные рассогласованием действий студентов и педагогов и отношений между ними с фундаментальными и иными, принятыми в УВО, нормами поведения.

Одним из критериев классификации академических девиаций является характер нарушаемых норм. В соответствии с этим признаком устанавливаются отклонения, связанные с несоблюдением моральных (девиантное академическое поведение) либо правовых (делинквентное академическое поведение) норм. К отклонениям первого типа относятся имитации и различные виды студенческого мошенничества, а к отклонениям второго типа – коррупция, предъявление студентом или преподавателем заказной квалификационной работы или научной статьи (и даже диссертации) взамен собственной.

Академические девиации наблюдаются в образовательной, научно-исследовательской, управленческой, воспитательной и социальной деятельности.

На основании характера проявления обнаруживаются явные и латентные (скрытые) академические девиации. Приведенный пример с заказными работами четко иллюстрирует латентный характер академической девиации. К явным академическим девиациям относятся многие виды имитаций, бюрократических требований и процедур.

Наконец, последним критерием выделения видов академических девиаций является их субъект. Так, в качестве субъекта могут выступать как студенты, так и преподаватели.

При наличии академических девиаций, характерных для обеих социальных общностей, имеются формы отклоняющегося поведения, одни из которых более присущи студентам, а другие – научно-педагогическим работникам. К девиациям, типичным для студентов, относится прежде всего академическое мошенничество, проявляющееся в списывании, плагиате, использовании «шпаргалок», покупке заказных курсовых и дипломных работ и т. д. Эти формы отклоняющегося поведения являются нарушениями внутренних норм высшей школы и свидетельствуют об образовательной неуспешности немалой части студентов.

Формы академических девиаций, типичные для студентов и педагогов

Одна из наиболее распространенных форм академических девиаций, характерная и для студентов, и для преподавателей, – имитация образовательной и научной деятельности. Этот тип отклонения от норм, установленных в УВО, и его виды как российские, так и зарубежные исследователи стали обсуждать только в последние годы [1; 19; 23; 25; 26; 30]. Можно привести расхожую формулу, своеобразную

Многие обучающиеся отметили естественность такого поведения, которое, по их мнению, серьезно не нарушает академические нормы и требования. Установлено, что 80 % студентов спокойно восприняли вопрос об академическом обмане, заданный им модераторами фокус-групп. В выступлениях некоторых молодых людей даже прозвучала мысль о необходимости и полезности покупки заказных работ и списывания результатов выполненных заданий у товарищей: *Хочу высказать свое мнение о том, можно ли считать девиантным поведением заказ работ за плату. Я думаю, 50 на 50. С одной стороны, человек ленив, а с другой стороны, ему хватило сообразительности заказать работу и найти исполнителя, но не хватило сообразительности, чтобы этого никто не заметил. Есть отличная поговорка: «Рынок диктует правила». Появилась возможность купить работу – студент ее покупает. Он просто пользуется благами современного мира. Мы же при капитализме живем. Вот это и есть капитализм.*

Порой даже возникали дискуссии по этому вопросу. Так, студент, инициировавший полемику, попытался объяснить причины появления девиации позицией педагога: *Если преподаватель требователен, схемы одни, если лоялен, схемы другие. Ты будешь пробовать сдать зачет сам, и уж если не получится, то можно как-то схитрить. Если ты понимаешь, что сам можешь сдать, то не будешь ничего придумывать. А если сдача сложная, то думаешь и ищешь другие варианты.* Его тезис оспорил другой участник фокус-группы: *У меня академические девиации не от преподавателя зависят, а от предмета. Если он мне не интересен, мне будет сложнее, а если предмет легкий и интересен мне, то, может быть, я смогу выучить сам. От преподавателя я не особо завишу. Там и там могу как списать, так и не списывать.*

В процессе дискуссии некоторые студенты приходили к пониманию неоднозначности девиантного поведения и опасности возникновения на его основе нормы. Доходило и до выражения молодыми людьми беспокойства по поводу того, что подобный образ действий в определенных условиях может стать нормой профессиональной деятельности. Такое понимание обсуждаемой проблемы студентами является очень значимым, поскольку приобретает социальный характер.

матрицу имитации, широко распространенную в университетах: студенты делают вид, что учатся, преподаватели – что учат, а управленческие работники – что все идет нормально.

Под имитациями в высшей школе понимаются действия ее субъектов, в результате которых реальные смыслы и значения образовательных, научных и управленческих процессов и отношений подме-

няются их формальным воспроизведением. Имитация – универсальная девиация, к которой прибегают как студенты, так и преподаватели, при этом в любой сфере деятельности УВО, особенно в учебной и научно-исследовательской, она применяется и в явной, и в латентной форме. Цель имитации – создание образа способного и интересующегося студента, отзывчивого и позитивно воздействующего на обучающихся педагога.

В условиях пандемии коронавируса активное использование технологий онлайн-обучения повлияло на усиление имитационного и обманного поведения студентов. Снижению контроля за учебным процессом и дисциплиной, а также возникновению проблем с идентификацией личности студентов и установлением авторства их работ способствовали симулирование присутствия молодых людей на занятиях, осуществление ими других видов деятельности (прогулки, шопинг, просмотр фильмов). Благодаря имитации и обману обучающимся стало легче выполнять задания, направленные на контроль знаний, и сдавать сессии, но качество получаемого ими образования заметно ухудшилось.

Чаще всего имитации проявляются не грубо, а достаточно тонко, что позволяет скрыть некоторые порочащие, постыдные аспекты деятельности субъекта образования в университете. Остальные общие для студентов и педагогов девиации носят гораздо более откровенный характер.

Одной из подобных имитаций является академическое мошенничество [7; 9; 16; 18; 21; 25]. Под ним понимается широкий круг действий студента, преподавателя или научного сотрудника, выполняемых в целях фальсификации результатов деятельности в образовательной или научно-исследовательской сфере. Нетрудно выявить попытку продемонстрировать отсутствующие собственные достижения на фоне реальных чужих результатов. На это направлены также искусственное завышение рейтингов, плагиат, подкуп, манипуляции с информацией, искажение данных, приписывание почетного авторства.

Академическое мошенничество рассматривается как проявление академической нечестности и непорядочности. Чаще всего этот вид девиаций идентифицируют со студентами, но они являются не единственными его субъектами. К нему также прибегают научно-педагогические и управленческие работники. Однако для студентов характерны преимущественно явные формы академического мошенничества, тогда как среди научно-педагогического и управленческого сообщества чаще встречаются латентные формы рассматриваемого вида академической девиации.

Так, профессорско-преподавательский состав обычно использует такой вид скрытой активности, как академический оппортунизм – противостояние

менеджериализму и усиливающемуся административному давлению, следование своим интересам, уклонение (через имитации и обман) от неприемлемых требований и минимизация усилий по их выполнению через демонстрацию послушания и реальное попустительство академическому мошенничеству студентов [11].

Следует кратко описать академические отклонения делинквентного характера [5; 6; 20; 28; 29]. Делинквентное поведение, в отличие от девиантного, связано с нарушением законодательства и наступлением уголовной ответственности. Одна из наиболее часто встречающихся аномалий делинквентного характера – коррупция в системе высшего образования. Под ней понимается любое злоупотребление для получения выгоды, противоречащее базовым нормам высшей школы и уголовного права.

Делинквентность – это такой вариант отклонения от моральных и правовых норм, при котором в УВО совершаются общественно опасные действия, способные перерасти в преступления и вызвать соответствующие юридические последствия. Под коррупционное поведение подпадают дача взяток, мошенничество с бюджетом университета, фальсификация ученых степеней, неформальные платежи за поступление в УВО, получение диплома и др. Оно так же, как и девиантное поведение, характерно для всех университетских общностей [9, с. 503].

Проблема коррупции в университетах России остается одной из наиболее сложных. К тому же данный феномен является очень подвижным, изменчивым, поэтому его необходимо исследовать в новом институциональном и социокультурном контексте и развивать методики по его изучению.

Такая академическая девиация, как гострайтинг, представляет собой деятельность в сфере услуг, связанную с подготовкой и реализацией заказных контрольных, курсовых, дипломных работ, магистерских, кандидатских, докторских диссертаций, статей и монографий [10; 24].

Стоит подчеркнуть, что некоторые симулякры публикационной активности стали привычными. Симулякры в высшей школе выступают в качестве форм и способов имитации основных видов деятельности в университетах. Их цель – подмена реальности качественных изменений содержания и результата тех или иных значимых действий в УВО. В данном случае речь идет о заказных статьях, часто с зарубежными соавторами в высокорейтинговых журналах, совместных публикациях управленческих работников с подчиненными. В подготовке таких работ существенную роль играют интеллектуальный ресурс подлинных авторов и административный ресурс их соавторов (обещания щедрого материального стимулирования, продвижения по ступеням должностной или научной карьеры) и т. д. Приме-

ров такой аномальной публикационной активности можно привести много.

Одним из широко распространенных типов академической девиации, сближающим студентов и преподавателей и вызывающим особый интерес управленческого персонала УВО, выступает политика студентосбережения. За этим термином стоит внешне очень простая, но с точки зрения университетских структур крайне сложная проблема сохранения количества студентов. Однако следствием данного феномена является отказ преподавателей от соблюдения высокого качества образования и требовательного отношения к обучающимся.

На практике политика студентосбережения эксплуатирует принцип подушевого финансирования. Имеется в виду сокращение количества рабочих мест педагогического персонала вследствие отчисления из УВО определенного количества студентов (в среднем 11–12 человек на рабочее место). Преподаватели очень хорошо осознают нависающую над ними опасность быть уволенными за то, что они негативно оценивают уровень знаний обучающихся.

Неуспешные студенты хорошо осведомлены о принципе подушевого финансирования. Они

предпринимают все дозволенные и часто недозволенные приемы и методы, чтобы уговорить педагогов не ставить им плохие оценки. Многие обучающиеся убеждены в том, что не будут отчислены и получают диплом.

В моральном плане эта академическая девиация представляется абсолютно неприемлемой. Подчас ее даже трудно обсуждать и оценивать. Можно понять жалобы преподавателей на студентов, проявляющих откровенную наглость и открыто заявляющих педагогам, что те все равно поставят им приемлемую оценку. В этой ситуации, конечно, большую роль играют те сотрудники, которые предпринимают колоссальные усилия, чтобы поднять уровень знаний таких молодых людей хотя бы до минимально удовлетворительного. Вместе с тем немалое количество преподавателей в силу усталости, невероятного напряжения и отсутствия времени (с учетом больших нагрузок) идут по пути академического оппортунизма, попустительства и допускают неуспешных студентов на следующий курс. В результате качество образования и уровень подготовленности специалистов снижаются.

Заключение

Широкая распространенность академических девиаций, присущих как студентам, так и преподавателям, обуславливает необходимость искать способы ограничения их влияния на качество университетской жизни.

Требуется системная работа по ограничению влияния девиаций на образовательный процесс. Необходимо активизировать научные исследования в данной области и своевременно проводить воспитательную работу среди обучающихся. Нужна особая антидевиационная университетская программа, задача которой состоит в изучении различных способов, форм и проявлений аномального поведения студентов, преподавателей и управляющих сотрудников, анализе причин, условий и факторов воздействия академических девиаций на развитие университета.

Распространение многих девиаций в УВО является результатом школьного образования и семейного воспитания. Но это не отменяет необходимость системного противодействия девиациям в университетах, которое требует специальных социальных и педагогических технологий, механизмов, форм ограничения, предупреждения и преодоления.

Так, говоря об отдельных проявлениях студенческого академического мошенничества, автор настоящей статьи полагает, что некоторые привычные нормы поведения обучающихся следует изменить. В этом плане справедливы те утверждения иссле-

дователей системы высшего образования, университетской и студенческой среды, в которых подчеркивается необходимость детального ознакомления студентов 1-го курса с нормами этического кодекса поведения. Однако нельзя спорить с тем, что борьбу против формирования у молодых людей академических девиаций следует вести со школьного возраста. Все основные виды и формы мошенничества, обмана, имитаций, фальсификаций берут начало в школе, что уже давно доказано.

Чаще всего девиации в академическом поведении научно-педагогического сообщества выступают как реакция на отклонения в сфере образования и научной активности студентов, а также на относительно равнодушную позицию университетских менеджеров.

Академическая среда не только берет из доуниверситетской системы образования и воспитания уже сложившиеся формы и способы девиаций, но и добавляет к ним новые. Вчерашние студенты способствуют усилению девиаций в обществе. В этом контексте сокращение масштабов отклоняющегося поведения в университетах должно быть обеспечено путем введения новых моделей обучения и образовательных технологий.

Активное создание и распространение цифровых образовательных платформ, системы открытых онлайн-курсов, внедрение дистанционной формы обучения, обусловленное пандемией, обострили

проблемы академического мошенничества, имитаций, фальсификаций, оппортунизма и коррупции, создали относительно благоприятную сферу для усиления академических девиаций.

Многие виды академических девиаций появляются вследствие недоверия представителей образовательных общностей друг другу. Неслучайно исследования проблемы доверия в системе высшего образования в Уральском регионе, которые автор настоящей статьи

проводил в предпандемийный период, показали острый характер этой проблемы. От успешности ее решения в большой степени зависит возможность разработки социальных и педагогических технологий, направленных против возникновения многих видов девиаций. Вместе с тем последние являются следствием широких аномальных процессов в обществе: коррупции, фальсификаций, искажений, имитаций, шантажа, нечестности и др.

Библиографические ссылки

1. Амбарова ПА, Зборовский ГЕ. Имитации в высшем образовании как социальная проблема. *Высшее образование в России*. 2021;30(5):88–106. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-5-88-106.
2. Бабинцев ВП, Римский ВП. Бюрократизация вуза как антиинтеллектуальный процесс. *Наука. Искусство. Культура*. 2014;4:5–17.
3. Балацкий ЕВ. Формирование «диссертационной ловушки». *Экономика образования*. 2008;4:149–160.
4. Вольчик ВВ, Филоненко ЮВ, Аверкиева ЕС, Ширяев ИМ. Бюрократизация и адаптивное поведение в сфере высшего образования. *Вопросы регулирования экономики*. 2016;7(4):57–71. DOI: 10.17835/2078-5429.2016.7.3.057-071.
5. Гишинский ЯИ. *Девиантность в обществе постмодерна*. Москва: Алетея; 2017. 222 с.
6. Денисова-Шмидт ЕВ, Хубер М, Леонтьева ЭО. Оказывают ли антикоррупционные просветительские кампании влияние на студентов? По результатам исследований в России и Украине. Тронина Л, переводчик. *Вопросы образования*. 2016;1:61–83.
7. Дремова ОВ, Малошонок НГ, Терентьев ЕА. В поисках справедливости в университете: критика и оправдание практик академического мошенничества студентами. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020;4:366–394. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.972.
8. Завадская МА. Академическая неуспеваемость как социологический феномен: перспективы микросоциологического анализа. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2011;14(2):102–118.
9. Зборовский ГЕ, Амбарова ПА. Типологии аномалий в высшем образовании. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2021;21(3):497–511. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-497-511.
10. Колесникова ИА. Академический гострайтинг – рынок имитации научно-образовательной активности. *Непрерывное образование: XXI век* [Интернет]. 2017 [цитировано 10 августа 2022 г.];2. Доступно по: <https://readera.org/147112560>.
11. Курбатова МВ, Каган ЕС. Оппортунизм преподавателей вузов как способ приспособления к усилению внешнего контроля деятельности. *Журнал институциональных исследований*. 2016;8(3):116–136. DOI: 10.17835/2076-6297.2016.8.3.116-136.
12. Латов ЮВ, Ключарев ГА. Неформальные «правила игры» в образовательной системе: симуляция образования, симулякры и брокеры знаний. *Общественные науки и современность*. 2015;2:31–42.
13. Латова НВ, Латов ЮВ. Обман в учебном процессе. *Общественные науки и современность*. 2007;1:31–46.
14. Денисова-Шмидт ЕВ, Леонтьева ЭО. Категория «необучаемых» студентов как социальный феномен университетов (на примере дальневосточных вузов). *Социологические исследования*. 2015;9:86–93.
15. Осипов АМ. Бюропатология и бумажный прессинг в российском образовании. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2020;20(4):953–966. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-953-966.
16. Радаев ВВ, Чириков ИС. Отношение студентов и преподавателей к наказаниям за плагиат и списывание. *Университетское управление: практика и анализ*. 2006;4:77–82.
17. Селиверстова НА. Имитация образовательных практик в сфере высшего образования. *Социологические исследования*. 2020;3:71–77. DOI: 10.31857/S013216250008802-5.
18. Шмелева ЕА, Семенова ТВ. Академическое мошенничество студентов: учебная мотивация vs образовательная среда. *Вопросы образования*. 2019;3:101–129. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-3-101-129.
19. Бабинцев ВП, Серкина ЯИ. Имитации в системе высшего образования России. *Инноватика и экспертиза: научные труды*. 2019;2:21–27. DOI: 10.35264/1996-2274-2019-2-21-27.
20. Трубникова ЕИ. Проект 5-100: взгляд через призму теории институциональной коррупции. *Мир России*. 2020;29(2):72–91. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-2-72-91.
21. Chirikov I, Shmeleva E, Loyalka P. The role of faculty in reducing academic dishonesty among engineering students. *Studies in Higher Education*. 2020;45(12):2464–2480. DOI: 10.1080/03075079.2019.1616169.
22. Шмелева ЕД. Академическое мошенничество в современных университетах: обзор теоретических подходов и результатов эмпирических исследований. *Экономическая социология*. 2015;16(2):55–79.
23. Hensley LC, Kirkpatrick KM, Burgoon JM. Relation of gender, course enrollment, and grades to distinct forms of academic dishonesty. *Teaching in Higher Education*. 2013;18(8):895–907. DOI: 10.1080/13562517.2013.827641.
24. Matheson A. Ghostwriting: the importance of definition and its place in contemporary drug marketing. *British Medical Journal*. 2016;354:i4578. DOI: 10.1136/bmj.i4578.
25. Murdock TB, Beauchamp AS, Hinton AM. Predictors of cheating and cheating attributions: does classroom context influence cheating and blame for cheating? *European Journal of Psychology of Education*. 2008;23(4):477–492. DOI: 10.1007/BF03172754.

26. Macleod PD, Eaton SE. the paradox of faculty attitudes toward student violations of academic integrity. *Journal of Academic Ethics*. 2020;18(4):347–362. DOI: 10.1007/s10805-020-09363-4.
27. Bretag T, Harper R, Burton M, Ellis C, Newton PM, Rozenberg P, et al. Contract cheating: a survey of Australian university students. *Studies in Higher Education*. 2019;44(1):1–20. DOI: 10.1080/03075079.2018.1462788.
28. Denisova-Schmidt E. *Corruption in higher education: global challenges and responses*. Leiden: BRILL; 2020. 198 p.
29. Chapman DW, Lindner S. Degrees of integrity: the threat of corruption in higher education. *Studies in Higher Education*. 2016;41(2):247–268. DOI: 10.1080/03075079.2014.927854.
30. Thelin JR. An embarrassment of riches: admission and ambition in American higher education. *Society*. 2019;56(4):329–334. DOI: 10.1007/s12115-019-00376-3.

References

1. Ambarova PA, Zborovsky GE. Imitations in higher education as a social problem. *Higher Education in Russia*. 2021;30(5):88–106. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-5-88-106. Russian.
2. Babintsev VP, Rimskiy VP. The bureaucratization of the university as an anti-intellectual process. *Science. Art. Culture*. 2014;4:5–17. Russian.
3. Balatsky EV. [Formation of the «dissertation trap»]. *Economics of Education*. 2008;4:149–160. Russian.
4. Volchik VV, Filonenko YuV, Averkieva ES, Shiriaev IM. Bureaucratization and adaptive behavior in the higher education. *Journal of Economic Regulation*. 2016;7(4):57–71. DOI: 10.17835/2078-5429.2016.7.3.057-071. Russian.
5. Gilinsky YaI. *Deviantnost' v obshchestve postmoderna* [Deviance in postmodern society]. Moscow: Aleteya; 2017. 222 p. Russian.
6. Denisova-Schmidt E, Huber M, Leontyeva E. Do anti-corruption educational campaigns reach students? some evidence from Russia and Ukraine. Tronina L, translator. *Educational Studies Moscow*. 2016;1:61–83. Russian.
7. Dremova OV, Maloshonok NG, Terentiev EA. Seeking justice in academia: criticism and justification of student academic dishonesty. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020;4:366–394. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.972. Russian.
8. Zavadskaya MA. [Academic underachievement as a sociological phenomenon: prospects of microsociological analysis]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2011;14(2):102–118. Russian.
9. Zborovsky GE, Ambarova PA. Typologies of anomalies in higher education. *RUDN Journal of Sociology*. 2021;21(3):497–511. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-497-511. Russian.
10. Kolesnikova IA. Academic gostrating as the market of imitation of scientific and educational activity. *Lifelong Education: The 21st Century* [Internet]. 2017 [cited 2022 August 10];2. Available from: <https://readera.org/147112560>. Russian.
11. Kurbatova MV, Kagan ES. Opportunism of university lecturers as a way to adaptate the external control activities strengthening. *Journal of Institutional Studies*. 2016;8(3):116–136. DOI: 10.17835/2076-6297.2016.8.3.116-136. Russian.
12. Latov JV, Klyucharyov GA. Non-formal «rules of game» in education: simulation activities, simulacra and knowledge brokers. *Social Sciences and Contemporary World*. 2015;2:31–42. Russian.
13. Latova NV, Latov JV. The fraud in the studies. *Social Sciences and Contemporary World*. 2007;1:31–46. Russian.
14. Denisova-Schmidt EV, Leontyeva EO. Un-teachable' students as a social phenomenon in universities: far eastern case. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015;9:86–93. Russian.
15. Osipov AM. Bureaupathology and paper pressing in the Russian education. *RUDN Journal of Sociology*. 2020;20(4):953–966. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-953-966. Russian.
16. Radaev VV, Chirikov IS. The attitude of the students and the faculty to penalties for plagiarism. *Journal University Management: Practice and Analysis*. 2006;4:77–82. Russian.
17. Seliverstova NA. Simulation of educational practices in the system of higher education. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2020;3:71–77. DOI: 10.31857/S013216250008802-5. Russian.
18. Shmeleva EA, Semenova TV. Academic dishonesty among college students: academic motivation vs contextual factors. *Educational Studies. Moscow*. 2019;3:101–129. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-3-101-129. Russian.
19. Babintsev VP, Serkina YaI. Simulation in higher education of Russia. *Innovatika i ekspertiza: nauchnye trudy*. 2019;2:21–27. DOI: 10.35264/1996-2274-2019-2-21-27. Russian.
20. Trubnikova E. Project 5-100: a view through the prism of the theory of institutional corruption. *Mir Rossii*. 2020;29(2):72–91. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-2-72-91. Russian.
21. Chirikov I, Shmeleva E, Loyalka P. The role of faculty in reducing academic dishonesty among engineering students. *Studies in Higher Education*. 2020;45(12):2464–2480. DOI: 10.1080/03075079.2019.1616169.
22. Shmeleva ED. Academic dishonesty in modern universities: a review of theoretical approaches and empirical findings. *Journal of Economic Sociology*. 2015;16(2):55–79. Russian.
23. Hensley LC, Kirkpatrick KM, Burgoon JM. Relation of gender, course enrollment, and grades to distinct forms of academic dishonesty. *Teaching in Higher Education*. 2013;18(8):895–907. DOI: 10.1080/13562517.2013.827641.
24. Matheson A. Ghostwriting: the importance of definition and its place in contemporary drug marketing. *British Medical Journal*. 2016;354:i4578. DOI: 10.1136/bmj.i4578.
25. Murdock TB, Beauchamp AS, Hinton AM. Predictors of cheating and cheating attributions: does classroom context influence cheating and blame for cheating? *European Journal of Psychology of Education*. 2008;23(4):477–492. DOI: 10.1007/BF03172754.
26. Macleod PD, Eaton SE. the paradox of faculty attitudes toward student violations of academic integrity. *Journal of Academic Ethics*. 2020;18(4):347–362. DOI: 10.1007/s10805-020-09363-4.

27. Bretag T, Harper R, Burton M, Ellis C, Newton PM, Rozenberg P, et al. Contract cheating: a survey of Australian university students. *Studies in Higher Education*. 2019;44(1):1–20. DOI: 10.1080/03075079.2018.1462788.
28. Denisova-Schmidt E. *Corruption in higher education: global challenges and responses*. Leiden: BRILL; 2020. 198 p.
29. Chapman DW, Lindner S. Degrees of integrity: the threat of corruption in higher education. *Studies in Higher Education*. 2016;41(2):247–268. DOI: 10.1080/03075079.2014.927854.
30. Thelin JR. An embarrassment of riches: admission and ambition in American higher education. *Society*. 2019;56(4): 329–334. DOI: 10.1007/s12115-019-00376-3.

Статья поступила в редколлегию 15.08.2022.
Received by editorial board 15.08.2022.

УДК 316.34, 316.334.2

ЦИФРОВЫЕ ИННОВАЦИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВОСПРИЯТИЯ БЕЛОРУССКИМИ СТУДЕНТАМИ

Л. Г. ТИТАРЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Отмечается, что вынужденная цифровизация в сфере высшего образования, начатая в условиях пандемии, способствовала внедрению дистанционных форм обучения студентов, а следовательно, повысила их уровень владения информационно-коммуникационными технологиями. Цифровые инновации стали неотъемлемыми атрибутами современного общества. Приводится мысль о том, что виртуальная реальность отличается от повседневной жизни, которая не обязательно является технологически продвинутой. Это противоречие может стать причиной непредвиденных рисков и иллюзий, возникающих в процессе восприятия студентами цифровой трансформации, а также завышенных ожиданий молодежи от внедрения цифровизации. В зависимости от типа оценок студентами роли информационно-коммуникационных процессов в жизни общества выделены пять теоретических моделей отношения студентов к цифровым инновациям. Сделан вывод о важности учебной среды университета для обсуждения преимуществ и угроз цифровых инноваций со студентами.

Ключевые слова: цифровая трансформация; восприятие цифровых инноваций; студенчество; потенциальные угрозы; высшее образование.

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке государственной программы научных исследований Республики Беларусь (договор № 696/97) и гранта Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (№ Г21АРМ-020).

DIGITAL INNOVATIONS THROUGH THE PRISM OF PERCEPTION BY BELARUSIAN STUDENTS

L. G. TITARENKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

In the sphere of higher education the imposed digitalisation of learning processes under conditions of the pandemic has made distance forms of education a reality for most students and therefore helped them increase their level of knowledge of information and communication technologies and competences. Digital innovations have become the key features of an image of a contemporary society that most students constructed in their consciousness. However, virtual reality differs from the real everyday life that is not necessarily technologically advanced. This contradiction can be an important reason for several risks and illusions emerging in the students' perception of digital transformation and overpriced expectations from the processes of digitalisation at work, study and everyday life. Depending on the type of students' assessments of the role of digital innovations in a society, five theoretical patterns of students' attitudes towards digital innovation have been selected. The results from this research indicate the importance of the university learning environment to discuss with the students the real benefits and potential threats of digital innovations.

Keywords: digital transformation; perception of digital innovations; students; potential threats; higher education.

Образец цитирования:

Титаренко ЛГ. Цифровые инновации сквозь призму восприятия белорусскими студентами. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2022; 3:58–64 (на англ.).
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-3-58-64>

For citation:

Titarenko LG. Digital innovations through the prism of perception by Belarusian students. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;3:58–64.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-3-58-64>

Автор:

Лариса Григорьевна Титаренко – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Larissa G. Titarenko, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
larissa@bsu.by

Acknowledgements. The research was supported by the state program of scientific research of the Republic of Belarus (project No. 696/97) and the grant of the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research (No. Г21APM-020).

Introduction

The innovative development of society is currently based on the processes of digital transformation, which acts as a long-term strategic goal in many modern countries. A similar goal has been developed in Belarus. The state program «Digital development of Belarus» for 2021–2025 was prepared on the basis of the priority areas of the socio-economic development of the republic. The program is focused on the introduction of information and communication technologies and advanced production technologies in the sectors of the national economy and the spheres of society¹. In addition to identifying the most promising areas for the development of the country, where the introduction of digital innovations is primarily expected, the program analyses the problems of human resources, the country's resources, as well as digitalisation-related issues of national security and countering computer risks.

Innovations in this program are understood as new or improved products, services, technologies, mechanisms for solving urgent problems of economic development or used in everyday life, which must be put into practice and bring an economic, social or other effect. With regard to digital innovations, they are distinguished by the use of digital processes, resources based on big data technologies, artificial intelligence, industrial internet and many similar technologies and tools used in the digital economy. Social innovations include those changes in labour and daily activities that, based on digital tools, facilitate the work and life of people and improve their quality of life. Social innovation is an important characteristic of the entire process of transformation of society [1].

Among the variety of digital innovations, not all of them are in the focus of attention of most people, and even more so of certain groups of the population. Different social groups perceive digital transformation processes differently. One can imagine this diversity on a scale where at one end there will be the most advanced groups in the use of digital technologies, and at the other – the most distant from them. The most open

groups to digital innovations are those that are directly related to the transformation processes (programmers, computer specialists, etc.). Representatives of these groups are distinguished by two important characteristics – education (higher, as a rule, technical) and age (young and middle). Since their work is constantly connected with digital technologies, they have adequate knowledge in the field of information and computer technologies (ICT) and can competently judge digital innovation processes in the economy and society. The groups at the other extreme are much less or not at all connected with digital innovations; they are carriers of opposite characteristics (older age, insufficiently high level of education, being retired). At best, such groups are users of some digital innovations in everyday life (such as ordering coupons on the Internet, online shopping), since these groups are no longer connected to the labour market. Students as a social and age group are between them. On the one hand, students have scientific knowledge and purposefully acquire skills in the use of digital technologies, as they encounter them in their studies, on the other hand, they may not have professional digital knowledge about how ICT function, and may not think about what consequences may be related to digitalisation. In this article, this group will be the object of study.

The purpose of the article is to consider the features of the perception of digital innovation processes by modern student youth in Belarus.

Research objectives include:

- overview of the literature related to the research problem, with selection of those topics that seem to be most attractive for the students;
- description of different factors influencing the youth consciousness and youth perception of actual and potential risks connected to the processes of digitalisation and digital innovations;
- construction of the ideal (theoretical) types of the students' perception of digital innovations, including their level of understanding digital risks.

Theoretical basis and methods of research

Theoretical basis of our research includes two major kinds of theories – digital transformation and modern generation of youth (generation of millennials). Both theories have many versions constructed by several authors as they refer to the global processes that took place all over the world. Theory of modern cultural evo-

lution developed by R. Inglehart [2], also contributes to our research: this theory describes the value changes in the global world during the latest decades as cultural shift from the traditional value orientations toward the post-traditional values such as individual autonomy, democracy, leisure time and self-realisation.

¹Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66 «О государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг.» // ЭТАЛЮН – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

Theories of digital transformation describe digitalisation of the economy, labour market, everyday life and society at large. They include many spheres where digitalisation made great changes, and these processes are still under way. The topic of digital transformation is popular among the sociologists, economists, specialists in other spheres of science in the world [3–5]. It is developed in Belarus and Russia as well [6; 7], where changes in business economy, labour market and social structure. It is stressed that on the one hand, digital economy brings a significant contribution to economic development, on the other hand, this process is quite contradictory. It is accompanied by many myths focusing on technological advantages or threats [8]. Digitalisation does not always lead to production efficiency and an increase in living standards. The practical influence of digitalisation is ambiguous: the digitalised workplaces require new knowledge and skills from the competences from the employees, so that the employed persons have to constantly learn new digital technologies and improve their professional qualification. Indeed, not every current employee is able to carry out constant learning due to previous basic education, age and personal interest. Young workers can easily adjust themselves to the new requests; however, they agree to do that only when their salary increases according to their received digital knowledge. With further digitalisation of labour, as it is predicted in the theory of the Fourth industrial revolution, it is expected that robots will replace a lot of professions and displace from the workplace those workers whose work will be digitalised and who will not be able to adapt to the digital world. These perspectives are not broadly discussed in the media, so that many people do not care about such future and expect only digital benefits at work. It is even more common for the students to think about the future interesting job and digitalised workplaces and do not anticipate the problems with the employment [9].

There are three main directions of research in the sphere of technological transformation represented in the literature: digitalised economy (or digital business), ICT as a driver of societal development, and social-economic consequences of the digitalised transformation and digitalisation in general [10]. The first direction is the most popular in the literature. It is broadly represented abroad, as it reflects the processes of business development, tools to support digital competitiveness on the global market, productivity improvements, recommendations on cost reductions, and innovations that simultaneously influence the digital transformation in several aspects. That is why issues of digital transformation are better known by the young people as well. Most literature on this topic describes digital transformation in positive. The second direction of research is less known by Belarusian youth, although it also represents important topics on how technolo-

gies are influencing digital transformation and societal changes. As for the third direction, it is especially important to learn how innovations obtain legitimacy in a society and how organisations are influenced by socio-cultural aspects of implementation of digital innovations. Students mainly pay attention to the positive digital innovations in different spheres of life (e-banking, e-shopping, e-medical services, digital games and leisure time), although these spheres represent only a part of digital transformation possibilities. Surely, the students perfectly know only the sphere of higher education because they are involved in the digital learning and became familiar with distance education – the major sphere of digital implementation for them.

Modern theories of youth often describe the contemporary generation as «digital natives» to distinguish it from the previous generations [11]. This generation was born in the end of the 20th century and socialised when Internet has become broadly available. The main features of millennials include individualism, prevalence of personal interests over the societal interests, everyday use of IT technologies, and rational (or instrumental) life attitudes. Nowadays students in our region also belong to this generation [12; 13]. Thus, V. Radaev admitted that Russian millennials broadly use digital tools in their activities, although they can be less knowledgeable in some practical issues than their parents or grandparents because they join the labour market later. This generation feels globalised through the online communication and media contacts. Their strong involvement in the Internet helped them to quickly adapt and change according to the new technology. In Belarus, like elsewhere, this generation of youth demonstrates a significant shift in societal development reflected in their high assessment of ICT, technological innovations and perspectives related to technological progress. The concept of millennials fits our research, because modern Belarusian students belong to this generation and cannot even imagine their life without Internet and its numerous technological tools.

Our empirical research was based on online survey with Belarusian students aiming to define and analyse students' perception of the shift to distance education (DE) within the period of the pandemic. The national survey was conducted in spring 2022 and included 2666 students from different types of the universities of Belarus that used DE. Also, local surveys of the university teachers were held at Belarusian State University as well as interviews with the students. These methods helped to collect information on the detailed assessment of the learning situation in the pandemic. The data allowed us to analyse the changes in the students' perception of the digital innovations in higher education.

Factors affecting the students' perception of innovative processes

There are many different factors that may influence the youth consciousness and somehow determine the students' perception of innovative processes. Roughly these factors can be divided in two groups: objective and subjective. Objective factors include the economic development in the world and the country, the level of digitalisation in the everyday life and workplace, availability of Internet and ICT. The pandemic of COVID-19 also belongs to the objective factors as its emergence was not possible to anticipate in advance and (or) prevent. In general the objective factors stimulated the students' need to master new technologies and adapt to a new reality as a new normal [14]. In the sphere of higher education it was a shift to DE that strongly determined the usage of ICT in the learning process.

As for subjective factors, they are mainly connected to the special features of the modern youth as a generation of millennials. DE facilitated the students' interest to ICT, desire to fully use digital innovations at the university aiming to transfer this knowledge to the future workplace and gain privileges to demonstrate before the future employer. Those students who founded a part-time remote employment during the pandemic were even more interested in learning ICT to successfully combine work and study. As such students were constantly involved in the Internet activities; they could read social media on the digital progress all over the world and overestimate the role of digital innovations at home, while until recently in Belarus digital development has been faster in everyday life services than in the industry and education [15]. According to some global estimation, digitalisation of the economy can reach 25 % by 2025; however, it demands enormous investments. Under the current objective conditions Belarus cannot afford them in full, so that not all businesses, organisations and other institutions are able to use the advanced technologies. The younger generation might not know details of economic development. However, many students plan to be employed in the IT sphere regardless of their profession by education: they are ready to study ICT additionally to meet the requirements of the employment in this sphere. Mass media regularly inform the people that ICT professionals have the highest salary in Belarus that is several times higher than average, students want to get a job in IT sector by all means².

However, IT sector is relatively small and cannot include all those who would like to be employed there. Information about how large the share of those industries where there is no digitalisation (or it is minimal) remains behind the scenes of students' perception. Most students assume that they will definitely find a well-

paid digitalised job that provides them an opportunity to satisfy the consumption interests and career ambitions. As the students' cognitive features of the learning social reality differs from the previous (pre-digital) generations, their perception of digital innovations also has specificity. They overestimate all positive opportunities technological innovations can bring to the social and economic life. Briefly, their attitude towards digital innovations can be formulated as that: «Technological innovations first, other innovations will follow».

One can understand the special modern features of the youth consciousness: millennials desire to use digital innovations for their own needs; they wish that their dreams to come into reality soon after getting a diploma on higher education. Their future plans are optimistic and even bright; digital technologies are viewed in these plans as useful tools to reach the life goals. From the view of this generation technological innovations and material benefits are more valuable than other changes in a society.

This kind of perception of technological innovations combines rational and naive attitudes. On the one hand, students believe that ICT can make their own life more interesting, make work easier, and allow to save time (in our research, almost 90 % of students gave this answer). Thus, 94 % of respondents agreed that digital technologies provide more opportunities for career growth, education and personal development. Assessing the role of ICT in society as a whole, 66 % admitted that digital technologies make life brighter and richer, and make it possible to spend time interestingly. It is unlikely that such answers can be changed unless these young people personally experience the problems at the workplace in the future. That is why they do not feel risks of unemployment due to a high level of robotisation or threats of being not hired because of a high competition on the labour market that are typical for technologically advanced Western societies deeply researched and analysed in several books. Thus, French researchers explained threats of spillover digitalised work for physical and psychological health and for balance between the work and family domains. They discovered several challenges associated with recent or emerging ways of working related to the digitalisation of work [18]. As research confirmed, even a smartphone can make harm for mental and physical health of addicted persons. Thus it was discovered that excessive use of smartphones can bring depression, anxiety, stress, negative emotions, and other disorders. What is also important to add, «smartphone addiction to social media is linked to interpersonal issues and contributes to non-assertive behaviour and exposure to cyberbullying» [17, p. 120].

²Медианная зарплата в Беларуси оказалась на четверть ниже средней // Office Life [Электронный ресурс]. URL: <https://officelife.media/news/34282-mediannaya-zarplata-v-belarusi-okazalas-na-chetvert-menshe-sredney/> (дата обращения: 21.08.2022).

Unfortunately, students do not read foreign books, instead, they use foreign social media and telegram channels, where information can be carefully selected to impress the young readers and construct the impressions that can be far from the social reality. In the process of translation the meanings of digital innovations to the young audience emotional tools and visuals are actively involved, which easily penetrate the minds of young people. As a result, they may pay more attention to certain positive effects of technological innovations and be completely oblivious to others that may negatively affect environment and health.

For example, during our research we found out that teachers assess DE less positive than the students. First, this assessment relates to the influence of DE on health. Teachers often worried about extremely high workload and the necessity to spend more time for the prepara-

tion of visual materials, learning new digital methods of education, while students only mentioned that their home works took more time than earlier. Young people did not experience psychological stresses; they paid more attention to low internet speed and technical problems with Moodle platform. Second, most teachers considered that DE decreased the quality of education due to the remote contacts. As for the students, almost quarter of them said that the quality of education increased and only 10 % agreed that it decreased [18].

Third, teachers are aware of the possibilities of mind manipulation with the help of ICT; therefore, they highly assess their interpersonal communication with students and insist on regular face-to-face contacts in the classroom. It is important to stress that students did not mention this possibility; they only admitted that can be addicted on the internet.

Theoretical models of the students' perception of digital innovations

It is interesting to single out some theoretical models of students' perception of innovative processes, which will differ based on how students evaluate these innovations, how actively students themselves want to participate in innovative processes, and how much they consider digital innovations necessary in their lives.

The first model can be called optimistic. Its bearers pin their hopes on the development of scientific and technical progress as a driving force of social transformations, they believe in innovations, including ICT, in all spheres of life. On the contrary, they do not perceive digital risks or at least do not care about them, because they highly evaluate technological transformations and innovations.

The second model is pessimistic. Its bearers are those who do not believe in technological progress and digital innovations. They critically assess both technological and social-economic development in the country, although recognise that technological innovations brought a higher quality of life in the advanced economic countries. As for the sphere of higher education, they do not support DE and think that ICT cannot contribute to the quality of education.

The third theoretical model is neutral. It is assumed that its bearers have no clear opinions on the role of technological transformation in general and digital innovation in higher education in particular. During the empirical surveys they may answer «do not know» to most of questions.

The fourth model is hybrid. Its representatives recognise both the pros and cons of digitalisation and take it all for granted, without much thought, what are the roots of the digital challenges and whether they can be minimised. Its bearers prefer to stay aside from the changes, since the situation as a whole is uncertain both in the world and in Belarus. Such young people focus on their personal interests without consciously relating

them to the development of society and other people. They are atomised and have little interest in the global processes of scientific and technological revolution.

The fifth model includes those people who are optimistic and active, i. e. whose goal during the education is to gain the knowledge and competences for the future digitalised work. They dream about digital creativity and like technological innovations. Such young people anticipate digital risks and threats and are ready to resist through an active life position. They plan to have job with high salary that provides opportunities for self-realisation. Using the terminology of A. Giddens, such people are actors that can transform the social environment through their actions and reproduce conditions that are necessary for their activities [19] in their life with a possibility to influence other people and social and technological environment. Perhaps, in the real life such young people are in minority, however, this model is the most perspective.

Empirical studies are needed to determine the real proportion of young people with these theoretical models. If they are empirically verified, then it will be possible to analyse how to influence the perception of digital innovations in the student environment in a way that optimistic and active attitudes to digital innovations predominate.

Based on a theoretical analysis and preliminary empirical data it is hardly possible to predict the predominance of active and optimistic groups of students in real life. Active youth do not make up the majority of this social group. There will always be young people who are far from digital innovations, feel indifferent to them and cannot evaluate their impact on a society. Such people simply use digital technologies in their lives, based on everyday needs.

As for the pessimists, critically thinking students are quite a normal element within this social group. If this group is provided with comprehensive information

about digitalisation, then they will be able to carefully evaluate digital processes, understand their inevitability in modern society, and direct their interests to finding means to minimise the negative consequences of digitalisation (at least within the boundaries available to them at present).

In any case, expanding the knowledge about digital transformations, training the ability of young people to

independently analyse digital changes and adequately perceive innovations and their socio-economic consequences is an informational and an educational task of higher education. This task cannot be solved within the framework of individual subjects (whether it is sociology or economy or informatics), but should be perceived as an integral element of the entire learning process at a university.

Conclusion

- Young people primarily associate digital innovations with the digitalisation of everyday life processes. They perceive such innovations as an integral part of their life and actively use them.

- After the introduction of DE, students have gone from distrust to recognition of digital educational innovations as adequate means and forms of education. Young people see shortcomings in the current state of DE and would like to eliminate them. Threats to learning from DE are associated with the potential full transition to this form (however, it is not anticipated). Most students support a hybrid form that combines traditional and distance forms, and does not consider as a threat to the quality of education.

- The theoretical models of students' perception of digital innovations include a wide range of

options: from the complete acceptance of innovations to their uncritical rejection. It is quite possible that in real life a neutral attitude will prevail. Empirical research is needed to clarify this issue.

- For the students, belonging to the generation of millennials, digital innovation is natural in their lives. However, due to the fact that they have little personal experience, they focus their attention only on particular digital transformations and do not pay attention to potential digital risks and threats related to digitalisation. A bias in the students' perception of information about digital transformation can be determined by the predominance of some sources of information and lack of sources on other important issues.

Библиографические ссылки

1. Genov N. *The paradigm of social interaction*. London: Routledge; 2021. 192 p.
2. Inglehart R. *Cultural evolution. People's motivations are changing, and reshaping the world*. Cambridge: Cambridge University Press; 2018. 273 p.
3. Castells M. *The information age: economy, society and culture. Volume 1. The rise of the network society*. 2nd edition. Oxford: Wiley Blackwell; 2010. 625 p.
4. Schwab K. *The Fourth Industrial Revolution*. Geneva: World Economic Forum; 2016. 172 p.
5. Schmidt E, Cohen J. *The new digital age: reshaping the future of people, nations and business*. New York: Alfred A. Knopf; 2013. 368 p.
6. Воронкова ВГ, Тесленко ТВ. Становление и развитие цифровых технологий как фактор реализации четвертой промышленной революции. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2020;2:4–11.
7. Дигилина ОБ, Тесленко ИБ. Трансформация рынка труда в условиях цифровизации. *Вестник РГТУ. Серия «Экономика. Управление. Право»*. 2019;4:166–181. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-166-180.
8. Иванов ВВ, Малинецкий ГГ. *Цифровая экономика: мифы, реальность, перспектива*. Москва: Российская академия наук; 2017. 63 с.
9. Titarenko L, Rezanova E. The impact of digital technologies on the labour market of Belarusian youth. *Sociological Studios*. 2021;19(2):87–95. DOI: 10.29038/2306-3971-2021-02-87-95.
10. Kraus S, Jones P, Kaile N, Weinmann A, Chaparro-Banegas N, Norat Roig-Tierno. Digital transformation: an overview of the current state of the art of research. *SAGE Open*. 2021;September:1–15.
11. Bennett S, Maton K, Kervin L. The «digital natives» debate: a critical review of the evidence. *British Journal of Educational Technology*. 2008;39(5):775–786.
12. Радаев В. *Миллениалы: как меняется российское общество*. Москва: Высшая школа экономики; 2019. 224 с.
13. Grishchenko Z, Titarenko L. Belarusian Millennials: a generation gap? *Filosofija. Sociologija*. 2019;30(4):317–324.
14. Донских ОА. Новая нормальность? *Высшее образование в России*. 2020;29(10):56–64. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-10-56-64.
15. Титаренко ЛГ, Карапетян РВ. Цифровая трансформация трудовой сферы: сравнительный анализ показателей России и Беларуси. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2021;1:52–69. DOI: 10.33581/2521-6821-2021-1-52-69.
16. Vayre E, editor. *Digitalization of work: new spaces and new working times*. Hoboken: Wiley; 2022. 199 p.
17. Шейнов ВП. Связи зависимости от смартфона с состояниями и свойствами личности. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;4:120–127. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-4-120-127.
18. Титаренко ЛГ. Цифровизация обучения: движущая сила модернизации системы высшего образования или гуманитарная угроза? *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2022;1:33–41. DOI: 10.33581/2521-6821-2022-1-33-41.
19. Giddens A. *The constitution of society. Outline of the theory of structuration*. Cambridge: Polity Press; 1984. 402 p.

References

1. Genov N. *The paradigm of social interaction*. London: Routledge; 2021. 192 p.
2. Inglehart R. *Cultural evolution. People's motivations are changing, and reshaping the world*. Cambridge: Cambridge University Press; 2018. 273 p.
3. Castells M. *The information age: economy, society and culture. Volume 1. The rise of the network society*. 2nd edition. Oxford: Wiley Blackwell; 2010. 625 p.
4. Schwab K. *The Fourth Industrial Revolution*. Geneva: World Economic Forum; 2016. 172 p.
5. Schmidt E, Cohen J. *The new digital age: reshaping the future of people, nations and business*. New York: Alfred A. Knopf; 2013. 368 p.
6. Voronkova VH, Teslenko TV. Formation and development of digital technologies as a factor of realisation of the Fourth Industrial Revolution. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2020;2:4–11. Russian.
7. Digilina OB, Teslenko IB. Transformation of the labour market in the context of digitalisation. *RSUH/RGGU Bulletin. «Economics. Management. Law» Series*. 2019;4:166–181. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-166-180. Russian.
8. Ivanov VV, Malinetskii GG. *Tsifrovaya ekonomika: mify, real'nost', perspektiva* [Digital economy: myths, reality, perspective]. Moscow: Russian Academy of Sciences; 2017. 63 p. Russian.
9. Titarenko L, Rezanova E. The impact of digital technologies on the labour market of Belarusian youth. *Sociological Studios*. 2021;19(2):87–95. DOI: 10.29038/2306-3971-2021-02-87-95. Russian.
10. Kraus S, Jones P, Kaile N, Weinmann A, Chaparro-Banegas N, Norat Roig-Tierno. Digital transformation: an overview of the current state of the art of research. *SAGE Open*. 2021;September:1–15.
11. Bennett S, Maton K, Kervin L. The «digital natives» debate: a critical review of the evidence. *British Journal of Educational Technology*. 2008;39(5):775–786.
12. Radaev V. *Millenialy: kak menyaetsya rossiiskoe obshchestvo* [Millennials: how Russian society is changing]. Moscow: Higher School of Economics; 2019. 224 p. Russian.
13. Grishchenko Z, Titarenko L. Belarusian Millennials: a generation gap? *Filosofija. Sociologija*. 2019; 30(4):317–324.
14. Donskikh OA. The new normal? *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 2020;29(10):56–64. Russian. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-10-56-64.
15. Titarenko LG, Karapetyan RV. Digital transformation of the labour sphere: a comparative analysis of the indicators of Russia and Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2021;1:52–69. Russian. DOI: 10.33581/2521-6821-2021-1-52-69.
16. Vayre E, editor. *Digitalization of work: new spaces and new working times*. Hoboken: Wiley; 2022. 199 p.
17. Sheinov VP. Relationship of smartphone dependence with personal states and properties. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;4:120–127. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-4-120-127.
18. Titarenko LG. Digitalisation of learning: a driving force for higher education modernisation or a humanitarian threat? *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2022;1:33–41. Russian. DOI: 10.33581/2521-6821-2022-1-33-41.
19. Giddens A. *The constitution of society. Outline of the theory of structuration*. Cambridge: Polity Press; 1984. 402 p.

Received by the editorial board 07.08.2022.

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

УДК 32.01

ВЕКОВОЙ ОПЫТ НЕОМАРКСИЗМА: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ НЕОМАРКСИСТСКОЙ ТЕОРИИ КАПИТАЛИЗМА

В. С. МИХАЙЛОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Показывается, что неомарксистская научно-исследовательская программа в социальных науках находится в состоянии эпистемологического кризиса. Проблема неомарксизма являются излишний критицизм и идеологическая ангажированность познания, а также окончательная непознанность капитализма. В результате отсутствует научный ответ на ключевой вопрос марксистского дискурса: «Почему капитализм, как система публичного господства, до сих пор жив?» Отмечается, что разрешение кризиса неомарксистской научно-исследовательской программы предполагает актуализацию сциентистских ориентаций в неомарксистских исследованиях, а также использование в них синергетики для эффективного познания сложной системы капиталистического воспроизводства. По трем направлениям, таким как теория идеологии, теория глобального порядка и теория революции, произведена синергетическая деконструкция неомарксистской теории капитализма. Представлены три авторские концепции, преодолевающие проблемы современного этапа неомарксистской мысли: концепция капиталистического идеологического минимализма, концепция политической поддержки глобального капитализма, концепция экологического слома капитализма. Сделан вывод о том, что синергетическая деконструкция возвращает неомарксизм к научному выявлению объективных факторов капиталистической трансформации в рамках классической марксистской традиции, но на уровне новой теоретико-эмпирической определенности.

Ключевые слова: теория сложности; неомарксизм; идеология; глобальный порядок; революция.

Образец цитирования:

Михайловский В.С. Вековой опыт неомарксизма: результаты и перспективы неомарксистской теории капитализма. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2022;3:65–71 (на англ.). <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-3-65-71>

For citation:

Mikhailouski VS. Neo-Marxist's age-old experience: results and prospects of neo-Marxist's capitalism theory. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;3:65–71. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-3-65-71>

Автор:

Вадим Сергеевич Михайловский – кандидат политических наук, доцент; заведующий кафедрой государственного управления юридического факультета.

Author:

Vadzim S. Mikhailouski, PhD (political science), docent; head of the department of public administration, law faculty. mikhailouskivs@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0002-6988-2473>

NEO-MARXIST'S AGE-OLD EXPERIENCE: RESULTS AND PROSPECTS OF NEO-MARXIST'S CAPITALISM THEORY

V. S. MIKHAILOUSKI^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Neo-Marxist's research program in social science exists in epistemological crisis condition. Excessive criticism, ideological engagement as well as final obscurity of capitalism are among the problems of neo-Marxism. As a result, there is no scientific answer on a key question of Marxism discussion why capitalism as a system of public mastery is still alive. Finish of crisis of neo-Marxist's research program presumes presence of positivist's finding in neo-Marxist's research and applying of theory of complexity for efficient cognition of complicated system of capitalist's reproduction. Complexity theory deconstruction of neo-Marxist's concept of capitalism is realised in three main routes, such as theory of ideology, global order and revolution. There are three author's conceptions overcoming current neo-Marxist's problems are among results of present research. They are the conception of capitalist's ideological minimalism, conception political support of global capitalism and the conception of ecological destruction of capitalism. Complexity theory deconstruction brings neo-Marxism back to scientific detection of objective factors of capitalist's transformation within the framework of classical Marxist's tradition but on the level of new theoretical and empiric determination.

Keywords: theory of complexity; neo-Marxism; ideology; global order; revolution.

Introduction

Neo-Marxism as an alternative of liberalism and an academic non-party direction of development of classical Marxism was formed in the beginning of the 20th century. Connection between neo-Marxism and classical Marxism is in specific paradigmatic focus on capitalist's nature of existence. The main doctrinal line of neo-Marxism is research of social structure where society is based on private property on means of production and exploitation of labour for profit making (capitalism). Defending the main Marxist's provisions neo-Marxism has generated new conceptual toolkit and capitalist's hegemony's become a significant problem. Neo-Marxists's analysis of mastery as a non-economic but cultural phenomenon is explained with mentioned position. The term «cultural Marxism» as a synonym of the whole neo-Marxism has also appeared due to cultural aspects of capitalist's hegemony.

The history of neo-Marxist's discussion has already existed almost 100 years. Scientific papers (written in 1923) of G. Lukacs, a Hungarian philosopher, «History and class-consciousness. Marxism dialectics research» and of K. Korsch, a German philosopher, «Marxism and philosophy» composes the first research in neo-Marxist's flow. Foundation of neo-Marxist's understanding of current capitalism specificity comprises scientific expansion of borders of political phenomena, making conception of domineering reproduction on a bio-political level, detection of capitalist's ideological negative impact in social and cultural area as well as research of capitalist's order as independent political actor. Neo-Marxism has become a self-sustained tool of critical research of «soft power» in social and political science. However, neo-Marxism hasn't finally solved the main scientific task of the whole Marxist's research program. Neo-Marxism hasn't answered the

question why capitalism as a system of public mastery is still alive [1]. A common situation in neo-Marxism can be determined as research confusion. In particular, S. Zizek, a Slovenian philosopher and neo-Marxist, writes: «We've begun to understand gradually something much more terrible, specifically that capitalism can reproduce its logics indeed for as long as you like and it truly reaches the limit. But this limit is neither socialism nor communism; it's vandalism» [2, p. 18].

The aim of the article is to generalise results and reveal prospects of neo-Marxist's capitalism theory. Analyses of neo-Marxist's capitalism theory will be realised in three main directions such as theory of ideology, global order and revolution. These directions comprise the main object of social and political research of neo-Marxism. Our hypothesis is based on position that the issue of neo-Marxist's approach on research of capitalism is solved within interdisciplinary synthesis of knowledge. Complexity of capitalist's reproduction determines search of topical methodological toolkit of its studying. Theory of complexity has such research potential [3]. The method of synthesis of neo-Marxism and theory of complexity is author's method of deconstruction exchange which presumes that synthesis of two theories can be realised by replacing a substant constant of a recipient theory with a constant of a donator theory [4].

Literature on the topic of present research is divided into three groups: neo-Marxist's, epistemological literature and sources of theory of complexity. Neo-Marxist's literature is extensive in its quantity and object variety. Original neo-Marxist's texts were studied for detection of neo-Marxist's theoretical founding of research of capitalism. Theoretical regulation of neo-Marxist's conceptions (realised in previous research by the author) has enabled to analyse neo-Marxism as a direction of social and political science which

is whole, on the one hand, and differentiated on object issue, on the other [5]. Generalisation of the results of natural and maths scientific projection in the theory of complexity as well as performance of them for social humanitarian research were realised by V. I. Arshinov, V. G. Budanov, V. E. Voitsehovich, P. Bac, E. N. Knjazeva, S. P. Kurdjumov, G. G. Malinetskii, E. Moran, G. Nikolis,

I. Prigozhin. General theoretical papers on problems of methodology and theory of science (written by K. Poper, I. Lakatos, V. S. Stepin) have significantly influenced on determination of research strategy. Novelty of the idea of theory of complexity neo-Marxism predetermines the role of the present article among other scientific papers in chosen sphere.

Results and prospects of neo-Marxist's theory of ideology

The interest in studying sphere of consciousness and ideology is a distinctive feature of neo-Marxism which is sustainable. T. Adorno, L. Althusser, J. Baudrillard, A. Gramsci, S. Zizek, G. Lukacs, H. Marcuse, I. Meszaros, E. Fromm made a great contribution to development of neo-Marxist's theory on problems of ideology. Founding on Marxist's interpretation of ideology as a system of spurious ideas about themselves, theorists of neo-Marxism formulated more wide and complicated interpretation of ideology connected with creation and structure of ideology as a hegemony [6, p. 31]. The common idea of neo-Marxists stated that capitalist's ideology permeated the whole social area and provided stable reproduction of capitalism by that. Paradigm of ideological social reproduction in vast variety of social interactions enabled neo-Marxists to announce capitalism as a totalitarian way of influence on a person and society. H. Marcuse, a German philosopher, wrote that «current era is totalitarian even there, where it hasn't brought totalitarian states to light» [7, p. 5]. As a result, conception according to which capitalism exists as «the second nature» was formed in neo-Marxism. A bright quote belongs to T. Adorno, a German philosopher: «The world has transformed itself into ideology and people – in ideological elements» [8, p. 355–356]. Such an approach ensures criticism and determine specific role of neo-Marxism among liberal oriented and positivistic approaches in understanding of society, however, it isn't applicable for scientific research. Neo-Marxist's theory of ideology was founding within vicious circle of the position that all social interactions are repressive since they are included in reproduction of capitalism ideology, and capitalism ideology is repressive since it predetermines all social interactions.

It is necessary to reveal substant foundation for realisation of neo-Marxist's theory of ideology update with the method of deconstruction exchange. The principle of system sustainability exists in the basis of neo-Marxist's theory of ideology (in theory of complexity context). A sustainable system is a system the result of effect of which returns it to a stable set regime of reproduction (former state of functioning). Based on this, neo-Marxist's approach to ideology can be explained in the following way: capitalism order seeks for wide ideological provision (formation) of its universalism which is a factor of its sustainability. Theory of complexity deconstruction of neo-Marxist's theory of ideology presumes replacing a substant constant (foundation) with its antipode and

replacing the principle of system sustainability with the principle of a non-sustainable system.

Theory of complexity influences on a place of neo-Marxist's search of the main ideologeme of capitalism which stands outside the statement about total ideological nature of capitalism order and obligatory idea connection between the main structure of capitalism and the substance of capitalism relations. According to theory of complexity approach, capitalism is stable not because of total ideological formation but because of non-sustainable development standing within the attractor of functioning. Attractor in theory of complexity is an aim, program, vector, direction and a final condition of a system [9, p. 7]. Capitalism doesn't need in making everything with capitalism feature as well as in transmitting of essential capitalism logics in all possible social elements. Capitalism also doesn't need in providing universalism of capitalism relations. Ideological efficiency of capitalism presumes reverse process. It is enough to support the development of intention of all social elements within the framework of final condition prototype set structurally. Such an approach was assigned by the author as the conception of capitalist's ideological minimalism.

The statement that an actor dissatisfied with capitalism comprises proletariat and the unemployed (they who get benefits less than others in capitalism order) was the basic point of hypothesis of conception of capitalist's ideological minimalism. The task of verification was to prove capitalist's variant of ideological solution of dissatisfaction with capitalism of the mentioned actor. We guess that empirical evidence of ideological battle within European Parliament activity has a great value in verification. Active suffrage at European Parliament elections belongs to more than 400 million people. This makes these elections the most enormous in the world in electorate context. We've analysed key ideological documents (manifests) of such primary parties of European Parliament as European Nation Party, Alliance for Europe of Liberals and Democrats, European Democratic Party, Party of European Socialists, Party of the Left Europeans, party «Identity and Democracy», European Party of Green. The main result of this analysis is in provision that there is no European party which presents protective ideology concerning set capitalism order. All parties defend the necessity of social economic development and facilitate capitalist's transformation of dissatisfied. Thus, the example of European

ideological discussion (program documents of parties of European Parliament) proves that the attractor of a capitalism system is the idea of life improvement and it's verified.

So, theory of complexity neo-Marxist's conception of capitalist's ideological minimalism as a direction of the development of neo-Marxist's capitalism theory can be formulated in the following way. The basis of func-

tioning of current capitalism as a historical ongoing order comprises the ideologeme of life improvement for the dissatisfied with capitalism. Practical realisation of this ideologeme is applicable for supporting of sustainability of capitalism system. The reason of it is in the nearest and the most probable variant of solution of dissatisfaction with capitalism which must transform it into a state of satisfaction with capitalism.

Results and prospects of neo-Marxist's theory of global order

One of the significant areas in neo-Marxist's research is study of interstate relations and search for patterns in functioning of modern international order. The reason of the emergence of this neo-Marxism direction was in the need in theoretical understanding of the world's change after the process of decolonisation and dynamic modernisation of states in the second half of the 20th century. Neo-Marxist's theory of global order consists of two parts: theory of neo-imperialistic global order (world-system analysis and theory of dependent development by S. Amin, I. Wallerstein, E. Balibar, T. dos Santos, R. Prebisch) and theory of imperial global order (the empire conception by M. Hardt and A. Negri). The whole variety of neo-Marxist's understanding of global order comes down to an unverifiable capitalist's conspiracy theory, the main provision of which is centre-periphery structure of the world in the interests of global capitalism mastery.

Neo-Marxist's theory is based on protective explanation of the centre: the centre is an element of global capitalism system including the most developed states that receive the biggest benefits from global capitalist reproduction. The centre seek for keeping its borders that influences on its policy towards the semi-periphery and periphery. T. dos Santos, a Brazilian researcher, wrote that backwardness (underdevelopment) of the semi-periphery and periphery should be understood not as their insufficient integration into international order, but, on the contrary, as a result of this integration and acceptance of development paths recommended by countries-hegemonies [10]. According to neo-Marxist's opinion, capitalism sets global order by classical Marxism dichotomy of the exploiters and exploited. Dichotomy can comprise different actors (such as states, groups of states, territories), but it can't disappear since it reflects the essence and sustainability of the global class interest in the capital.

We've made the following neo-Marxist's provisions discussive with means of theory of complexity due to exchange from one of the basic neo-Marxist's theoretical principle of additivity to the principle of dynamic hierarchism.

Firstly, in accordance with theory of complexity the centre as a dominant element of the system seeks not for keeping itself but for absorbing adjacent elements to become an independent system with internal ele-

ments [11, p. 11]. The centre as an element of capitalism system is motivated by only one intention which is increase of the capital. That requires to include in capitalist's production the whole world's labour power with simultaneous decrease of its cost. The aim of capitalism formation (in global context) is in structural setting of the whole proletariat, not of states. The ideal of capitalist's reproduction is one global capitalist's organisation protected by one state which is «a night guard». The indicator of this intention is transnational corporations.

Secondly, global order consists of elements directed on mutual penetration. This means that the centre wants to absorb the semi-periphery and periphery meanwhile they want to be in capitalism relations like the centre. However, the result of this mutual intention is not a transnational economic organisation. Changed internal area of the centre-periphery world's structure becomes such a result. The intention of Russia and China to go out from a semi-periphery condition to the centre or their intention to dominate over the centre could be the examples of mentioned intentions. According to theory of complexity, this means that higher level of organisation than horizontal correlation between the centre, semi-periphery and periphery exists in global order. A feature of this level is a feature of the system of global order and it doesn't match the intention of dominant element (the centre) including formation of one economic capitalism area. In accordance with theory complexity approach, centre-periphery structure of global capitalism could be defined not as the structure of capitalist's sustainability but as the barrier for the whole global realisation of capitalism.

We don't agree with neo-Marxist's statement that capitalist's nature of economics confirms capitalist's nature of politics. Neo-Marxism theory mostly exists in the paradigm of superstructural understanding of politics. In this context a global political system (a system of states) must serve for the interest of capital in getting more profit. Finally, this capitalist's interest also includes liquidation of a state as an economic surplus. However, neo-Marxists haven't considered that either reduction or liquidation of a state will be enabled by a state mechanism. Famous V. I. Lenin's phrase states that economics is the most important politics. Political system can support capitalism if it corresponds its interest. However, this doesn't mean that the po-

litical interest in current global order has the only capitalist's feature.

Thus, neo-Marxist's research should be focused on detection of factors of synchronisation of political and economic dimensions of globality instead of scientific search for the means of political establishment of capitalism hegemony. Centre-periphery world's structure is not the best for global capitalism reproduction, but it's barely possible within the framework of global political conjuncture. Politics isn't the tool of capitalism on a global level. But capitalism is a tool in politicians' hands and they could either support it or not in addition to criteria of political efficiency.

This approach of understanding of the features of global order within neo-Marxist's theory was named by the author as the conception of political support of global capitalism. According to it international relations within the framework of current global order are determined by state rivalry for the dominant position in formation of global capitalism order as a way of achievement of political efficiency. This excludes determination of international relations by coordinated political idea of establishment of the world as a global transnational organisation.

Results and prospects of neo-Marxist's theory of revolution

Marxism theory of revolution is a consequence of materialistic understanding of dialectical development of social history. In its turn, genesis of neo-Marxist's theory of revolution is connected with recognition of the role of consciousness in social and political transformation of society (J. Baudrillard, G. Lukacs, H. Marcuse, E. Fromm). Even in the beginning of the 20th century G. Lukacs noted that the main barrier for original transformation of society had been «the split of proletariat's consciousness» [13, p. 167]. This meant that overcoming majorities' persuasion in sustainability of set order and their illusions about approximation to the solving social and political issues through success of economic fight is incredible complicated task. The approach of understanding of revolution as the change of real condition of existence of actors and their individuals' believes was forming in neo-Marxism. Neo-Marxists analysed significance of values in capitalism reproduction and began to understand a revolution as full revaluation of values, revision of needs and as a cultural revolution [14]. But, there was no realisation of analysis of objective factors of current capitalism transformation in neo-Marxism. Scientists focused on the necessary efforts which should have been made by the resistance force for establishment of a new social formation. This issue constitutes the main scientific problem of neo-Marxist's theory of revolution.

M. Hardt and A. Negri guess that the main institute of global class aimed at keeping and regulation of global order is the World's Economic Forum. Existence and activities of this institute reflects the idea that «there is no economic market probable out political order and regulation» [12, p. 207]. Thereby, representatives of neo-Marxism approach emphasise that all levels and forms of interaction between a class-ruler and economically dominant class facilitate the becoming of the similarity of global government (or quasi-government). Global acts of a class-ruler and dominant class «are coordinated for decisive influence on global economy and for keeping and reproduction of current order» [12, p. 217]. We've substantiated conception of political support of global capitalism by content-analysis of the last final documents of the World's Economic Forum¹. The aim of verification was detection of political counteraction of states to full realisation of capitalism on a global level. If global order had existed in interests of capitalist's economy in approved way, economy would have determined agenda. However, there are provisions about economic function in political world's reproduction in documents of the World's Economic Forum.

Neo-Marxist's thought was based on persuasion that current capitalism provides the best variant of physical human existence. This is the reason of majorities' support the capitalism order. We guess that according to classical Marxism physical existence threat has induced an individual to enter into capitalism relations. That's why we also consider that physical existence threat will be an objective factor of human outcome from capitalism order. In other words, capitalism development based on the ideologeme of permanent improvement of human lives will cause physical existence threat of a human being because of ecological catastrophe finally.

One of significant provision of theory of complexity in explaining the hypothesis of the ecological factor which can overcome capitalism order is that progress in sense of life improvement as a function of capitalism will cause to failure in functioning (to fluctuation) [15, p. 29]. The main content of conception of ecological destruction of capitalism is in statements that overcoming capitalism is impossible through spreading anticapitalism ideas among majorities and call to refusal to reproduction capitalism relations, firstly. But, the beginning of ecological catastrophe is capable to lead to impossibility to provide human physical reproduction in capitalism order, secondly.

Nowadays conception of ecological destruction of capitalism resides a phase of political prognostication.

¹Annual report 2019–2020 [Electronic resource]. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Annual_Report_2019_2020.pdf (date of access: 02.08.2022).

That's why it can be verified with applying of mental modelling. The UN's data on sustainable development of the Earth point out to impossibility of further nature exploitation. This fact demonstrates that positive feedback in capitalism formation reproduction has been broken². However, capitalism can overcome caused by negative feedback systemic deflection by means of «green economy», specifically – of «green capitalism». We guess that «green economy», or «green capitalism», isn't capable to overcome process of capitalism system decay. Firstly, «green economy» is a metamorphosis of a highly developed economy. As for developing economies, they need to pass phases of developed and highly developed functioning for achievement a «green» form. This will strengthen fluctuation process of global capitalism. That's why K. Marx also said that communism is primarily possible in the group of the most developed countries. Likewise, we share the idea that «green» or postmaterialistic social aim at life improvement and its realisation are possible only in highly developed countries. Demographic factor of global periphery and semi-periphery determines continuance of materialistic and nature exploitative sup-

port world's development within the framework of the idea of achievement consumer convenience like in the centre (the West). Secondly, according to The World's Wildlife Fund's data, «the day of ecological duty» (date where world's economy exhausts resources that can be reestablished for a year) was the 28th of July in 2022.

Conception of ecological destruction of capitalism is an alternative of revolution discussion on neo-Marxism and «green» oriented antiglobalist and the left powers because of two reasons. Ecological catastrophe is not an ideological tool (source) of capitalism transformation. It is the forecast of further capitalism development. Ecological catastrophe, which will cause physical human reproduction threat, will also stop capitalism relations reproduction objectively. This should be understood in order not to replace the reason of the ending of capitalism with fear of ecological catastrophe. Transition to anticapitalism social reproduction is possible within the framework of peoples' intention to improvement of existence conditions. The difference is that socialistic (communistic) project should be based not on anticapitalism discussion but on the idea of human survival.

Conclusion

Contradictions of world's development make traditional (in sociological sense) powerful dimension of human existence topical. Due to this scientific interest in Marxist's theory and methodology has returned. The issue of engagement of applying classical Marxist's approach, elaborated with empirical material of past centuries, hasn't disappeared from scientific discussion. Distance from this problem occurs due to the fact that Marxism has never braked but always developed as a research program. Marxism has program nature since it defends that a scientific theory is historical. Classical Marxism protected from shock of intellectual conflict with capitalism in 20th century in Lakatos' way that means renewal of research program within neo-Marxist's scientific discussion.

Solution of problems of neo-Marxist's research program goes ahead of current neo-Marxist's research. We guess that such solution presumes topicality of positivistic directions in neo-Marxist's approach as well as applying of theory of complexity there for efficient research of complicated capitalism system. Theory of

complexity neo-Marxism is a project of topical current interdisciplinary development of neo-Marxist's theory which is capable to solve the main problems of neo-Marxist's research of society. Theory of complexity neo-Marxism conception of capitalist's ideological minimalism overcomes non-verifiable interpretation of ideology as a total hegemony above all social interactions in the interest of ruling class. Theory of complexity neo-Marxism conception of political support of global capitalism moves neo-Marxism away from discussion of conspiracy theory. Theory of complexity neo-Marxism conception of ecological destruction of capitalism overcomes an idealistic direction in neo-Marxist's research which is connected with either detection of new ways of revolution fight or search of new actors of revolution. Thus, theory of complexity deconstruction returns neo-Marxism to scientific detection of objective factors of capitalist's transformation within classical Marxist's tradition, however, on the level of new theoretical and empirical determination.

Библиографические ссылки

1. Михайловский ВС. Три проблемы неомарксизма, или Что необходимо знать при использовании неомарксистского подхода. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021;3:38–46. DOI: 10.33581/2521-6821-2021-3-38-46.
2. Жижек С, Руда Ф, Хамза А. *Читать Маркса.* Москва: Высшая школа экономики; 2019. 176 с.
3. Михайловский ВС. Развитие марксизма: методологические возможности синергетики. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2017;2:52–58.

²Sustainable development [Electronic resource]. URL: <http://sdgs.un.org> (date of access: 02.08.2022).

4. Михайловский ВС. Способы междисциплинарного синтеза политической теории. В: Михайловский ВС. *Эвристические основания развития современной политической теории*. Минск: РИВШ; 2020. с. 141–153.
5. Михайловский ВС. *Политологический неомарксизм: история, методология, теория*. Минск: РИВШ; 2017. 204 с.
6. Therborn G. *The ideology of power and the power of ideology*. London: Verso; 1999. 144 p.
7. Маркузе Г. *Эрос и цивилизация*. Москва: АСТ; 2003. 528 с. (Philosophy).
8. Адорно ТВ. *Негативная диалектика*. Москва: Академический проект; 2011. 538 с.
9. Князева ЕН, Курдюмов СП. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным. *Вопросы философии*. 1992;12:3–20.
10. Сантус ТД. Структура зависимости. *Скепсис* [Интернет; процитировано 2 августа 2022 г.]. Available from: http://scep sis.net/library/id_2297.html.
11. Малинецкий ГГ. Предисловие. Глядя в будущее... В: Малинецкий ГГ, редактор. *Будущее России в зеркале синергетики*. Москва: КомКнига; 2006. с. 6–16.
12. Хардт М, Негри А. *Множество: война и демократия в эпоху империи*. Москва: Культурная революция; 2006. 559 с.
13. Лукач Г. *История и классовое сознание. Исследование по марксистской диалектике*. Москва: Логос-Альтера; 2003. 416 с.
14. Маркузе Г. Пересмотр концепции революции. *Скепсис* [Интернет; процитировано 2 августа 2022 г.]. Доступно по: http://scep sis.net/library/id_3442.html.
15. Князева ЕН, Курдюмов СП. *Основания синергетики. Синергетическое мировидение*. Москва: Либроком; 2010. 252 с.

References

1. Mikhailouski VS. Three problems of neo-Marxism, or What you need to know before using a neo-Marxist approach. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2021;3:38–46. Russian. DOI: 10.33581/2521-6821-2021-3-38-46.
2. Zhizhek S, Ruda F, Khamza A. *Chitat' Marksа* [Read Marx]. Moscow: Higher School of Economics; 2019. 176 p. Russian.
3. Mikhailouski VS. Marxism development: methodological possibilities of synergetics. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017;2:52–58. Russian.
4. Mikhailouski VS. [Methods of interdisciplinary synthesis of political theory]. In: Mikhailouski VS. *Evristsicheskie osnovaniya razvitiya sovremennoi politicheskoi teorii* [Heuristic foundations of the development of modern political theory]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2020. p. 141–153. Russian.
5. Mikhailouski VS. *Politologicheskii neomarksizm: istoriya, metodologiya, teoriya* [Political science Neo-Marxism: history, methodology, theory]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2017. 204 p. Russian.
6. Therborn G. *The ideology of power and the power of ideology*. London: Verso; 1999. 144 p.
7. Markuze G. *Eros i tsivilizatsiya* [Eros and civilisation]. Moscow: AST; 2003. 528 p. (Philosophy). Russian.
8. Adorno TV. *Negativnaya dialektika* [Negative dialectic]. Moscow: Akademicheskii proekt; 2011. 538 p. Russian.
9. Knyazeva EN, Kurdyumov SP. [Theory of complexity as a new worldview: a dialogue with I. Prigogine]. *Voprosy filosofii*. 1992;12:3–20. Russian.
10. Santos TD. Dependency structure. *Skepsis* [Internet; cited 2022 August 2]. Available from: http://scep sis.net/library/id_2297.html. Russian.
11. Malinetskii GG. [Preface. Looking to the future...]. In: Malinetskii GG. *Budushchee Rossii v zerkale sinergetiki*. Moscow: KomKniga; 2006. p. 6–16. Russian.
12. Hardt M, Negri A. *Mnozhestvo: voina i demokratiya v epokhu imperii* [Multitude: war and democracy in the age of empire]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya; 2006. 559 p. Russian.
13. Lukach G. *Istoriya i klassovoe soznanie. Issledovanie po marksistskoi dialektike* [History and class consciousness: studies in Marxist dialectics]. Moscow: Logos-Al'tera; 2003. 416 p. Russian.
14. Marcuse H. Revisiting the concept of revolution. *Skepsis* [Internet; cited 2022 August 2]. Available from: http://scep sis.net/library/id_3442.html. Russian.
15. Knyazeva EN, Kurdyumov SP. *Osnovaniya sinergetiki. Sinergeticheskoe mirovidenie* [Foundations of theory of complexity. Theory of complexity worldview]. Moscow: Librokom; 2010. 252 p. Russian.

Received by the editorial board 05.08.2022.

УДК 316.74:001(476)

СОЦИОЛОГИЯ ЗНАНИЯ КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ БЕЛАРУСИ

В. К. ЩЕРБИН¹⁾

¹⁾Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси,
ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются составляющие цифровой экономики. Раскрывается роль технических, теоретических (научных), организационных, обыденных, локальных, неорганизованных, индивидуальных и других знаний в развитии цифровой экономики. Определяются возможности социологии знания в изучении проблем всестороннего описания феномена знания и дифференциации процессов его трансформации. К числу таких процессов относятся социализация, экстернализация, комбинация, интернализация, демонстрация, кодификация, аудиовизуальная запись, стандартизация, перевод из общественных благ в частные, монополизация и др. Ключевым ресурсом цифровой экономики Беларуси могут стать научные знания, если они подвергнутся кодификации с использованием специализированных подходов. Теоретические научные знания должны быть опубликованы в открытом издании, оцифрованы и размещены в свободном доступе, тогда как прикладные научные знания технологического характера должны быть запатентованы и лицензированы. Важным фактором развития цифровой экономики Беларуси может выступить социология знания. Для этого должны быть активизированы исследования по определению знаниевых приоритетов, инклюзии научных знаний в цифровую экономику, их социальной адаптации, устранения техногуманитарного дисбаланса и т. д.

Ключевые слова: цифровая экономика; знание; процессы трансформации знаний; социология знания; кодификация знания; знание как ресурс.

THE SOCIOLOGY OF KNOWLEDGE AS THE IMPORTANT FACTOR OF BELARUSIAN DIGITAL ECONOMY DEVELOPMENT

V. K. SHCHERBIN^a

^aCenter for System Analysis and Strategic Research,
National Academy of Sciences of Belarus,
1 Akademičnaja Street, Minsk 220072, Belarus

The article considers various elements and components of digital economy. The role of numerous types of knowledge (technical, theoretical (scientific), organisational, ordinary, local, unorganised, individual, etc.) in the development of the latter is revealed. The possibilities of the sociology of knowledge in studying of such problems as the problem of comprehensive description of the phenomenon of knowledge in general, the problem of differentiation of processes of knowledge transformation (such processes today include socialisation, externalisation, combination, internalisation, demonstration, codification, audiovisual recording of knowledge, its standardisation, its transfer from a category of public goods to a category of private goods, monopolisation of knowledge, etc.), are determined. Based on the results of the study, the following conclusions are substantiated. Scientific knowledge can become a key resource of the digital economy if it undergoes the process of codification using specialised methods. Theoretical scientific knowledge should be published in the open press, digitised

Образец цитирования:

Щербин ВК. Социология знания как важный фактор развития цифровой экономики Беларуси. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2022;3:72–80.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-3-72-80>

For citation:

Shcherbin VK. The sociology of knowledge as the important factor of Belarusian digital economy development. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;3:72–80. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-3-72-80>

Автор:

Вячеслав Константинович Щербин – кандидат филологических наук; ведущий научный сотрудник.

Author:

Vyacheslav K. Shcherbin, PhD (philology); leading researcher.
shcherbin5353@mail.ru

and posted on the Internet to ensure free access to them; applied scientific knowledge of technological nature must be patented and licensed. The sociology of knowledge can become an important factor in the development of the digital economy of Belarus if the studies carried out by representatives of this area of the Belarusian sociological science on such problems as defining of knowledge priorities, inclusiveness of the scientific knowledge in the digital economy, social adaptation of scientific knowledge, elimination of the existing techno-humanitarian imbalance, etc., are intensified.

Keywords: digital economy; knowledge; transformation of knowledge processes; sociology of knowledge; codification of knowledge; knowledge as a resource.

В последнее время знания все чаще называют ключевым экономическим активом вместо использовавшихся ранее в этой роли труда и капитала. В качестве примера можно привести слова российского историка А. Т. Беляева: «Только в книгах для широких народных масс активы – это деньги, золото, недвижимость и даже биткойны. Все эти активы со временем дисконтируются и обесцениваются. И лишь нематериальные активы, прежде всего смыслы, знания и коммуникации, со временем растут в цене подобно уникальным произведениям искусства» [1, с. 227]. Так же высоко знания оцениваются в работах зарубежных исследователей. Американский экономист Дж. Гилдер полагает, что самым ценным является капитал человеческого ума и духа [2, с. 68]. Российские науковеды В. С. Арутюнов и Л. Н. Стрекова приводят статистические данные, подтверждающие мысль Дж. Гилдера: «Доля стоимости фактора “знание” в общей стоимости выпускаемой продукции сегодня уже превысила 50 %» [3, с. 284]. К сходным выводам приходит также В. А. Рябоволов – генеральный директор Национального центра интеллектуальной собственности при Государственном комитете по науке и технологиям Республики Беларусь. Специалист отмечает, что интеллектуальная собственность, основу которой составляют знания, является одним из наиболее ценных активов в мировой экономике. В частности, в 2020 г. общая стоимость мировых нематериальных активов достигла 65,7 трлн долл. США, а прибыль от использования объектов интеллектуальной собственности составила 369,3 млрд долл. США [4, с. 62].

Последнее, конечно, не означает, что мировая цифровая экономика может ограничиться использованием только нематериальных знаниевых активов. Как справедливо заметил В. К. Хаустов, ее развитие «...невозможно без инвестиций в материальные (прежде всего технические средства и носители информационно-коммуникационных технологий) и нематериальные активы (информацию, программное обеспечение, патенты, лицензии, авторские права и т. д.). В этой связи повышается вес вклада интеллектуальной собственности как императива процессов цифровизации планетарного масштаба» [5, с. 68–69].

Постоянно возрастающий вклад знаниевого компонента в устройство цифровой экономики наглядно отражается в ее дефинициях. По мнению А. Механика, «социология может изучать общественные закономерности не только через опросы и рейтинги», но и посредством анализа «общественной жизни понятий, то есть слов, определяющих существенные свойства связей и отношений предметов или явлений», изучения «истории их появления и влияния на жизнь общества» [6, с. 43]. С учетом этого настоящую статью, посвященную проблемам цифровой экономики Беларуси, уместно начать с рассмотрения определений понятия «цифровая экономика».

Так, в Указе Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» под цифровой экономикой понимается «хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг»¹.

По мнению российского экономиста А. В. Михайловой, цифровой экономикой является «...сфера деятельности, где основным производственным фактором представлена информация в цифровой форме, а ее обработка и применение в большом объеме способствуют повышению качества, продуктивности и эффективности в разных производственных отраслях, а также в сферах оборудования и технологий в процессе потребления, доставки, продажи и хранения продукции и услуг. <...> К предмету цифровой экономики относятся законы и экономические отношения. Отношения возникают при производстве, обмене, перераспределении и потреблении научно-технических данных через информационные цифровые технологии, а формирование таких процессов подчиняется законам экономики» [7, с. 31].

Белорусские экономисты М. М. Ковалёв и Г. Г. Головенчик определяют этот термин как «экономiku,

¹Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102431687> (дата обращения: 12.06.2022).

базирующуюся на цифровых компьютерных технологиях». Однако «в отличие от информатизации цифровая трансформация не ограничивается внедрением информационных технологий, а коренным образом преобразует сферы и бизнес-процессы на базе интернета и новых цифровых технологий» [8, с. 12].

Ряд дефиниций понятия «цифровая экономика» представлен в работе [9]. Например, данный термин трактуется как «экономическая деятельность, основанная на цифровых процессах, моделях, технологиях, цифровых товарах (сервисах), в том числе производимых электронным бизнесом» [9, с. 244], как «часть экономики, в которой процессы производства, распределения, обмена и потребления прошли цифровые преобразования с использованием информационно-коммуникационных технологий» [9, с. 257], а также как «хозяйственная деятельность человечества и все отношения, связанные с производством, распределением и потреблением товаров и услуг» [9, с. 265].

Комплексным характером отличается следующее определение цифровой экономики (веб-, интернет-, электронной экономики), в соответствии с которым она представляет собой «...экономическую деятельность, основанную на цифровых технологиях, связанных с электронным бизнесом и электронной коммерцией, и производимых и сбываемых ими цифровых товарах и услугах. Расчеты за услуги и товары цифровой экономики производятся зачастую цифровой валютой (электронными деньгами)»².

Специфические черты имеют дефиниции рассматриваемого понятия в журнальных публикациях отдельных исследователей. В частности, по мнению российских гуманитариев Н. А. Ганичева и О. Б. Кошовец, под цифровой экономикой «в реальности понимается строительство глобальной цифровой инфраструктуры» [10, с. 20]. О содержании термина можно также судить по определениям, представленным в статьях прогностического характера. Так, А. А. Акаев и В. А. Садовничий считают, что «...цифровые технологии создадут множество новых рабочих мест в таких новых профессиях, как аналитика больших данных, обучение и управление искусственным интеллектом (ИИ), разработка интеллектуальных вычислительных технологий и программного обеспечения, обучение и управление интеллектуальными роботами. Рабочие места в этих новых отраслях потребуют глубоких и разносторонних технических и математических знаний и навыков работы. Следовательно, цифровая экономика повысит спрос на высококвалифицированных специалистов в STEM-областях (научные исследования, инновационные технологии и инжиниринг, математика, обслуживающая цифровые

технологии). Кроме того, конечно же, потребуются высококвалифицированные специалисты по ИИ и машинному обучению, архитекторы виртуальной и дополненной реальности» [11, с. 49]. Ученые полагают, что главной движущей силой цифровой экономики является симбиоз человека и интеллектуальной машины [11, с. 50].

В приведенных дефинициях понятия «цифровая экономика» отмечаются ее составляющие: цифровые технологии, цифровая инфраструктура, цифровые трансформации экономических законов, бизнес-процессов и производственных отношений, различные типы цифровых данных (информация, знания, компьютерные программы и др.). Однако практически всегда приоритет отдается знаниям, информации и данным в цифровом виде.

Необходимо выяснить, какие знания будут доминировать в процессе развития цифровой экономики Беларуси: технические (обеспечивают использование материальных активов – информационных, телекоммуникационных и иных интеллектуальных технологий), теоретические (являются результатом проведения многолетних фундаментальных и прикладных исследований по всему спектру наук), организационные (формируются в процессе функционирования организации) или обыденные, локальные, неорганизованные, индивидуальные знания.

Приоритет *технического знания* в рамках цифровой экономики обосновывается со следующих позиций:

- путем прямого указания на то, что знания принадлежат искусственному интеллекту. Под знаниями понимается «совокупность фактов, событий, убеждений, а также правил, организованных для систематического применения» [9, с. 250];
- путем определения доминирующего типа коммуникации, а также через проведение анализа четырех волн медиатизации социального мира. Еще канадский гуру информационной эры М. Маклюэн «предлагал периодизировать человеческую историю в зависимости от типа доминирующего средства коммуникации» [12, с. 411]. В частности, преобладающая в современном мире цифровая коммуникация, по мнению А. А. Костиковой, трактуется как «...прежде всего современная практика использования новейших технологических средств коммуникации. <...> Не случайно возникла так называемая концепция датаизма, которая пересматривает не только все существующие определения коммуникации в пользу данных, но и все существующие концепции развития в пользу совершенствования алгоритма обработки данных» [13, с. 49–50];
- путем анализа волн медиатизации социального мира, сопряженные с различными типами технологий [14]. Российский социолог Е. Ним дает подробное описание указанных волн. «Механизация

²Цифровая экономика [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Цифровая_экономика (дата обращения: 12.06.2022).

(1450–1830 гг.) связана с изобретением печатного станка и последующей индустриализацией коммуникации, результатом которой стало появление печатных медиа» [12, с. 416]. В период электрификации (1830–1950) «возникает целый ансамбль медиа (телеграф, телефон, граммофон, радио, магнитофон, кинематограф, телевидение), основанных на электрической трансмиссии» [12, с. 416]. В свою очередь, «дигитализация (с 1950-х гг.) – время компьютеров, интернета и мобильных коммуникаций, а также возрастающей интеграции машинного интеллекта в повседневную жизнь» [12, с. 416]. Наконец, «датификация (XXI век) – начало новой волны, знаменующей эпоху больших данных, источниками которых являются, в частности, интернет вещей и социальные медиа» [12, с. 416].

Д. Белл считает, что *теоретическое (научное) знание* «...необходимо для функционирования любого общества. Однако постиндустриальное общество отличается тем, что изменился сам характер знания. Главными при принятии решений... стали доминирование теоретического знания, превалирование теории над эмпиризмом и кодификация знаний в абстрактные своды символов, которые, как в любой аксиоматической системе, могут быть использованы для изучения самых разных сфер опыта» [15, с. 25]. Эту мысль уточняет В. И. Оноприенко: «Концепция знаниевого общества акцентирует внимание на том, что развитие новых интеллектуальных технологий, базирующихся на математическом знании, ведет к приобретению теоретическим знанием центрального места в обществе. Справедливы замечания, что все общества основаны на знаниях, но новое общество будет основано на научном знании, в значительной мере теоретическом. Это не означает, что для знаниевого общества не имеют значения другие типы знания» [16, с. 449–450]. Однако, прежде чем другие типы знаний найдут свое место в знаниевом обществе, они пройдут этап интеллектуализации. В частности, В. А. Канке под этим процессом подразумевает «придание техническому знанию научной формы»³.

Л. М. Бадалов оценивает статус *организационного знания* в процессе развития цифровой экономики следующим образом: «Организационное знание... развивается на основе знаний каждого в этой организации. В то же время... в рамках организации формируется новая сущность – организационное знание, которое в принципе не может сводиться к сумме знаний членов этой организации. <...> Создание организационного знания следует понимать как процесс, который усиливает создаваемые индивидами знания и трансформирует их в часть “сети знаний” всей организации» [17, с. 98]. В рамках организационного знания выделяются явные

и неявные знания. Стоит отметить, что «...ценность неявного знания бывает не меньшей, чем ценность явного знания. По оценкам экспертов, 42 % корпоративных знаний “заперты” в головах сотрудников и лишь 24 % существуют в виде бумажных документов» [18, с. 291].

Наконец, что касается *обыденного, неорганизованного, локального или индивидуального знания*, то, по свидетельству Ф. Хайека, «...существует масса весьма важного, но неорганизованного знания, которое невозможно назвать научным (в смысле познания всеобщих законов), это знание особых условий времени и места. Именно в этом отношении практически любой индивид обладает определенным преимуществом перед всеми остальными, поскольку владеет уникальной информацией, которую можно выгодно использовать. Однако использовать ее можно, только если зависящие от этой информации решения предоставлены самому индивиду или выработаны при его активном участии. Здесь достаточно вспомнить, сколь многому мы должны научиться в любой профессии после того, как завершена теоретическая подготовка, какую большую часть нашей активной жизни мы тратим на обучение конкретным работам и сколь ценное благо во всех сферах деятельности являет собой знание людей, местных условий и особых обстоятельств» [19, с. 96–97]. В свою очередь Б. Г. Юдин утверждает, что «...резкое разграничение экспертного знания и знания неэкспертов (рядовых граждан) неправомерно. Целый ряд ситуационных исследований продемонстрировал, что эти граждане обладают знаниями локального характера, которые часто играют ключевую роль в применении абстрактного научного знания к конкретным случаям. Кроме того, знания этих граждан являются ценным ресурсом при принятии решений относительно вопросов публичной политики» [20, с. 20]. Наконец, всегда следует помнить о том, что *обыденное знание* – это «знание, приобретаемое людьми в процессе их повседневной жизни» [21, с. 247], поэтому многократно проверенное ими на практике.

Глобальный феномен знания не исчерпывается проанализированными типами знаний. Как отмечают К. Джанетто и Э. Уилер, «...знания – это нечто большее, чем и данные, и информация. К знаниям также относятся убеждения и моральные ценности, идеи и изобретения, суждения, навыки и профессиональные познания, теории, правила, отношения, мнения, понятия, прошлый опыт» [22, с. 18].

Делаются также попытки всячески ограничить распространение так называемого *опасного знания*. В частности, М. А. Слемнёв за три десятилетия до появления первых сообщений о коронавирусе с тревогой писал о том, что «...многие прогрессив-

³Интеллектуализация технического знания // Философия науки: краткий энцикл. словарь / сост. В. А. Канке. М., 2008. С. 73.

ные буржуазные ученые выступают с призывом не публиковать ни строчки из того, что можно каким-то образом использовать во вред человечеству. Требуют наложить мораторий на проведение научных исследований, способных давать “опасное знание”» [23, с. 157]. Исследователь полагает, что «...просчет в новейших областях знания иногда в состоянии породить трагедию планетарного значения. <...> В частности, непродуманная методика или неосмотрительность могут привести к тому, что выйдет из-под контроля, ускользнет из лаборатории опасный, потенциально патогенный материал и он будет способен вызвать скверные последствия, вплоть до страшной эпидемии, средствами борьбы с которой медицина не располагает. Не исключено, что некоторые безвредные микроорганизмы под воздействием чужеродной генетической информации могут измениться так, что радикальным образом нарушат экологическое равновесие микробных популяций в окружающей среде. А это окажет губительное воздействие на флору и фауну нашей планеты» [23, с. 160–161].

Осознание всей необъятности феномена знания, объединяющего в себе десятки (если не сотни) отличающихся друг от друга типов, требует решения задачи по «определению факторов, которые способствуют цифровому развитию» [24, с. 127], т. е. по поиску институционализированных структур, которые могут помочь с установлением доминирующего типа знаний, который станет ключевым ресурсом строящейся цифровой экономики Беларуси. В качестве такого фактора (институционализированной структуры), по мнению автора настоящей статьи, может выступить одно из направлений современной социологической науки – социология знания.

Формирование социологии знания связано с работами немецких социологов М. Шелера и К. Манхейма. К примеру, М. Шелер понимал социологию знания как часть социологии культуры. Эта дисциплина должна показать связи знания с социальной структурой, причем среди форм знания, включаемых им в социологический анализ, находятся не только позитивные науки, но и повседневное знание, мифы, религия, метафизика⁴. В частности, ученый полагает, что «каждый род знания вырабатывает свой особый язык и свой особый стиль для формулировки знания, причем религия и философия в большей мере необходимо связаны с естественным народным языком и, соответственно, с культурным языком, чем науки, которые – в особенности такие, как математика и естествознание, – вырабатывают чисто искусственную терминологию» [25, с. 63]. Вместе с тем М. Шелер считал, что «проблема происхождения более или менее искусственных родов знания – первостепенная проблема социологии знания» [25, с. 64], поскольку «по

мере искусственности родов знания движение знания как бы ускоряется» [25, с. 62]. Именно различиями в темпах наращивания объемов знаний в рамках ключевых направлений науки (естествознания, обществознания, техникзнания) объясняется формирование вопиющего техногуманитарного дисбаланса, который лежит в основе существующих глобальных проблем: опасности ядерной катастрофы, загрязненности окружающей среды, приводящей к изменению климатических условий, недостатка невозобновимых и возобновимых природных ресурсов, демографического кризиса и др. Как справедливо заметил Ю. В. Олейников, «несоответствие социального развития человечества темпам научно-технического прогресса не позволяет коренным образом изменить взаимодействие человека и общества с природой, преодолеть углубление глобального антропогенного кризиса и предотвратить угрозу планетарной экологической катастрофы», а также решить многие другие рожденные научно-технической революцией глобальные проблемы [26, с. 240].

И. Б. Пржиленская полагает, что технические проблемы рассудок ставит и решает удивительно разнообразно и в большем количестве, в то время когда человеческое воображение, сталкиваясь с собственными проблемами, ограничивается до минимума. Это объясняется тем, что знания в области наук о человеке ничтожно малы по сравнению со знаниями в области техники и естествознания [27, с. 384]. Между тем В. А. Лепёхин вполне обоснованно считает, что «...высокие технологии материального мира – далеко не все, когда речь заходит о необходимости планетарного выживания... Напротив, развитие технологий при одновременной дегуманизации общества (превалирование материального и телесного над духовным – ее ключевое направление) становится главной угрозой для планетарного антропофактора. Развитие технологий стимулирует новые войны, поскольку подстегивает развитые страны к захвату новых активов и переделу мира» [28, с. 249]. В связи с этим важно определиться со знаниевыми приоритетами цифровой экономики Беларуси. Для этого отечественным социологам знания необходимо учитывать следующие обстоятельства.

Во-первых, сегодня центральную роль в развитии общественной жизни и мировой экономики играют научные знания. По мнению В. В. Иванова, они вытесняют «...труд (ручной и механизированный) в его роли фактора стоимости товаров и услуг. Экономические и социальные функции капитала переходят к информации. Как следствие, ядром социальной организации, главным социальным институтом становится университет как центр производства, переработки и накопления знания» [29, с. 11]. Почему экономические и социальные функции капитала

⁴Огурцов А. П. Социология знания // Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 3. / под ред. В. С. Стёпина. М., 2010. С. 614.

перешли к информации и научному знанию? Российские социологи отвечают на этот риторический вопрос так: «...в современную эпоху информация – это коммуникация, побуждающая к действию. Если мы определим информацию подобным образом, то станет понятным, почему главным феноменом компьютерной революции стал Internet, а не обещанные футурологами гигантские электронные банки данных или искусственный интеллект. В глобальной сети Internet не создается никакого знания, но зато многократно увеличиваются возможности осуществления коммуникаций» [30, с. 15–16]. Это стало возможным, поскольку инфраструктурой информационного общества является новая интеллектуальная, а не механическая техника. Социальная организация и информационные технологии образуют своеобразный симбиоз. Общество вступает в технетронную эру, когда социальные процессы становятся программируемыми [30, с. 12].

Во-вторых, новое научное знание больше всего востребовано в инновационной экономике: «Основные знания, необходимые для инновационного развития, получают в результате научных фундаментальных и прикладных исследований, которые выполняются институционально» [29, с. 193], т. е. в академических, университетских, отраслевых, корпоративных и прочих специализированных научно-исследовательских институтах и лабораториях. Как справедливо заметил Ю. М. Плотинский, «...для современной инновационной экономики ключевым ресурсом становятся знания. <...> Все больше зарубежных фирм внедряют у себя системы управления знаниями, следуя современным тенденциям развития экономики знаний. Интерес к данной проблематике в последние годы стимулируется стремительным ростом технологий социального интернета – Web 2.0» [31, с. 45]. С учетом указанных мировых тенденций в рамках федерального проекта «Цифровое государственное управление» Правительство Российской Федерации решает вопрос о поставке цифровой экономике ее главного ресурса – данных [32, с. 13].

К сожалению, ...экономические аспекты знаний исследованы пока не в полной мере. Превращаясь в информацию, данные проходят процессы фиксации, регистрации и восприятия. Знания, в отличие от данных, выражают достаточно общие, глубокие и существенные сведения относительно структур, процессов и явлений [17, с. 97]. Еще на одно существенное отличие знания от информации указывает В. П. Зинченко: «Знание всегда чье-то, кому-то принадлежащее, его нельзя купить, украсть у знающего (разве что вместе с головой), а информация – это ничейная территория, она безлична, ею можно обменяться или украсть, что часто и происходит» [33, с. 85]. По мнению В. С. Арутюнова и Л. Н. Стрековой, «для того чтобы научная идея

стала знанием, необходима не только ее экспериментальная проверка, но и социальная адаптация, включение в существующую систему знаний» [3, с. 151].

Степень важности овладения механизмами такой трансформации идей и информации в знания раскрывает Л. В. Колотова: «...в обществах знания каждый человек должен будет уметь свободно ориентироваться в потоке информации, который нас захлестывает, и развивать когнитивные способности, чтобы трансформировать информацию в знание. Однако уже сейчас признано, что поток новой информации становится плохо соотносящимся с наличными временными и энергетическими ресурсами ученых, подчас многократно превосходя последние. Следовательно, мы имеем дело с проблемой, решение которой пока не найдено» [34, с. 261].

Несмотря на это, определены основные способы трансформации знания. В частности, Икуджиро Нонака и Хиротака Такеучи выделяют трансформацию из неформализованного знания в неформализованное (социализация), из неформализованного знания в формализованное (экстернализация), из формализованного знания в формализованное (комбинация) и из формализованного знания в неформализованное (интернализация) [35, с. 87].

Иные способы трансформации знания рассматривают российские исследователи. Так, Г. В. Осипов и С. В. Степашин выделяют демонстрацию, кодификацию и аудиовизуальную запись. Ученые полагают, что демонстрация применима в контексте непосредственных отношений между учителем и учеником [36, с. 28]. При кодификации, которая в настоящее время является основным средством распространения знания, сценарий отделяется от обладателя знания посредством его фиксации на каком-либо носителе информации, в том числе с использованием искусственных языков. Иначе говоря, подразумеваемое знание превращается в явное» [36, с. 28]. Развитие информационно-коммуникационных технологий позволило существенно расширить сферу кодификации и снизить ее издержки [36, с. 28]. Преимуществом аудиовизуальной записи являются низкие предельные издержки создания дополнительных копий, а ее недостатком – то, что это лишь первая фаза кодификации, которая не позволяет создавать новые когнитивные структуры. Это существенно ограничивает сферу применения данного способа [36, с. 28–29].

В научной литературе описываются и другие способы трансформации знания. К примеру, Дж. Мокир пишет о стандартизации знаний, использование которой «снижает цену доступа к знаниям и, соответственно, повышает вероятность их распространения и применения» [37, с. 85]. В свою очередь А. А. Гапоненко описывает такой способ трансформации знаний, как перевод их из общественных

благ в частные «...с помощью искусственных механизмов, в числе которых – права на интеллектуальную собственность. Это делается для того, чтобы выстроить стимулы для создания нового знания. <...> Если предприятие использует чужую интеллектуальную собственность, оно выплачивает ее собственнику вознаграждение (доход). Этот доход может принимать самые разные формы – авторского гонорара за книгу, паушального платежа или роялти за лицензию и проч.» [18, с. 300–301]. Еще одну разновидность трансформации знаний путем их перевода из общественных благ в частные описывает А. Горц: «Монополизация знаний, ноу-хау или идеи была и остается трудной задачей. Она часто требует больших капиталовложений, чем производство самих этих знаний. Это в особенности верно для фармакологического производства и программного обеспечения. Microsoft, например, тратит почти треть своего оборота на рекламу и маркетинг. На идею, разработку и производство новой продукции уходит вторая треть, а прибыль составляет еще примерно столько же. Нематериальный капитал таких фирм, как Nike, Coca Cola или McDonald's, состоит в основном в монопольной власти, которую символизируют эти названия,

и в величине ренты, которую обеспечивает им эта власть» [38, с. 36].

В результате анализа процессов трансформации и возможных путей применения научных знаний в рамках цифровой экономики Беларуси автор настоящей статьи пришел к следующим выводам.

Ключевым ресурсом цифровой экономики Беларуси могут стать отечественные и зарубежные научные знания. Для этого их следует кодифицировать: теоретические научные знания должны быть опубликованы в открытом издании, оцифрованы и размещены в свободном доступе, тогда как прикладные научные знания технологического характера должны быть запатентованы и лицензированы. Это обеспечит их широкое практическое применение в хозяйственной деятельности предприятий и организаций республики.

Важным фактором в процессе кодификации научных знаний и дальнейшем расширении их использования в рамках цифровой экономики Беларуси может стать отечественная социология знания, если будут активизированы исследования по определению значимых приоритетов, инклюзии научных знаний в цифровую экономику, их социальной адаптации, устранению техногуманитарного дисбаланса и т. д.

Библиографические ссылки

1. Беляев АГ. *Деструкция номер 1917. Опыт декодирования данных и смыслов*. Москва: Товарищество научных изданий КМК; 2020. 263 с.
2. Лесков ЛВ. *Знание и власть. Синергетическая кратология*. Москва: СИНТЕГ; 2001. 100 с.
3. Аругюнов ВС, Стрекова ЛН. *Социологические основы научной деятельности*. Москва: Наука; 2003. 299 с.
4. Рябоволов ВА. Интеллектуальная собственность как инструмент устойчивого роста. *Наука и инновации*. 2022; 1:62–66.
5. Хаустов ВК. Глобальные тенденции развития цифровой экономики в контексте веса интеллектуальной собственности. *Экономическая теория*. 2020;2:67–81. DOI: 10.15407/etet2020.02.067.
6. Механик А. Мир услышал и изменился. *Эксперт*. 2014;40:42–47.
7. Михайлова АВ. Цифровая и креативная экономика в современном пространстве. *Креативная экономика*. 2018;12(1):29–42. DOI: 10.18334/ce.12.1.38783.
8. Ковалёв ММ, Головенчик ГГ. *Цифровая экономика – шанс для Беларуси*. Минск: БГУ; 2018. 327 с.
9. Тузиков АВ, редактор. *Цифровая трансформация. Основные понятия и терминология: сборник статей*. Минск: Беларуская навука; 2020. 267 с.
10. Ганичев НА, Кошовец ОБ. Принуждение к цифровой экономике: как изменится структура цифровых рынков под влиянием пандемии COVID-19? *Проблемы прогнозирования*. 2021;1:19–35. DOI: 10.47711/0868-6351-184-19-35.
11. Акаев АА, Садовничий ВА. Человеческий фактор как определяющий производительность труда в эпоху цифровой экономики. *Проблемы прогнозирования*. 2021;1:45–58. DOI: 10.47711/0868-6351-184-45-58.
12. Ним Е. (Не)социальное конструирование реальности в эпоху медиатизации. *Социологическое обозрение*. 2017; 16(3):409–427. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-3-409-427.
13. Костикова АА. Цифровая коммуникация: историко-философский анализ. *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия*. 2019;5:49–55.
14. Couldry N, Hepp A. *The mediated construction of reality*. Cambridge: Polity Press; 2016. 256 p.
15. Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*. Иноземцев ВЛ, переводчик. Москва: Academia; 1999. 956 с.
16. Оноприенко ВИ. Информация и знания в контексте проблематики знаниевого общества. В: Патон Б, Мур Х, редакторы. *Общество, основанное на знаниях: новые вызовы науке и ученым. Материалы международной конференции; 23–27 ноября 2005 г.; Киев, Украина*. Киев: Феникс; 2006. с. 444–452.
17. Бадалов ЛМ. Как превратить знания в капитал. *Креативная экономика*. 2008;12:96–99.
18. Гапоненко АА. Рынки знаний. В: Мильнер БЗ, редактор. *Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями*. Москва: ИНФРА-М; 2010. с. 282–306.
19. Хайек Ф. Использование знания в обществе. В: Хайек Ф. *Индивидуализм и экономический порядок*. Дмитриева ОА, переводчик. Капелюшников РИ, редактор. Челябинск: Социум; 2011. с. 93–110.

20. Юдин БГ, Аллгайер И. Сетевая экспертиза: дискурсивные коалиции и сети сотрудничества экспертов в публичных дискуссиях по поводу креационизма в Великобритании. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 8: Науковедение*. 2011;4:19–24.
21. Елсуков АН, Данилов АН. *Основы социологии и политологии*. Минск: Республиканский институт профессионального образования; 2012. 304 с.
22. Джанетто К, Уилер Э. *Управление знаниями. Руководство по разработке и внедрению корпоративной стратегии управления знаниями*. Пестерева ЕМ, переводчик. Москва: Добрая книга; 2005. 192 с.
23. Слемнёв МА. *Лабиринты познания*. Минск: Университетское; 1988. 174 с.
24. Ткалич ТА. Прогнозирование развития цифровой экономики в Республике Беларусь. *Общество и экономика*. 2019;3:109–127. DOI: 10.31857/S020736760004410-0.
25. Шелер М. *Проблемы социологии знания*. Малинкин АН, переводчик. Москва: Институт общегуманитарных исследований; 2011. 320 с.
26. Олейников ЮВ. Человечество на распутье: тенденции эволюции. В: Федотова ВГ, редактор. *Меняющаяся социальность: контуры будущего*. Москва: Институт философии Российской академии наук; 2012. с. 225–246.
27. Пржиленская ИБ. Лекция 9. Техника, рациональность и общество. В: Пржиленский ВИ, редактор. *Лекции по философии науки*. Москва: Издательский центр «МарТ»; 2008. с. 378–424.
28. Лепёхин ВА. Бунт логического мышления и насущность развития морального интеллекта. В: Зиновьева ОМ, Солодухин ЮН, Лепёхин ВА, Зиновьева КА, составители. *Александр Зиновьев и актуальные проблемы логики и методологии: сборник докладов*. Москва: Канон+; 2017. с. 246–257.
29. Иванов ВВ. *Инновационная парадигма XXI в.* Москва: Наука; 2015. 383 с.
30. Иванов ДВ. *Виртуализация общества. Версия 2.0*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение; 2002. 224 с.
31. Плотинский ЮМ. «Общество знаний» и развитие когнитивного подхода. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2010;1:45–63.
32. Акимов МА. Цифровая экономика – мир сделок без посредников. В: Аксаков ВГ, редактор. *Основные тренды развития цифровой экономики в финансовой сфере. Правовые аспекты регулирования и практического применения*. Москва: Издание Государственной Думы; 2019. с. 7–14.
33. Зинченко ВП. Деятельность. Знание. Духовность. *Высшее образование*. 2003;5:85–91.
34. Колотова ЛВ. Общества знания и общество не-знания как альтернативы развития современного социума. У: Астахова ВИ, редактор. *Вчені записки Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія». Том XVII*. Харків: Народна українська академія; 2011. с. 256–263.
35. Икуджиро Нонака, Хиротака Такеучи. *Компания – создатель знания. Зарождение и развитие инноваций в японских фирмах*. Трактинский А, переводчик. Москва: Олимп-Бизнес; 2011. 384 с.
36. Осипов ГВ, Степашин СВ. *Экономика и социология знания*. Москва: Наука; 2009. 220 с.
37. Мокир Дж. *Дары Афины. Исторические истоки экономики знаний*. Эдельман Н, переводчик; Иванова М, редактор. Москва: Издательство Института Гайдара; 2012. 408 с.
38. Горц А. Знание, стоимость и капитал. К критике экономики знаний. Сокольская М, переводчик. *Логос*. 2007;4:5–63.

References

1. Belyaev AT. *Destruktsiya nomer 1917. Opyt dekodirovaniya dannykh i smyslov* [Destruction number 1917. The experience of decoding of data and senses]. Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK; 2020. 263 p. Russian.
2. Leskov LV. *Znanie i vlast'. Sinergeticheskaya kratologiya* [Knowledge and power. Synergetic cratology]. Moscow: SINTEG; 2001. 100 p. Russian.
3. Arutyunov VS, Strekova LN. *Sotsiologicheskie osnovy nauchnoi deyatel'nosti* [Sociological foundations of scientific activity]. Moscow: Nauka; 2003. 299 p. Russian.
4. Ryabovolov VA. Intellectual property as an instrument of sustainable growth. *Nauka i innovatsii*. 2022;1:62–66. Russian.
5. Haustov VK. [Global trends of the digital economy development in the context of weight of intellectual property]. In: *Ekonomicheskaya teoriya*. 2020;2:67–81. Russian. DOI: 10.15407/etet2020.02.067.
6. Mehanik A. [The world heard and changed]. *Expert*. 2014;40:42–47. Russian.
7. Mihaylova AV. Digital and creative economy in the modern space. *Creative Economy*. 2018;12(1):29–42. Russian. DOI: 10.18334/ce.12.1.38783.
8. Kovalev MM, Golovenchik GG. *Tsifrovaya ekonomika – shans dlya Belarusi* [The digital economy is the chance for Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2018. 327 p. Russian.
9. Tuzikov AV, editor. *Tsifrovaya transformatsiya. Osnovnye ponyatiya i terminologiya: sbornik statei* [The digital transformation. The main notions and terminology: collection of articles]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2020. 267 p. Russian.
10. Ganichev NA, Koshovets OB. Forcing the digital economy: how will the structure of digital markets change as a result of the COVID-19 pandemic? *Problemy prognozirovaniya*. 2021;1:19–35. DOI: 10.47711/0868-6351-184-19-35. Russian.
11. Akaev AA, Sadovnichii VA. The human component as a determining factor of labour productivity in the digital economy. *Problemy prognozirovaniya*. 2021;1:45–58. Russian. DOI: 10.47711/0868-6351-184-45-58.
12. Nim E. The (non)social construction of reality in the age of mediatization. *Russian Sociological Review*. 2017;16(3): 409–427. Russian. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-3-409-427.
13. Kostikova AA. Digital communication: historical and philosophical analysis. *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*. 2019;5:49–55. Russian.
14. Couldry N, Hepp A. *The mediated construction of reality*. Cambridge: Polity Press; 2016. 256 p.
15. Bell D. *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [The coming post-industrial society. The experience of social forecasting]. Inozemtsev VL, translator. Moscow: Academia; 1999. 956 p. Russian.

16. Onoprienko VI. [The information and knowledge in the context of problems of the knowledge society]. In: Paton B, Mur Kh, editors. *Obshchestvo, osnovannoe na znaniyakh: novye vyzovy nauke i uchenym. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii; 23–27 noyabrya 2005 g.; Kiev, Ukraina* [Society, based on knowledge: new challenges to science and scientists. Proceedings of International conference; 2005 November 23–27; Kiev, Ukraine]. Kiev: Feniks; 2006. p. 444–450. Russian.
17. Badalov LM. [How to turn a knowledge into a capital]. *Creative Economy*. 2008;12:96–99. Russian.
18. Gaponenko AA. [Markets of knowledge]. In: Mil'ner BZ, editor. *Innovatsionnoe razvitie: ekonomika, intellektual'nye resursy, upravlenie znaniyami* [The intellectual development: economy, intellectual resources, knowledge management]. Moscow: INFRA-M; 2010. p. 282–306. Russian.
19. Khaiek F. [The use of knowledge in the society]. In: Khaiek F. *Individualizm i ekonomicheskii poryadok* [Individualism and economic order]. Dmitrieva OA, translator. Kapelyushnikov RI, editor. Chelyabinsk: Sotsium; 2011. p. 93–110. Russian.
20. Yudin BG, Allgaier I. Networking expertise: discursive coalitions and collaborative networks of experts in a public creationism controversy in the UK. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 8: Naukovedenie*. 2011;4:19–24. Russian.
21. Elsukov AN, Danilov AN. *Osnovy sotsiologii i politologii* [The basics of sociology and politology]. Minsk: Republican Institute for Vocational Education; 2012. 304 p. Russian.
22. Dzhanetto K, Uiler E. *Upravlenie znaniyami. Rukovodstvo po razrabotke i vnedreniyu korporativnoi strategii upravleniya znaniyami* [Knowledge management. Guidance for developing and implementing a corporate knowledge management strategy]. Pestereva EM, translator. Moscow: Dobraya kniga; 2005. 192 p. Russian.
23. Slemnev MA. *Labirinty poznaniya* [Labyrinths of cognition]. Minsk: Universitetskoye; 1988. 174 p. Russian.
24. Tkalich TA. Assessing the growth prospects for digital economy in the Republic of Belarus. *Society and Economy*. 2019;3:109–127. DOI: 10.31857/S020736760004410-0. Russian.
25. Sheler M. *Problemy sotsiologii znaniya* [Problems of sociology of knowledge]. Malinkin AN, translator. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy; 2011. 320 p. Russian.
26. Oleinikov YuV. [The mankind on cross-roads: trends of evolution]. In: Fedotova VG, editor. *Menyayushchaysia sotsial'nost': kontury budushchego* [The changing sociality: contours of future]. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; 2012. p. 225–246. Russian.
27. Przhilenskaya IB. [Lecture 9. Engineering, rationality and society]. In: Przhilenskii VI, editor. *Lektsii po filosofii nauki* [Lectures on the philosophy of science]. Moscow: Izdatel'skii tsentr «MarT»; 2008. p. 378–424. Russian.
28. Lepehin VA. [The riot of logical thinking and the barest necessity of development of moral intellect]. In: Zinov'eva OM, Solodukhin YuN, Lepehin VA, Zinov'eva KA, compilers. *Alexander Zinov'ev i aktual'nye problemy logiki i metodologii: sbornik dokladov* [Alexander Zinov'ev and actual problems of logic and methodology: collection of articles]. Moscow: Kanon+; 2017. p. 246–257. Russian.
29. Ivanov VV. *Innovatsionnaya paradigma XXI v.* [The innovative paradigm XXI century]. Moscow: Nauka; 2015. 383 p. Russian.
30. Ivanov DV. *Virtualizatsiya obshchestva. Versiya 2.0.* [The virtualisation of society. Version 2.0]. Saint Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye; 2002. 224 p. Russian.
31. Plotinski JM. Development of cognitive approach and formation of a society of knowledge. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2010;1:45–63. Russian.
32. Akimov MA. [The digital economics is the world deals without mediators]. In: Aksakov AG, editor. *Osnovnye trendy razvitiya tsifrovoi ekonomiki v finansovoi sfere. Pravovye aspekty regulirovaniya i prakticheskogo primeneniya* [The main trends of development of the digital economics in the financial sphere. Legal aspects of regulation and practical application]. Moscow: Izdanie Gosudarstvennoi Dumy; 2019. p. 7–14. Russian.
33. Zinchenko VP. [Activity. Knowledge. Spirituality]. *Vysshee obrazovanie*. 2003;5:85–91. Russian.
34. Kolotova LV. [The societies of knowledge and society of non-knowledge as alternatives of development of modern socioum]. In: Astahoba VI, editor. *Vcheni zapysky Har'kivs'kogo gumanitarnogo universytetu «Narodna ukrains'ka akademija». Tom XVII* [Scholarly notes of Kharkiv University of Humanities. Volume 17]. Kharkiv: Kharkiv University of Humanities; 2011. p. 256–263. Russian.
35. Ikudzhiro Nonaka, Chirotaka Takeuchi. *Kompaniya – sozdatel' znaniya. Zarozhdenie i razvitie innovatsii v yaponskikh firmakh* [The company is the creator of knowledge. The origin and development of innovations in Japanese firms]. Traktinskii A, translator. Moscow: Olimp-Biznes; 2011. 384 p. Russian.
36. Osipov GV, Stepashin SV. *Ekonomika i sotsiologiya znaniya* [The economy and sociology of knowledge]. Moscow: Nauka; 2009. 220 p. Russian.
37. Mokir Dzh. *Dary Afiny. Istoricheskie istoki ekonomiki znaniy* [Gifts of Athena. Historical origins of the knowledge economy]. Edel'man N, translator; Ivanova M, editor. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2012. 408 p. Russian.
38. Gorz A. [Knowledge, value and capital. To a criticism of knowledge economy]. Sokol'skaya M, translator. *Logos*. 2007;4:5–63. Russian.

Статья поступила в редколлегию 20.06.2022.
Received by the editorial board 20.06.2022.

БИЛИНГВИЗМ В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЕКЦИИ: ФЕНОМЕН ОТКРЫТОГО МЫШЛЕНИЯ

М. А. МОЖЕЙКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

Рассматривается билингвизм как феномен культуры в контексте языкового контакта. Проводится сравнительный анализ феноменов билингвизма и бикультурности. Показано, что, создавая предпосылки к бикультурности субъекта, билингвизм тем не менее никак ее не обеспечивает. Показана функция выбора языка как выбора социальных ролей, который открывается для билингвального субъекта. Обоснована ведущая роль языкового выбора в контексте коммуникативной адаптации. Рассматриваются социальные, социально-психологические и окказионально-ситуативные критерии языкового выбора. Моделируются адаптационные стратегии речевого поведения в коммуникативной ситуации. Показана значимость баланса между языковой и этнической идентичностью субъекта, с одной стороны, и его желанием соответствовать языковым ожиданиям собеседника, с другой. Обоснована роль билингвизма как фактора акцентированности рефлексии над языком. Показано, что в билингвальном контексте проблемы развития языка выходят за границы лингвистики и становятся предметом широких социальных дискуссий. Выявлена роль двуязычия в литературном творчестве, показано значение использования лексем второго языка как инструмента обогащения художественной выразительности. Доказано, что, чем больше языков в прикладном тезаурусе субъекта, тем богаче эмоциональная палитра его восприятия мира. Выявляется потенциал языка в отношении не только выражения, но и отражения эмоций, что расширяет диапазон рефлексивного осмысления эмоциональной сферы. На материале текстов поэтической культуры Беларуси обосновывается расширение спектра экспрессивных возможностей билингвального субъекта и демонстрируется его значимость для развития художественной культуры. Выявляется специфика мышления билингвального субъекта. Обосновывается вывод о том, что фрагмент реальности в той или иной языковой проекции может восприниматься и осмысливаться по-иному, обеспечивая субъекту больший диапазон адаптации. Тем самым картина мира билингвального субъекта оказывается более полиаспектной и пластичной. Показано, что открытая для билингвального субъекта возможность переключения языкового кода позволяет апеллировать к ценностям обеих стоящих за языками культур. Мышление билингвального субъекта оказывается открытым в отношении более чем одного варианта восприятия действительности, что обеспечивает не только богатство данного восприятия, но и расширение диапазона понимания. Такое открытое мышление означает и расширение возможностей взаимопонимания в кросс-культурном диалоге, что обуславливает эффективность межличностных коммуникаций и успешность международных взаимодействий.

Ключевые слова: языковой контакт; билингвизм; бикультурность; выбор языка; коммуникативная адаптация; идентичность; речевое поведение; речевая стратегия; потенциал билингвизма; открытое мышление.

Образец цитирования:

Можейко МА. Билингвизм в культурологической проекции: феномен открытого мышления. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2022;3:81–91.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-3-81-91>

For citation:

Mojeiko MA. Bilingualism in culturological projection: the phenomenon of open thinking. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;3:81–91. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-3-81-91>

Автор:

Марина Александровна Можейко – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин факультета информационно-документных коммуникаций.

Author:

Marina A. Mojeiko, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of social and humanitarian disciplines, faculty of information and document communications.
marina-mojeiko@yandex.by

BILINGUALISM IN CULTUROLOGICAL PROJECTION: THE PHENOMENON OF OPEN THINKING

M. A. MOJEIKO^a

^aBelarusian State University of Culture and Arts,
17 Rabkorawska Street, Minsk 220007, Belarus

Bilingualism is considered as a phenomenon of culture in the context of language contact. A comparative analysis of the phenomena of bilingualism and biculturalism is carried out. It is shown that, while creating prerequisites for the biculturalism of the subject, bilingualism, however, does not provide it. The function of choosing a language as a choice of social roles, which opens up for a bilingual subject, is shown. The leading role of language choice in the context of communicative adaptation is substantiated. The criteria of language choice are considered: social, socio-psychological and occasional-situational. Adaptive strategies are modelled in relation to speech behaviour in a communicative situation. The significance of the balance between the linguistic and ethnic identity of the subject, on the one hand, and his desire to meet the linguistic expectations of the interlocutor, on the other, is shown. The role of bilingualism as a factor in the emphasis of reflection on language is substantiated. It is shown that in a bilingual context the problems of language development go beyond boundaries of linguistics and become a subject of wide social discussions. The role of bilingualism in literary creativity is revealed, the value of using lexemes of the second language as a tool for enriching artistic expressiveness is shown. It is proved that the more languages in the applied thesaurus of the subject, the richer the emotional palette of his perception of the world. The potential of the language is revealed in relation to not only expressing, but also reflecting emotions, which expands the range of reflexive comprehension of the emotional sphere. On the material of the texts of poetic culture in Belarus, the expansion of the range of expressive possibilities of bilingual subject is substantiated and its significance for the development of artistic culture is demonstrated. The specificity of bilingual subject's thinking is revealed. Firstly, it is substantiated that in different linguistic projections, a particular fragment of reality can not only turn with its different facets, but in general be configured in a different way, expanding the interpretive potential of the subject and his cognitive capabilities. Thus, the picture of the world of a bilingual subject turns out to be more multidimensional and more plastic. Secondly, it is shown that the possibility of switching the language code, open to a bilingual subject, entails the possibility of appealing to the values of both cultures behind the languages. The thinking of a bilingual subject turns out to be open in relation to more than one option for perceiving reality, which provides not only a richness of perception, but also an expansion of the range of understanding. Such open thinking also means expanding the possibilities of mutual understanding in cross-cultural dialogue, which ensures the effectiveness of both interpersonal communications and the success of international interactions.

Keywords: language contact; bilingualism; biculturalism; language choice; communicative adaptation; identity; speech behaviour; speech strategy; potential of bilingualism; open thinking.

Феномен языкового контакта: культурный контекст

Феномен контакта языков сопровождает всю историю человечества. Как пишет И. А. Бодуэн де Куртэнэ, «...народы и племена жили и живут в непосредственном соседстве или же вперемешку. <...> Кочевая жизнь, военные походы и военная служба вообще, похищение женщин и рабов у враждебных племен, затем торговля, научный обмен и т. д. – все это факторы, способствующие смешению языков»¹ [1, с. 364].

Вяч. В. Иванов трактует языковой контакт в узком смысле, как «взаимодействие двух или более языков, оказывающее влияние на структуру и словарь одного или многих из них» [2]. С. Дж. Томасон рассматривает языковой контакт в широком смысле. По оценке исследователя, такой контакт предполагает взаимное влияние всех языков, которое как максимум может оказаться для каждого из них судьбоносным и как минимум не может пройти бесследно [3, р. 15–18].

Важно, как отмечает У. Вайнрайх, что «языковой контакт можно лучше всего понять только в широком психологическом и социокультурном контексте» [4, с. 26]. В силу этого «ошибкой многих ученых, занимавшихся проблемой двуязычия, было стремление изучать этот процесс исключительно в отношении двуязычного индивида, не обращая внимания на общественные условия возникновения и существования двуязычия в данном коллективе» [5, с. 6].

Сегодня можно говорить о высоком уровне концептуализации этого проблемного поля и сформированности таких направлений исследования, как контактная лингвистика и билингвология [4; 6; 7].

Разумеется, языковой контакт возможен в контексте контакта культур и кросс-культурного взаимодействия. В свете этого У. Вайнрайх полагает: «...случаи поразительного единообразия в области культуры в условиях пестрого разнообразия языков служат доказательством того, что общение может

¹От похищения женщин до научных контактов – вот это широта охвата! Масштабно мыслил классик.

преодолевать и действительно преодолевает языковые границы. Оно оказывается возможным благодаря посредству многоязычных носителей» [8, с. 25]. На взгляд У. Вайнрайха, можно было бы ожидать, что языковое разнообразие и разнообразие культурных традиций «находятся в прямой зависимости друг от

друга, однако в действительности они оказываются независимыми» [8, с. 25].

Это закономерно вызывает вопросы о том, что значит быть носителем двух языков и двух культур и как соотносятся между собой такие явления, как билингвизм и бикультурность.

Билингвизм vs бикультурность

Одним из важнейших вопросов в отношении двуязычия является соотношение таких феноменов, как билингвизм и бикультурность [9, р. 20–37; 10, р. 7–21].

Безусловно, владение вторым языком в определенной мере открывает окно в мир другой культуры (неспроста все языковые курсы предполагают и страноведческий компонент), но далеко не всегда (точнее, крайне редко) проникновение в эту культуру столь же глубоко, как в свою. Иными словами, бикультурность нельзя рассматривать лишь как двойную культурную принадлежность. Дж. Соффетти полагает, что соотношение билингвизма и бикультурности не является простым и одно из другого не вытекает [11, р. 222–223]. Он моделирует четыре варианта соотношения культуры и языка в системе отсчета индивида: 1) двойная культура при двуязычии; 2) двойная культура при одноязычии; 3) монокультура при двуязычии; 4) монокультура при одноязычии [11, р. 223–227].

Разумеется, есть существенная разница между человеком, который осваивает два языка, будучи изначально (с рождения) погруженным в кросс-культурную среду, и человеком, который изучает второй язык в рамках специально организованного образовательного процесса: «...человек, изучающий иностранный язык в обстановке единой культуры, вовсе не обязательно усвоит полностью новую систему культурных моделей»² [11, р. 225], какое бы внимание он ни уделял страноведению.

Э. Хауген справедливо утверждает: «...хотя допущение, что степень двуязычия прямо пропорциональна степени бикультурализма, выглядит очень заманчиво, однако оно пока что не подтверждается имеющимися данными», потому «точно так же, как двуязычный носитель может владеть менее чем дву-

мя целыми языковыми системами, носитель двойной культуры может владеть менее чем двумя целыми культурами» [12, с. 64]. Кроме того, Дж. Соффетти отмечает, что «точно так же, как бывают языковые акценты, бывают и акценты в отношении культуры, являющиеся следствием... сталкивающихся моделей поведения, и от них бывает так же трудно (или нежелательно) избавиться, как и от языковых акцентов» [11, р. 225].

По определению Ф. Грождана на практике понятие «бикультурный билингв» означает, что бикультурный субъект билингвален, в то время как билингвальный не обязательно является бикультурным [13, р. 20–37]. Хотя, разумеется, нельзя отрицать, что билингвизм не просто открывает возможность проникнуть в смыслы иной культуры, но и делает это проникновение менее поверхностным.

Однако, если речь идет о естественном билингвизме, когда ребенок с детства погружен в оба языка, а его социализация протекает в изначально двуязычной культурной среде, ситуация конфигурируется по-другому: в каждой конкретной семье это происходит по-разному, но вполне допустима ситуация, при которой можно говорить о двух родных языках. Конфигурации сочетаний принадлежности к языку и культуре тоже бывают разными. Например, отец М. А. Богдановича писал в своих воспоминаниях о сыне: «...у сям'і гаварылі па-руску, але звычаі, захапленні, прывычкі ў аснове сваёй былі беларускія» [цит. по 14, с. 65]. В этой среде вырос белорусскоязычный поэт с тонким чувством языка и столь же тонким ощущением европейской культуры в целом. Так, оценивая свое творчество начала 1910-х гг., он отмечал: «...дбаў аб развіцці верша і даў колькі “нанізак” іх (цыклаў)», в том числе «ў старафранцузскіх формах» [15, с. 130].

Выбор языка как выбор социальной роли

Ключевым моментом реализации коммуникативного потенциала билингва является выбор языка. Такой выбор актуален и для монолингва (например, между стилями речи), но для билингва веер выбора расширяется не только в количественном, но и в качественном отношении: речь идет о выборе между различными языками, за каждым из которых – история, культурная традиция, по-

литический контекст, религиозные коннотации и многое другое.

Акт выбора языка может быть рассмотрен в контексте теории организации повседневного опыта. И. Гофман полагает, что коммуникация осуществляется в контексте различных фреймов (рамок), конструирование и рекомбинация которых задает гештальт повседневности, переход от фрейма

²Здесь и далее перевод наш. – М. М.

к фрейму предполагает как различные речевые практики, так и различные интерпретации последних [16].

Важно, что в реальности выбор языка осуществляется ситуативно, практически молниеносно и далеко не всегда рефлексивно осознанно. Говорящий может не отдавать себе в этом отчета, но в выборе языка наложены друг на друга многие детерминационные процессы. В процедуре выбора языка играет роль социальный контекст, в котором тот или иной язык будет эффективнее и потому предпочтительнее, нежели другой [17, р. 397–421], а также социально-психологические мотивации говорящего, которые могут заставить его выбрать или язык, на котором он говорит лучше и при этом выглядит увереннее, или язык, соответствующий ожиданиям слушателей и позволяющий вызвать желаемую реакцию, или язык, который в той или иной ситуации позволит ему произвести нужное впечатление³ [18].

Ф. К. Вок трактует языковые формы как культурные формы *par excellence*. «Социальные роли также образуют некий подкласс культурных форм», а учет их связи необходим для «адекватного описания структуры какого-либо языка» [20, с. 383–384], причем эти роли варьируются в гендерном и возрастном регистрах⁴ [21, р. 1–16].

В теории коммуникативной адаптации, разработанной Г. Джайлсом и его последователями, раскрыт механизм процедуры выбора языка [26, р. 121; 27, р. 265–267; 28, р. 293–310; 29, р. 270–283]. Поскольку процесс речевого общения основан на глубокой «связи между языком, контекстом и идентичностью» [26, р. 121], постольку коммуникация всегда вписана в объективные и субъективные параметры ситуации говорения. В. Б. Гюдайкюнст относит к этим параметрам «социально-психологическое состояние» коммуникантов, их «целевые установки» и мотивы участников (как декларируемые, так и скрытые), избранные ими «социолингвистические стратегии» и «тактики поведения», а также демонстрируемые «маркировку и атрибуцию» [30, р. 171–174].

Это значит, что в каждом конкретном случае говорящий корректирует свое речевое поведение,

адаптируя его, с одной стороны, к социальному контексту, т. е. к конкретной ситуации, ожиданиям и речевому поведению коммуниканта, а с другой – к той грани своей идентичности, которая наиболее важна для него в данный момент. Как показывает М. Мюс на материале кушитского языка и языка банту, это касается и этнической, и групповой (во всем ее многообразии) идентичности [31]. Выбором речевой стратегии коммуникативные партнеры анализируют о своем отношении как друг к другу, так и к контексту, дают понять свои установки и воспринять культивируемую идентичность⁵.

Таким образом, коммуникация – это не только процесс обмена информацией о фактах, идеях и эмоциях (часто называемых ссылочными сообщениями), но и существенная социальная категория, на нее «влияют не только особенности текущей ситуации и первоначальные ориентации участников, но и социально-исторический контекст, в который встроено взаимодействие» [28, р. 294]. Например, в официальной ситуации человек может давать ответы на вопросы, культивируя американское произношение (даже если для него естественно британское), чтобы показать, что «он больше не является недавним иммигрантом в Соединенных Штатах, он теперь полноценный американский гражданин, который принял многие американские идеалы» [28, р. 294].

К. Геллоу, Т. Огей и Г. Джайлз полагают возможными три адаптационные стратегии в коммуникативной ситуации (и, соответственно, три возможные траектории ее развития): 1) конвергенция, при которой «люди адаптируют свое коммуникативное (речевое. – М. М.) поведение таким образом, чтобы оно стало более похожим на поведение их собеседников»; 2) дивергенция, при которой говорящий сохраняет свой «оригинальный стиль независимо от коммуникационного поведения собеседника» и которая, как правило, приводит говорящего «к усилению различий между собой и другим»; 3) центральная (мы бы воспользовались термином восточной культуры «серединная» в его глубинном позитивно-оценочном смысле) стратегия, при которой говорящий «корректирует свою речь, приспособляя ее для создания и поддержания

³Хотя, как справедливо отмечает К. Р. Беккер, методики, позволяющей исчерпывающе точно и однозначно определить психолингвистические мотивации перехода с языка на язык, практически не существует [19, р. 30].

⁴Как остроумно подметила С. Гэл, гендерная «дифференциация речи должна происходить всякий раз, когда имеет место социальное разделение между ролями мужчин и женщин, т. е. универсально» [21, р. 1]. Вопросы презентации гендерной идентичности в языке рассматриваются сегодня достаточно интенсивно [22, с. 52–58], даже возник термин «гендерлект» (наряду с терминами «диалект» и «социолект») [23, р. 133–134]. И. Игартуа, сравнивая глубину презентации гендерной идентичности в славянских языках, выделяет восточнославянские языки как наиболее инструментальные в этом плане: «...восточнославянские языки (русский, белорусский и украинский) – системы, которые в наибольшей степени расширили фактор живого субгендера при склонении существительного; в некоторых других языках (например, в чешском) иные черты» [24, р. 71]. В. Горбацкий говорит даже о феминизации (в грамматическом отношении) современного белорусского языка [25].

⁵Согласно теории коммуникативной адаптации важную роль играют и невербальные факторы коммуникации – мимика, жесты, положение тела и т. д. [26, р. 121–148].

своих личной и социальной идентичностей как позитивных» [26, р. 123].

Таким образом, социальное взаимодействие представляет собой тонкий баланс между потребностями в социальной адаптации (интеграции), с одной стороны, и потребностями сохранения собственной идентичности (дифференциации), с другой. Это значит, что выбор языка может меняться не только от ситуации к ситуации, но и внутри таковой

в зависимости от акцентированной идентичности и выбранной коммуникативно-речевой стратегии.

Для билингва ситуация выбора открывает большие возможности и создает большие сложности, поскольку речь идет не о выборе между стилями речи, а о выборе между различными национальными языками, что предполагает более богатый и сложный социальный контекст и более острую акцентуацию персональной, в частности национальной, идентичности.

Культурный потенциал билингвизма: диапазон восприятия и креативность

В начале XXI в. в литературе, посвященной феномену билингвизма, на передний план вышли вопросы, связанные с особенностями и возможностями билингвального субъекта и, соответственно, его ролью в социально-культурном процессе. В этом контексте Дж. Эдвардсом введено понятие *the importance of being bilingual* 'важность быть билингвом' [17], причем оно трактуется в широком социокультурном измерении: в центре внимания оказываются не только (и даже не столько) преимущества двуязычного субъекта в масштабе его социальной адаптации, сколько значимость самого феномена билингвов для социокультурного процесса в целом.

Однако разговор об этом следует предварить существенной оговоркой: речь идет о феномене двуязычия как таковом, о его социокультурном потенциале, который, будучи атрибутивным для билингва, тем не менее может по-разному проявить себя в зависимости от условий. С одной стороны, возможности билингвов в полной мере могут быть востребованы и реализованы только в благополучных языковых ситуациях, с другой – именно в последних потенциал билингвов выступает фактором позитивной реализации культурного процесса.

Несбалансированная языковая ситуация создает такое соотношение языков в рамках двуязычия, которое не только задает остроту языковому вопросу, но и провоцирует социальное напряжение, которое может выходить далеко за рамки проблем языковой политики. Не забывая об этом, можно поставить вопрос о культурном потенциале билингвизма как такового вне политики. Он может быть оценен в различных аспектах. Так, например, установлено, что язык не только выражает, но и отражает эмоции, позволяет их понять и объяснить, и важно, на каком именно языке они описываются [32, р. 1–23; 33, р. 11].

Ф. Грожан полагает, что переход с одного языка на другой в зависимости от ситуации предполагает изменение не только социальных ролей, но и «эмоциональных установок» [34, р. 49]. Среди моноязычных и билингвов проводились сравнительные исследования феномена восприятия (например,

Б. Байном и А. Йю применительно как к учащимся подросткам, так и к работающим взрослым), наглядно продемонстрировавшие преимущества билингвов [35, р. 110–134]. Дж. Эдвардс отмечает, что билингвизм отчетливо коррелирует с возрастанием диапазона восприятия, «усиливает осознание себя в контексте культуры» [17, р. 28].

В этом контексте правомерен вывод о том, что не только многообразие дискурсивных практик, но и яркость эмоциональной окрашенности мировосприятия связана с вариативностью повседневного использования языка. Чем больше языков в прикладном тезаурусе субъекта, тем богаче эмоциональная палитра его восприятия мира. Как формулирует П. Резник, «много языков – много чувств» [33, р. 11].

В ситуации билингвизма расширяется также диапазон экспрессивных возможностей и способов выражения (отражения) эмоций. Особенно ярко это проявляется в художественной литературе. Примером может служить поэзия А. Ю. Аврутина, русскоязычного белорусского поэта, который использует белорусскую лексику для передачи эмоциональных оттенков. Например, тоскуя об ушедших друзьях-белорусах, он обращается к ним на их языке. Понимая, что смерть непреодолима, он находит если не утешение, то возможность идти дальше, описывая свою боль на белорусском языке:

Небо нахмурилось, тени струя.
Стежечка в жите.
Где вы?.. В какие уплыли края?
Хлопцы, гукніце!..

А с поднебесья: «Ушедших – не тронь!..» –
Грозно и строго.
*Толькі валошка казыча далонь...
Цёмна... Нікога... [36].*

Художественные тексты демонстрируют, что человек, волею судеб и естественно для себя живущий в билингвальной культуре, не только ощущает необходимость выразить себя на обоих ее языках, но и усматривает существенную разницу в выражении на них одной и той же мысли. Например,

у А. Ю. Аврутина (при этом не будем забывать, что данный автор все же русскоязычный):

Судьба моя! Мой беспокойный лёс⁶
Я здесь родился, рос, набрался силы.
Мне белый аист сыновей принес,
Сыноў прынёс мне бусел белакрылы... [37, с. 279].

Как видим, слова, сказанные дважды на разных языках, отнюдь не воспринимаются в качестве повторов, поскольку привносят в текст глубину и нелинейность, отражающие многоплановость судьбы, и тем самым эмоционально обогащают восприятие читателя.

Билингвизм и культурная рефлексия над языком

Спецификой культуры билингвального общества является то обстоятельство, что языковые процессы и феномены выступают предметом рефлексивного осмысления, в то время как монолингвальная языковая ситуация никак не провоцирует эту рефлексию в культуре.

Рефлексия над языковой ситуацией приводит к тому, что те проблемы, которыми обычно занимаются лингвисты, превращаются в языковой вопрос, неизменно находящийся в фокусе внимания общественности и становящийся предметом широких дискуссий.

Например, применительно к белорусской культурной ситуации А. А. Сомин, анализируя комментарии к публикациям в интернет-СМИ, обнаруживает следующее: «...для того чтобы в комментариях к новостной статье обсуждались социолингвистические проблемы, вовсе не обязательно, чтобы исходный материал также был посвящен социолингвистике: иногда достаточно лишь того, чтобы он был написан по-белорусски», т. е. триггером, провоцирующим обсуждение проблем двуязычия, выступает «сам факт

публикации белорусскоязычной статьи» [38, с. 80]. Комментарии «к тематически нейтральным, но написанным по-белорусски статьям» позволяют получить информацию «о языковой рефлексии в ситуации двуязычия» [38, с. 62]. Тот же эффект наблюдается применительно и к русскоязычным публикациям, касающимся общекультурных (не сугубо языковых) вопросов: так, в отношении комментариев к статье К. Лашкевича «Беларусь на пути белорусизации» Н. Б. Мечковская отмечает, что в количественном отношении первое место занимают комментарии, посвященные собственно языку (в том числе выбору языка, что выражается в его оценке вплоть до замечаний и упреков), в то время как комментарии, посвященные собственно статье и высказанным в ней идеям, оказываются на заднем плане [39, с. 262]. По наблюдениям А. А. Сомин, «большая часть комментариев... относится либо к теме, которую можно условно описать как “белорусского языка слишком мало”, либо к теме “белорусского языка слишком много”» [38, с. 69], что, безусловно, говорит о яркой акцентуации данного вопроса.

Открытое мышление: кросс-культурный процесс как диалог полиглотов

Билингвы и полилингвы необычайно важны в истории человечества в контексте кросс-культурных взаимодействий (тем более при цивилизационных контактах), потому что являются мощным фактором обеспечения взаимопонимания. Книга М. Эрарда «Феномен полиглотов» имеет в английском оригинале точное и экспрессивное название *Babel no more*. Если Вавилонская башня не состоялась в силу того, что Бог наложил проклятие многоязычия на людей, желавших доказать свое могущество строительством башни до неба, то сегодня благодаря билингвам и полилингвам такая взаимная «немота» в принципе невозможна [40, с. 20].

Жу Хуа определяет механизм межкультурной коммуникации как язык в действии [41]. С точки

зрения М. Клайна, коммуникации между культурами и языками осуществимы только как «диалог полиглотов» [42, р. 52]. Некоторые эксперты полагают даже, что в настоящий момент «наряду с информационной революцией общество претерпевает языковую революцию, ядром которой являются социально-коммуникативные аспекты билингвизма» [43, с. 386].

К. Майерс-Скоттон полагает, что переключение языкового кода⁷ позволяет билингвам не только взаимодействовать в разговоре возможности двух языков, но и апеллировать к ценностям обеих стоящих за языками культур, что позволяет установить более тесный эмоциональный контакт и достичь более глубокого взаимопонимания [45]. В. Б. Гюдаикюнст отмечает тот факт, что переключение кода позво-

⁶Особенно трогательно, что, выделяя курсивом белорусские лексемы, автор делает это далеко не всегда, так как не воспринимает их как чужеродные.

⁷В основе речевого поведения билингва лежит сложный механизм переключения кода, который не тождествен просто переходу с одного языка на другой, а предполагает возможность параллельного использования каждого в конкретной разговорной ситуации. Переключение кода позволяет применять элементы одного языка (морфемы, слова, словосочетания и предложения) в речевой практике, осуществляемой на другом языке. Важно, что в процессе переключения кодов билингв не нарушает правил ни того, ни другого языка, но создает интегральную конструкцию, где задействованы ресурсы обоих. По оценке Ш. Поплак, «именно эквивалентность ограничений в переключении кода может быть использована как мера степени способности двуязычия» [44, р. 581].

ляет преодолевать различия и тем самым облегчает межличностные и межгрупповые коммуникации [30]. Е. Хеллер усматривает в переключении кода потенциал, позволяющий говорить о его возможной роли в управлении конфликтом [46, р. 77–96]. В этом плане его эффективность может стать основой и служить показателем успешности переговоров [45, р. 151–186] и даже рассматриваться в контексте политико-экономических процессов [47, р. 245–264]. В свете этого Дж. Камминс полагает, что программа современного образования должна строиться на билингвальной основе [48, р. 56–66].

Социокультурный потенциал билингвизма гораздо шире, нежели только возможность переводов, хотя в отношении переводчиков Дж. Эдвардс отмечает, что именно их работа «позволяет преодолевать границы» [17, р. 39]. Дж. Эдвардс указывает также на особое «психологическое состояние индивида, который имеет доступ к более чем одному лингвистическому коду как к средству социальной коммуникации» [34, р. 28–42]. Ряд современных психологов (Дж.-М. Дюваль, Дж. Лэйк, К. Чен, А. М. Падилла) даже вводят понятие позитивной психологии в контексте позитивного двуязычия и бикультурализма [49–51].

Главное свойство сознания билингва – это его пластичность, сформированная (натренированная, выработанная) в процедурах переключения кода. Так, У. Вайнрайх отмечает легкость переключения сознания у билингвов [4, с. 130–131], М. Эрард применяет к полиглотам еще более выразительную формулировку: «...гиперполиглоты – это аватары того, что я называю стремлением к гиперпластичности» [40, с. 24].

Значение имеет не только психологический, но и когнитивный срез этого состояния. Т. Парсонс отмечал: «...смыслы и намерения поступков выражаются в терминах символических систем (включая коды, посредством которых они реализуются в соответствующих образцах); универсальной для всех человеческих обществ символической системой является язык» [52, с. 94]. Тем самым язык участвует в построении индивидуальной картины мира.

Согласно концепции социального конструирования реальности, предложенной П. Бергером и Т. Лукманом, в сложном процессе выстраивания соотношения между реальностью и знанием (равно как и между знанием и реальностью) язык играет не последнюю роль: «...благодаря лингвистической объективации, даже когда я говорю с самим собой в уединенном размышлении, в любой момент весь мир может предстать передо мной» [53, с. 69]. Это значит, что если «лингвистическая объективация» очерчивает (детерминирует) в каждом конкретном случае знание «моей ситуации и ее пределов»

[53, с. 72], то в различных языковых объективациях ситуация может не только поворачиваться различными гранями, но и конфигурироваться по-иному, расширяя интерпретационный потенциал и, соответственно, когнитивные возможности в целом.

Еще Л. В. Щерба, говоря о двуязычии, отмечал, что, «сравнивая детально разные языки, мы разрушаем ту иллюзию, к которой нас приучает знание лишь одного языка, – иллюзию, будто существуют неизблемые понятия, которые одинаковы для всех времен и для всех народов, – в результате получается освобождение мысли из плена слова, из плена языка» [54, с. 316–317]. Е. Биляйсток и К. Хакьюта отмечают открытую для билингва возможность сказать обо всем другими словами [55].

Можно заключить, что билингвальность фактически инспирирует рефлексивное осмысление собственной речевой практики, а с ней – и языковой картины мира, и соотношения ее с реальностью. Фактически это уже постановка основного вопроса философии – о степени адекватности отражения сознанием действительности – в его индивидуальном измерении. Так, говоря о параллельном освоении разных языков, Л. В. Щерба фиксирует то обстоятельство, что «оно приучает к анализу мысли посредством анализа средств выражения» [56, с. 68], потому при смешанном типе двуязычия «самый факт постоянного чередования двух языковых форм все время побуждает к сравнению, а следовательно, и к большему осознанию их значения» [54, с. 315].

Все это позволяет сделать далеко идущие выводы о естественных билингвах, изначально выросших в разноязычном контексте. Нельзя не признать, что для них с детства инструментально валидны нетождественные варианты кодировки познаваемого материала, а значит, и индивидуальной картины мира, складываемой на основе данной информации. Это позволяет увидеть мир по-разному, более объемно и многоаспектно, т. е. более адекватно. Иными словами, билингв более, нежели монолингв, открыт возможности принять вариативность истолкования происходящего, будучи в определенной мере – и психологически, и инструментально – защищенным от односторонней предвзятости.

Это не беспредметно. В. Гумбольдт писал: «В каждом языке заложено самобытное мирозерцание. Как отдельный звук встает между предметом и человеком, так и весь язык в целом выступает между человеком и природой, воздействующей на него изнутри и извне... И каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [57, с. 80].

Именно выход в другой круг позволяет посмотреть на мир по-другому – увидеть другой мир, понять мир другого.

Даже выучивание иностранного языка (искусственный билингвизм) К. Ломб расценивает как «путь от непонимания через полупонимание к полному пониманию», являющий собой «для взрослого

человека – волнующий, интересный... маршрут, достойный развитости его духа» [58, с. 176].

И как билингвы-переводчики нужны миру для специально организованных ситуаций, так билингвы естественные самим фактом своего существования выступают одним из факторов толерантной реализации истории.

Библиографические ссылки

1. Бодуэн де Куртэнэ ИА. О смешанном характере всех языков. В: Григорьев ВП, Леонтьев АА, составители. *Избранные труды по общему языкознанию. Том 1*. Москва: Академия наук СССР; 1963. с. 362–372.
2. Иванов ВВ. Контакты языковые. В: Ярцева ВН, редактор. *Лингвистический энциклопедический словарь* [Интернет; процитировано 26 июля 2022 г.]. Доступно по: <http://tapemark.narod.ru/les/237b.html/>.
3. Thomason SG. *Language contact: an introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press; 2001. 320 p.
4. Вайнрайх У. *Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования*. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртэнэ; 2000. 264 с.
5. Ярцева ВН. Теория взаимодействия языков и работа У. Вайнрайха «Языковые контакты». В: Вайнрайх У. *Языковые контакты: состояние и проблемы исследования*. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртэнэ; 2000. с. 5–17.
6. Багана Ж, Хапилина ЕВ. *Контактная лингвистика. Взаимодействие языков и билингвизм*. Москва: Флинта; 2016. 126 с.
7. Winford D. *An introduction to contact linguistics*. Bodmin: MPG Books Publishing Ltd.; 2003. 440 p.
8. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие. В: Розенцвейг ВЮ, редактор. *Новое в лингвистике. Выпуск 6. Языковые контакты*. Москва: Прогресс; 1972. с. 25–61.
9. Grosjean F. Bicultural bilinguals. *International Journal of Bilingualism*. 2015;19(5):572–586.
10. House J. What is an «intercultural speaker»? In: Alcón-Soler E, Safont JMP, editors. *Intercultural language use and language learning*. Dordrecht: Springer; 2007. p. 7–21.
11. Soffietti J. Bilingualism and biculturalism. *Journal of Educational Psychology*. 1955;46(4):222–227.
12. Хауген Э. Языковой контакт. В: Розенцвейг ВЮ, редактор. *Новое в лингвистике. Выпуск 6. Языковые контакты*. Москва: Прогресс; 1972. с. 61–80.
13. Grosjean F. Living with two languages and two cultures. In: Parasnis I, editor. *Cultural and language diversity. Reflections on the deaf experience*. Cambridge: Cambridge University Press; 1996. p. 20–37.
14. Малажай ГМ, Багдановіч Максім Адамавіч, У: Сачанка Бі, Міхневіч АЯ, рэдактары. *Беларуская мова: энцыклапедыя*. Мінск: Беларуская энцыклапедыя; 1994. с. 65–67.
15. Багдановіч МА. За тры гады. Агляд беларускай краснай пісьменнасці 1911–1913 гг. У: Багдановіч МА. *Збор твораў у двух тамах. Том 2*. Лынькоў МЦ, Пшыркоў ЮС, рэдактары. Мінск: Навука і тэхніка; 1968. с. 128–133.
16. Гофман И. *Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта*. Москва: Институт социологии РАН; 2004. 752 с.
17. Edwards J. The importance of being bilingual. In: Dewaele JM, Housen A, Wei L, editors. *Bilingualism: beyond basic principles. Festschrift in honour of Hugo Baetens Beardsmore*. Clevedon: Multilingual Matters; 2003. p. 28–42.
18. Namers JF, Blanc M. *Bilinguality and bilingualism*. Cambridge: Cambridge University Press; 1989. 477 p.
19. Becker K. Spanish/English bilingual code switching: a syncretic model. *Bilingual Review*. 1999;22(1):3–31.
20. Вок ФК. Структура общества и структура языка. В: Чемоданов НС, редактор. *Новое в лингвистике. Выпуск 7. Социоллингвистика*. Москва: Прогресс; 1975. с. 382–396.
21. Gal S. Peasant men can't get wives: language change and sex roles in a bilingual community. *Language in Society*. 1978;7(1):1–16.
22. Алпатов ВМ. Как говорят женщины и мужчины. В: *Altaica-2008*. Москва: Институт востоковедения РАН; 2008. с. 52–58.
23. Rose F. The interaction of genderlects with grammatical gender. In: *Book of abstracts of the 48th Annual meeting of the societas linguistica Europaea; 2015 September 2–5; Leiden, Zuid-Holland*. Leiden: Leiden University Centre for Linguistics; 2015. p. 133–134.
24. Igartua I. Feminine animacy in the Slavic languages. In: *Book of abstracts of the 48th Annual meeting of the societas linguistica Europaea; 2015 September 2–5; Leiden, Zuid-Holland. Book of abstracts*. Leiden: Leiden University Centre for Linguistics; 2015. p. 71.
25. Гарбацкі У. *Аб фемінізацыі беларускай мовы: фемінізацыя potina agentis і пэўных іншых катэгорый у сучаснай беларускай мове* [Інтэрнэт]. 2012 [працагавана 25 мая 2022 г.]. Даступна па: <https://www.smashwords.com/extreader/read/251752/2/ab-feminizacyi-belaruskaj-movy-feminizacya-nomina-agentis-i->
26. Gallois C, Ogay T, Giles H. Communication accommodation theory: a look back and a look ahead. In: Gudykunst WB, editor. *Theorizing about intercultural communication*. Thousand Oaks: SAGE Publications Inc.; 2005. p. 121–148.
27. Giles H. Communication accommodation theory. In: Reis HT, Sprecher S, editors. *Encyclopedia of human relationships. Volume 1*. Los Angeles: SAGE Publications Inc.; 2009. p. 265–267.
28. Giles H, Ogay T. Communication accommodation theory. In: Whaley BB, Samter W, editors. *Explaining communication: contemporary theories and exemplars*. Mahwah: Lawrence Erlbaum; 2007. p. 293–310.
29. Hewstone M, Giles H. Social groups and social stereotypes. In: Coupland N, Jaworski A, editors. *Sociolinguistics: a reader*. New York: St. Martin's Press; 1997. p. 270–283.

30. Gudykunst WB. *Bridging differences: effective intergroup communication*. Thousand Oaks: SAGE Publications Inc.; 2012. 448 p.
31. Mous M. *The making of a mixed language. The case of Ma'a/Mbugu*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company; 2003. 322 p.
32. Abu-Lughod L, Lutz C. Introduction: emotions, discourse and the politics of everyday life. In: Lutz C, Abu-Lughod L, editors. *Language and the politics of motion*. Cambridge: Cambridge University Press; 1990. p. 1–23.
33. Resnik P. *Multilinguals' verbalisation and perception of emotions*. Bristol: Multilingual Matters; 2018. 298 p.
34. Grosjean F. The bilingual as a person. In: Titone R, editor. *On the bilingual person*. Toronto: Biblioteca di Quaderni d'italianistica; 1989. p. 35–54.
35. Bain B, Yu A. The development of the body percept among working- and middle-class unilinguals and bilinguals. In: Titone R, editor. *On the bilingual person*. Toronto: Biblioteca di Quaderni d'italianistica; 1989. p. 110–134.
36. Аврутин АЮ. *Две сущности бытия. Из новых стихов* [Интернет; процитировано 26 июля 2022 г.]. Доступно по: <https://www.rospisatel.ru/avrutin-novoje4.htm>.
37. Аврутин АЮ. *Зеленый край... Щемящие слова... В: Аврутин АЮ. Наедине с молчанием: книга поэзии*. Минск: Мастацкая літаратура; 2007. 223 с.
38. Сомин АА. Языковая рефлексия в современной Беларуси сквозь призму комментариев в интернет-СМИ. *Вестник РГТУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2015;1:62–86.
39. Мячкоўская НБ. Народная лінгвістыка ў беларускім інтэрнэце: метамоўная рэфлексія і моўнае самавызначэнне. У: Запрудскі СМ, Цыхун ГА, рэдактары. *Новае слова ў мовазнаўстве: матэрыялы V Міжнароднага кангрэса беларусістаў «Новае слова ў беларусістыцы»; 20–21 мая 2010 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: Четыре четверти; 2012. с. 260–272.
40. Эрард М. *Феномен полиглотов*. Москва: Alpina Business Books; 2013. 384 с.
41. Zhu Hua. *Exploring intercultural communication: language in action*. London: Routledge; 2018. 304 p.
42. Clyne M. Towards a more language-centred approach to plurilingualism. In: Dewaele JM, Housen A, Wei L, editors. *Bilingualism: beyond basic principles. Festschrift in honour of Hugo Baetens Beardsmore*. Clevedon: Multilingual Matters Ltd.; 2003. p. 43–55.
43. Булгарова БА, Брагина МА, Новосёлова НВ, Золотых ЕА. Теоретико-методологические основы классификации и типологизации билингвизма. *Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*. 2017;14(3):384–392.
44. Poplack S. Sometimes i'll start a sentence in Spanish y termino en espanol: toward a typology of code-switching. *Linguistics*. 1980;18(7–8):581–618. DOI: 10.1515/ling.1980.18.7-8.581.
45. Myers-Scotton C. Codeswitching as indexical of social negotiations. In: Heller M, editor. *Codeswitching: anthropological and sociolinguistic perspectives*. Berlin: Mouton de Gruyter Publisher; 1988. p. 151–186.
46. Heller M. Strategic ambiguity: codeswitching in the management of conflict. In: Heller M, editor. *Codeswitching: anthropological and sociolinguistic perspectives*. Berlin: Mouton de Gruyter Publisher; 1988. p. 77–96.
47. Gal S. The political economy of code choice. In: Heller M, editor. *Codeswitching: anthropological and sociolinguistic perspectives*. Berlin: Mouton de Gruyter Publisher; 1988. p. 245–264.
48. Cummins J. Bilingual education: basic principles. In: Dewaele JM, Housen A, Wei L, editors. *Bilingualism: beyond basic principles. Festschrift in honour of Hugo Baetens Beardsmore*. Clevedon: Multilingual Matters; 2003. p. 56–66.
49. Chen X, Padilla AM. Role of bilingualism and biculturalism as assets in positive psychology: conceptual dynamic GEAR Model. *Frontieres in Psychology* [Internet]. 2019 [cited 2022 July 26]. Available from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC6798053/#>. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.02122.
50. Dewaele JM, Chen X, Padilla AM, Lake J. The flowering of positive psychology in foreign language teaching and acquisition research. *Frontieres in Psychology* [Internet]. 2019 [cited 2022 July 26]. Available from: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/31607981/>. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.02128.
51. Padilla AM, Chen X, Lake J. Editorial: positive psychology and learning a second or third language. *Frontieres in Psychology* [Internet]. 2020 [cited 2022 July 26]. Available from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7645028/>. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.599326.
52. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения. *Thesis*. 1993;2:94–122.
53. Бергер П, Лукман Т. *Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания*. Москва: Медиум; 1995. 323 с.
54. Щерба ЛВ. К вопросу о двуязычии. В: Щерба ЛВ. *Языковая система и речевая деятельность*. Ленинград: Наука; 1974. с. 313–318.
55. Bialystok E, Hakuta K. *In other words*. New York: Basic Books; 1994. 246 p.
56. Щерба ЛВ. О понятии смешения языков. В: Щерба ЛВ. *Языковая система и речевая деятельность*. Ленинград: Наука; 1974. с. 60–74.
57. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества (1830–1835). В: Гумбольдт В. *Избранные труды по языкознанию*. Москва: Прогресс; 1984. с. 37–297.
58. Ломб К. *Как я изучаю языки. Заметки полиглота*. Москва: Манн, Иванов и Фербер; 2017. 240 с.

References

1. Baudouin de Courtenay IA. [On the mixed character of all languages]. In: Grigor'ev VP, Leont'ev AA, compilers. *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu. Tom 1* [Selected works on general linguistics. Volume 1]. Moscow: Akademiya nauk SSSR; 1963. p. 362–372. Russian.
2. Ivanov VV. [Language contacts]. In: Yartseva VN, editor. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary] [Internet; cited 2022 July 26]. Available from: <http://tapemark.narod.ru/les/237b.html>. Russian.
3. Thomason SG. *Language contact: an introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press; 2001. 320 p.
4. Weinreich U. *Language contacts. Status and research problems*. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk' Humanitarian College named after I. A. Baudouin de Courtenay; 2000. 264 p. Russian.

5. Yartseva VN. [Theory of language interaction and the of U. Weinreich's work «Language contacts»]. In: Weinreich U. *Yazykovye kontakty: sostoyanie i problemy issledovaniya* [Language contacts: state and problems of research]. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk' Humanitarian College named after I. A. Baudouin de Courtenay; 2000. p. 5–17. Russian.
6. Bagana Zh, Khapilina EV. *Kontaktynaya lingvistika. Vzaimodeistvie yazykov i bilingvizm* [Contact linguistics. Interaction of languages and bilingualism]. Moscow: Flinta; 2016. 126 p. Russian.
7. Winford D. *An introduction to contact linguistics*. Bodmin: MPG Books Publishing Ltd.; 2003. 440 p.
8. Weinreich U. [Monolingualism and multilingualism]. In: Rozentsveig VYu, editor. *Novoe v lingvistike. Vypusk 6. Yazykovye kontakty* [New in linguistics. Issue 6. Language contacts]. Moscow: Progress; 1972. p. 25–61. Russian.
9. Grosjean F. Bicultural bilinguals. *International Journal of Bilingualism*. 2015;19(5):572–586.
10. House J. What is an «intercultural speaker»? In: Alcón-Soler E, Safont JMP, editors. *Intercultural language use and language learning*. Dordrecht: Springer; 2007. p. 7–21.
11. Soffietti J. Bilingualism and biculturalism. *Journal of Educational Psychology*. 1955;46(4):222–227.
12. Haugen E. [Linguistic contact]. In: Rozentsveig VYu, editor. *Novoe v lingvistike. Vypusk 6. Yazykovye kontakty* [New in linguistics. Issue 6. Language contacts]. Moscow: Progress; 1972. p. 61–80. Russian.
13. Grosjean F. Living with two languages and two cultures. In: Parasnis I, editor. *Cultural and language diversity. Reflections on the deaf experience*. Cambridge: Cambridge University Press; 1996. p. 20–37.
14. Malazhaj GM, Bagdanovich Maksim Adamavich. In: Sachanka BI, Mihnevich AJa, editors. *Belaruskaja mova: jencyklapedyja* [Belarusian language: an encyclopedia]. Minsk: Belaruskaja jencyklapedyja; 1994. p. 65–67. Belarusian.
15. Bagdanovich MA. [In three years. Overview of Belarusian writing 1911–1913]. In: Bagdanovich MA. *Zbor tvoraw u dvuh tamah. Tom 2* [Collected works in 2 volumes. Volume 2]. Lyn'kow MC, Pshyrkow JuS, editors. Minsk: Navuka i tjehnika; 1968. p. 128–133. Belarusian.
16. Goffman I. *Analiz freimov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta* [Analysis of frames: an essay on the organisation of everyday experience]. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; 2004. 752 p. Russian.
17. Edwards J. The importance of being bilingual. In: Dewaele JM, Housen A, Wei L, editors. *Bilingualism: beyond basic principles. Festschrift in honour of Hugo Baetens Beardsmore*. Clevedon: Multilingual Matters; 2003. p. 28–42.
18. Hamers JF, Blanc M. *Bilinguality and bilingualism*. Cambridge: Cambridge University Press; 1989. 477 p.
19. Becker K. Spanish/English bilingual code switching: a syncretic model. *Bilingual Review*. 1999;22(1):3–31.
20. Wokh FK. [The structure of society and the structure of language]. In: Chemodanov NS, editor. *Novoe v lingvistike. Vypusk 7. Sotsiolingvistika* [New in linguistics. Issue 7. Sociolinguistics]. Moscow: Progress; 1975. p. 382–396. Russian.
21. Gal S. Peasant men can't get wives: language change and sex roles in a bilingual community. *Language in Society*. 1978;7(1):1–16.
22. Alpatov VM. [As women and men say]. In: *Altaica-2008*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; 2008. p. 52–58. Russian.
23. Rose F. The interaction of genderlects with grammatical gender. In: *Book of abstracts of the 48th Annual meeting of the societas linguistica Europaea; 2015 September 2–5; Leiden, Zuid-Holland*. Leiden: Leiden University Centre for Linguistics; 2015. p. 133–134.
24. Igartua I. Feminine animacy in the Slavic languages. In: *Book of abstracts of the 48th Annual meeting of the societas linguistica Europaea; 2015 September 2–5; Leiden, Zuid-Holland*. Leiden: Leiden University Centre for Linguistics; 2015. p. 71.
25. Garbacki U. *Ab fjeminizacyi belaruskaj movy: fjeminizacyja nomina agentis i pjewnyh inshyh katjegyryj u suchasnej belaruskaj move* [On feminisation of the Belarusian language: feminisation of nomina agentis and certain other categories in the modern Belarusian language] [Internet]. 2012 [cited 2022 May 25]. Available from: <https://www.smashwords.com/extreader/read/251752/2/ab-feminizacyi-belaruskaj-movy-feminizacya-nomina-agentis-i->. Belarusian.
26. Gallois C, Ogay T, Giles H. Communication accomodation theory: a look back and a look ahead. In: Gudykunst WB, editor. *Theorizing about intercultural communication*. Thousand Oaks: SAGE Publications Inc.; 2005. p. 121–148.
27. Giles H. Communication accommodation theory. In: Reis HT, Sprecher S, editors. *Encyclopedia of human relationships. Volume 1*. Los Angeles: SAGE Publications Inc.; 2009. p. 265–267.
28. Giles H, Ogay T. Communication accommodation theory. In: Whaley BB, Samter W, editors. *Explaining communication: contemporary theories and exemplars*. Mahwan: Lawrence Erlbaum; 2007. p. 293–310.
29. Hewstone M, Giles H. Social groups and social stereotypes. In: Coupland N, Jaworski A, editors. *Sociolinguistics: a reader*. New York: St. Martin's Press; 1997. p. 270–283.
30. Gudykunst WB. *Bridging differences: effective intergroup communication*. Thousand Oaks: SAGE Publications Inc.; 2012. 448 p.
31. Mous M. *The making of a mixed language. The case of Ma'a/Mbugu*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company; 2003. 322 p.
32. Abu-Lughod L, Lutz C. Introduction: emotions, discourse and the politics of everyday life. In: Lutz C, Abu-Lughod L, editors. *Language and the politics of motion*. Cambridge: Cambridge University Press; 1990. p. 1–23.
33. Resnik P. *Multilinguals' verbalisation and perception of emotions*. Bristol: Multilingual Matters; 2018. 298 p.
34. Grosjean F. The bilingual as a person. In: Titone R, editor. *On the bilingual person*. Toronto: Biblioteca di Quaderni d'italianistica; 1989. p. 35–54.
35. Bain B, Yu A. The development of the body percept among working- and middle-class unilinguals and bilinguals. In: Titone R, editor. *On the bilingual person*. Toronto: Biblioteca di Quaderni d'italianistica; 1989. p. 110–134.
36. Avrutin AYu. Two essences of being. From new verses [Internet; cited 2022 July 26]. Available from: <http://sozvuchie.by/poeziya/anatolij-avrutin-dve-sushchnosti-bytiya-iz-novykh-stikhov.html>. Russian.
37. Avrutin AYu. [Green edge... Aching words...]. In: Avrutin AYu. *Naedine s molchaniem: kniga poezii* [Alone with silence: a book of poetry]. Minsk: Mastackaja litaratura; 2007. 223 p. Russian.
38. Somin AA. [Linguistic reflection in modern Belarus through the prism of comments in online media]. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*. 2015;1:62–86. Russian.

39. Mjachkowskaja NB. [Folk linguistics in the Belarusian Internet: metalinguistic reflection and linguistic self-determination]. In: Zaprudski SM, Cyhun GA, editors. *Novae slova w movaznawstve: matjeryjaly V Mizhnarodnaga kangrjesa belarusistaw «Novae slova w belarusistyca»; 20–21 maja 2010 g.; Minsk, Belarus'* [New word in linguistics: materials of 5th International congress of Belarusianists «New word in Belarusian studies»; 2010 May 20–21; Minsk, Belarus]. Minsk: Chetyre chetverti; 2012. p. 260–272. Belarusian.
40. Erard M. *Fenomen poliglotow* [The polyglot phenomenon]. Moscow: Alpina Business Books; 2013. 384 p. Russian.
41. Zhu Hua. *Exploring intercultural communication: language in action*. London: Routledge; 2018. 304 p.
42. Clyne M. Towards a more language-centred approach to plurilingualism. In: Dewaele JM, Housen A, Wei L, editors. *Bilingualism: beyond basic principles. Festschrift in honour of Hugo Baetens Beardsmore*. Clevedon: Multilingual Matters Ltd.; 2003. p. 43–55.
43. Bulgarova BA, Bragina MA, Novoselova NV, Zolotykh EA. Classification and typology of bilingualism. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*. 2017;3:384–392. Russian.
44. Poplack S. Sometimes i'll start a sentence in Spanish y termino en espanol: toward a typology of code-switching. *Linguistics*. 1980;18(7–8):581–618. DOI: 10.1515/ling.1980.18.7-8.581.
45. Myers-Scotton C. Codeswitching as indexical of social negotiations. In: Heller M, editor. *Codeswitching: anthropological and sociolinguistic perspectives*. Berlin: Mouton de Gruyter Publisher; 1988. p. 151–186.
46. Heller M. Strategic ambiguity: codeswitching in the management of conflict. In: Heller M, editor. *Codeswitching: anthropological and sociolinguistic perspectives*. Berlin: Mouton de Gruyter Publisher; 1988. p. 77–96.
47. Gal S. The political economy of code choice. In: Heller M, editor. *Codeswitching: anthropological and sociolinguistic perspectives*. Berlin: Mouton de Gruyter Publisher; 1988. p. 245–264.
48. Cummins J. Bilingual education: basic principles. In: Dewaele JM, Housen A, Wei L, editors. *Bilingualism: beyond basic principles. Festschrift in honour of Hugo Baetens Beardsmore*. Clevedon: Multilingual Matters; 2003. p. 56–66.
49. Chen X, Padilla AM. Role of bilingualism and biculturalism as assets in positive psychology: conceptual dynamic GEAR Model. *Frontiers in Psychology* [Internet]. 2019 [cited 2022 July 26]. Available from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC6798053/#>. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.02122.
50. Dewaele JM, Chen X, Padilla AM, Lake J. The flowering of positive psychology in foreign language teaching and acquisition research. *Frontiers in Psychology* [Internet]. 2019 [cited 2022 July 26]. Available from: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/31607981/>. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.02128.
51. Padilla AM, Chen X, Lake J. Editorial: positive psychology and learning a second or third language. *Frontiers in Psychology* [Internet]. 2020 [cited 2022 July 26]. Available from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7645028/>. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.599326.
52. Parsons T. [The concept of society: components and their relationships]. *Thesis*. 1993;2:94–122. Russian.
53. Berger P, Luckmann T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: traktat po sotsiologii znaniya* [The social construction of reality: a treatise in the sociology of knowledge]. Moscow: Medium; 1995. 323 p. Russian.
54. Shcherba LV. [On the issue of bilingualism]. In: Shcherba LV. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad: Nauka; 1974. p. 313–318. Russian.
55. Bialystok E, Hakuta K. *In other words*. New York: Basic Books; 1994. 246 p.
56. Shcherba LV. [On the concept of mixing languages]. In: Shcherba LV. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad: Nauka; 1974. p. 60–74. Russian.
57. Humboldt W. [About the difference in the structure of human languages and its influence on the spiritual development of mankind (1830–1835)]. In: Humboldt W. *Izbrannnye trudy po yazykoznaniyu* [Selected works on linguistics]. Moscow: Progress; 1984. p. 37–297. Russian.
58. Lomb K. *Kak ya izuchayu yazyki. Zametki poliglota* [How I study languages. Notes of a polyglot]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber; 2017. 240 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 27.07.2022.
Received by the editorial board 27.07.2022.

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК 29

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО МНОГООБРАЗИЯ

В. А. МАРТИНОВИЧ¹⁾

¹⁾Минская духовная академия, ул. Зыбицкая, 27, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируется феномен религиозного многообразия как предмет социологического изучения. Показывается, что многочисленные теоретические и эмпирические исследования религиозного многообразия в разных странах не смогли выйти на уровень анализа уникальной конфигурации генеральной совокупности религиозных организаций, действующих на их территории. Обосновывается значение такого анализа для социологии религии. Подчеркивается зависимость некоторых направлений социологического исследования религии от успешного изучения совокупности религиозных организаций. Выявляются методологические проблемы при эмпирическом анализе религиозного многообразия, обусловленные спецификой новых религиозных движений. Особое внимание уделяется анализу понятийного аппарата, организации сбора релевантных данных на разных информационных площадках и идентификации разных типов документов новых религиозных движений. Акцентируется внимание на введении в научный оборот информации о ранее не изученных религиозных движениях. Показывается, что в социологии религии не существует доказуемо эффективной методологии исследования религиозного многообразия, однако ее разработка неизбежно предполагает разрешение ряда методологических проблем. Утверждается, что изучение религиозного многообразия относится к группе наиболее сложных лонгитюдных исследований, обладающих значительным эвристическим потенциалом.

Ключевые слова: социология религии; религиозное многообразие; конфессиональное пространство; новые религиозные движения.

Образец цитирования:

Мартинovich В.А. Методологические проблемы изучения религиозного многообразия. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2022;3: 92–102.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-3-92-102>

For citation:

Martinovich VA. Methodological problems of religious diversity research. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;3:92–102. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-3-92-102>

Автор:

Владимир Александрович Мартинович – доктор теологии, кандидат социологических наук; заведующий кафедрой апологетики.

Author:

Vladimir A. Martinovich, doctor of science (theology), PhD (sociology); head of the department of apologetics.
nrm2@yandex.ru

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF RELIGIOUS DIVERSITY RESEARCH

V. A. MARTINOVICH^a

^a*Minsk Theological Academy, 27 Zybickaja Street, Minsk 220030, Belarus*

This article is devoted to the analysis of the phenomenon of religious diversity as a subject of sociological research. It is shown that numerous theoretical and empirical studies of religious diversity in different countries have not been able to reach the level of analysis of the unique configuration of the general population of religious organisations operating on their territory. The significance of such an analysis for the sociology of religion is substantiated. The dependence of some areas of sociological analysis of religion on the successful study of the totality of different religious organisations that form the basis of religious diversity in the country is emphasised. A number of methodological problems arising from the empirical analysis of religious diversity and caused by the specifics of new religious movements are identified. Particular attention is paid to the analysis of problems in the area of conceptual apparatus, the organisation of the collection of relevant information on different information platforms and the identification of different types of new religious movements documents. Special attention is focused on the introduction into scientific circulation of information about previously unexplored new religious movements. It is shown that there is no provably effective methodology for studying religious diversity in the sociology of religion, but its development inevitably implies the resolution of most of the methodological problems described in the article. It is argued that the study of religious diversity belongs in the sociology of religion to the group of the most complex longitudinal studies with significant heuristic potential.

Keywords: sociology of religion; religious diversity; denominationalism; new religious movements.

Введение

В XX в. ученые констатировали потерю традиционными религиями монополии в большинстве стран и наступление эры свободного вероисповедания и религиозного плюрализма. Религиозное многообразие впервые стало объектом пристального внимания большого количества ученых. Появились работы, объясняющие дифференциацию конфессионального пространства в контексте всевозможных потрясений в XIX–XX вв., начались дискуссии о последствиях сосуществования множества религиозных групп. Религиозное многообразие выступало в качестве само собой разумеющегося, наблюдаемого и неоспоримого факта и не нуждалось в скрупулезных доказательствах. При анализе религиозной ситуации в разных странах перечислялся набор уже известных религиозных сообществ. В их

число входили все наиболее крупные официально зарегистрированные религиозные организации, реже – ограниченное количество новых религиозных движений (НРД). Анализ конфессиональной специфики региона сводился к описанию местной истории, базовых характеристик религиозных организаций, а также к изучению мнения их членов по разным вопросам. К началу XXI в. данная тема считалась хорошо изученной и не обладающей серьезным потенциалом, с чем невозможно согласиться. Настоящая статья посвящена проблематизации темы религиозного многообразия, а также исследованию методологических проблем, связанных с ее эмпирическим анализом. Материал не претендует на полноту охвата темы и вскрытие всех значимых ее составляющих.

Религиозное многообразие как предмет социологического исследования

Конфессиональное пространство включает в себя совокупность религиозных организаций, их филиалов и общин, действующих на территории той или иной страны, вне зависимости от наличия у них официальной регистрации. Оно является частью религиозного пространства, включающего также совокупность неорганизованных форм религиозности. Целостный анализ конфессионального пространства предусматривает изучение религиозного многообразия – совокупности религиозных организаций на территории страны (области, района, населенного пункта), но без учета их филиалов и общин. Религиозное многообразие отражает диапа-

зон вариативности представителей конфессионального пространства, а также степень его дифференциации.

Генеральная совокупность религиозных организаций образует уникальную конфигурацию религиозного многообразия в определенной местности. Религиозное многообразие не приводит к повсеместному тиражированию одинакового набора организаций, отличающихся лишь историей бытования в конкретной местности. Активная миграция религиозных организаций лишь до определенной степени сближает означенную конфигурацию по характеристикам с религиозным набором иных,

прежде всего соседних, стран. Однако решающее значение при ее формировании имеет процесс возникновения местных групп. При этом как мигрирующие, так и возникающие группы испытывают влияние социокультурных, религиозных, политических, экономических, правовых и иных традиций местности.

Сведения о максимальном числе количественных и качественных характеристик генеральной совокупности религиозных организаций на конкретной территории обладают большим эвристическим потенциалом. Эта информация необходима прежде всего для формирования репрезентативных выборочных совокупностей религиозных организаций в исследованиях конфессионального пространства. Также она способна вывести социологический анализ религиозности в любой стране на качественно иной уровень.

Данная информация представляет ценность по нескольким причинам. Во-первых, она наиболее точно отражает специфику и динамику конфессионального пространства. Ежегодно только в Беларуси появляется в среднем 30 новых религиозных групп, большинство из которых не изучены. Каждая из них имеет свое вероучение, структуру, методы работы, последователей и круг влияния. Появление новых религиозных групп остается практически незамеченным и вносит несущественные изменения в палитру действующих организаций. Однако в долгосрочной перспективе кумулятивный эффект от незначительных преобразований приводит к существенным сдвигам в конфессиональном пространстве. Внимание ученых к наиболее крупным группам не позволяет заметить масштабные изменения, охватывающие тысячи, а для некоторых стран и десятки тысяч средних и малых религиозных организаций. За последние 30 лет в сфере постоянного внимания белорусских ученых находилось не более 50 религиозных организаций¹, большинство из которых появились в стране в начале 1990-х гг., в то время как на 1 января 2022 г. документально зафиксированы 1142 НРД.

Во-вторых, информация об общем количестве религиозных организаций является основным показателем степени дифференциации конфессионального пространства и одновременно эмпирическим основанием для анализа данного феномена. Сосуществование пяти или десяти религиозных организаций на территории страны, например, с населением в 10 млн человек, свидетельствует о крайне низкой степени дифференциации и крайне узком диапазоне вариативности конфессионального пространства. Устойчивое увеличение количества религиозных организаций на той же территории вне

зависимости от числа их общин и членов будет маркером процесса прогрессирующей дифференциации конфессионального пространства и увеличения диапазона вариативности его представителей. Точные сведения о масштабах данного процесса позволяют изучить связанные с ним изменения в обществе.

В-третьих, количество религиозных групп является одним из показателей уровня религиозной активности населения. Деятельность НРД на территории любой страны в большинстве случаев предполагает определенный уровень поддержки со стороны местного населения. Принадлежность к традиционным религиям нормативна и нередко является частью семейной традиции и (или) следствием культурной самоидентификации. Создание НРД и участие в их деятельности связываются с определенным волевым усилием, особым вниманием к религиозной проблематике, освоением новых ценностей, установок, мотивов и моделей поведения, принятием нового религиозного учения, риском непонимания со стороны окружающих. Одинаковое поведение в виде регулярного посещения культового здания предполагает разный уровень усилий со стороны человека в зависимости от того, к какой религиозной организации он принадлежит. Кроме того, соблюдение внутренних норм и правил жизни в НРД часто требует от человека больших усилий, чем в традиционных религиях, а также предполагает более высокий уровень контроля со стороны НРД. Еще М. Вебер отмечал активный модус принадлежности к сектам в сравнении с пассивным членством в церквях.

В-четвертых, эта информация обладает определенным потенциалом для совершенствования методологии социологических исследований религии, например опросов, учитывающих религиозную самоидентификацию населения. Члены одних НРД при соцопросах идентифицируют себя в качестве представителей традиционных религий, члены других НРД позиционируют себя в качестве атеистов, неверующих либо неопределившихся, члены третьих НРД отказываются от участия в любых опросах. Религиозная самоидентификация может являться не только вопросом индивидуального самоопределения человека, но и проговариваемым в религиозной группе и интернализируемым человеком элементом религиозного учения либо частью предписываемой группой модели поведения. Показательно в этом отношении поведение членов секты хлыстов. «Хлысты в глазах мира являются добрыми христианами: посещают церковь, исповедуются и причащаются и вообще бывают, по видимому, лучшими прихожанами православных

¹Именно такое количество религиозных групп обсуждается в общественном дискурсе. На непостоянной основе, в том числе разово, упоминается значительно большее количество групп.

церквей, в душе презирая церковь, ее таинства и обряды... Хлыст непременно ответит, что он – православный из православных» [1, с. 42]. Соответственно, необходим анализ действительных масштабов распространения данного явления. При этом следует изучить политику всего диапазона религиозных организаций в отношении самоидентификации их членов.

В-пятых, без информации о генеральной совокупности религиозных организаций невозможен целостный анализ реакций социальных институтов на деятельность НРД. Социальные институты избирательно замечают религиозные группы и столь же селективно реагируют на них. При этом значительные сегменты конфессионального пространства остаются без внимания. Доминирующие и (или) наиболее распространенные в социальных институтах представления о религиозной ситуации в стране не представляют собой реальную картину. Все социальные акторы исходят из неартикулируемого и недоказуемого допущения о том, что известные им данные о конфессиональном пространстве репрезентативны. Только имея точные данные о диапазоне организаций, составляющих специфику религиозного многообразия на конкретной территории, можно выявить характер искажений, объяснить действия социальных акторов в конфессиональной сфере, выяснить степень результативности данных действий и разработать модель реакций общества на феномен религиозности в целом и нетрадиционной религиозности в частности.

В-шестых, информация о генеральной совокупности НРД позволяет спрогнозировать развитие межконфессиональных конфликтов. Вопреки широко распространенному мнению религиозное

многообразие не является показателем межконфессионального мира и согласия. Природа межконфессиональных конфликтов разнообразна, и для понимания большей части из них изучение религиозного многообразия не требуется. Одно из исключений составляют так называемые естественные конфликты, производные от борьбы за ресурсы, в первую очередь за последователей. В тех регионах и населенных пунктах страны, где рост и развитие одних религиозных групп становится возможным лишь за счет прозелитизма среди других конфессий, образуется потенциал для естественных межконфессиональных конфликтов. В этом случае информация о деятельности и масштабах влияния всех религиозных организаций страны, а не только самых крупных из них, позволяет спрогнозировать сложности в межконфессиональных отношениях. Однако для большинства стран бывшего СССР, за исключением ряда регионов Украины, естественные конфликты на религиозной почве нехарактерны, так как население достаточно индифферентно в религиозном плане, а источником пополнения НРД являются атеисты, неверующие и маловерующие. Исключение также составляют так называемые религиозные группы – антагонисты, находящиеся в состоянии перманентной войны друг с другом. Их появление на одной территории в большинстве случаев приводит к конфликтам разного уровня (например, НРД «международное общество сознания Кришны» противостоит ритвикам, саентология – движению «свободная зона»). Данные по генеральной совокупности религиозных организаций позволят выявить информацию обо всех известных группах – антагонистах и в определенной степени объяснить их действия.

Исследование религиозного многообразия

Попытки выявить генеральную совокупность религиозных организаций были редкими и никогда не достигали цели. Наиболее удачные из них получили отражение во всевозможных атласах, справочниках, реестрах, энциклопедиях и лексиконах религий, составители которых на высоком научном уровне описывали известные им религиозные организации. В зависимости от масштабов охватываемой территории данные издания могут быть разделены на две группы. К первой группе относятся те, которые с опорой на разные критерии описывают религиозные организации всего мира. Вторая группа представлена справочниками, посвященными описанию религиозной ситуации в одной или нескольких странах, которые имеют общую границу.

Основная масса справочников *первой группы* описывает сравнительно малое количество НРД и религий, не превышающее 200–300 наименова-

ний (например, энциклопедии П. Кларка [2], Р. Ландеса [3], Д. Льюиса [4] и др.). К числу объемных исследований относятся российские издания «Народы и религии мира» [5] и «Энциклопедия религий» [6] с описанием от 500 до 600 традиционных и нетрадиционных религий. Издание под редакцией Г. Мелтона и М. Баумана включает информацию о 1400 наиболее крупных религиозных группах всех типов [7]. Труд Й. Грюндлера «Лексикон христианских церквей и сект» содержит описание 2659 христианских организаций [8]. В работе [9] представлен обзор наиболее крупных христианских организаций, действующих в 243 странах, но основной акцент сделан на количестве их членов. В данной энциклопедии указано, что в Беларуси действует всего 11 христианских организаций, в то время как нами зафиксирована деятельность 107 христианских групп (без учета филиалов).

Самый крупный в мире реестр религиозных организаций был создан Союзом международных ассоциаций (СМА) в 1996 г.² Он поддерживается в электронном формате и включает информацию о более чем 4000 религиозных группах по всему миру. По каждой организации представлена краткая информация, указываются конфессиональная направленность, география деятельности, название на нескольких европейских языках, дата основания, адрес. Каждой группе присваивается уникальный код. Прекратившие работу организации не исключаются из списка. Несмотря на все достоинства реестра, он имеет ряд существенных недостатков, не позволяющих использовать его для исследования религиозного многообразия.

Во-первых, в реестре представлена информация о международных организациях всех типов, т. е. без акцента на религиозных группах. Имеются серьезные лакуны в сведениях по НРД международного и локального уровней. Так, в списке отсутствуют многие всемирно известные НРД («церковь сатаны», «семья», «народный храм» и др.). По данным реестра, в 1996 г. в Беларуси действовали всего 15 организаций, которые могут быть квалифицированы в качестве НРД³. Однако у нас есть оригинальные документы не менее 300 НРД, действовавших в стране в 1996 г. Во-вторых, данные по группам основываются на самоописании. Тематический индекс СМА не предполагает фиксации типа религиозной организации по любой из существующих в науке классификаций, а скорее отражает направления их деятельности. В-третьих, группы, принадлежащие одному НРД, но имеющие разную регистрацию и устав, позиционируются в реестре в качестве самостоятельных организаций. В базе СМА может упоминаться до нескольких десятков организаций в качестве разных религиозных групп с присвоением каждой уникального идентификационного номера, в то время как на самом деле все они являются представителями одного НРД. В результате неизвестно, какое количество действительно разных религиозных организаций зафиксировано в реестре. Таким образом, база СМА отражает не столько многообразие религиозных организаций мира, сколько вариативность официально зарегистрированных международных религиозных групп, проектов и инициатив.

Справочники *второй группы* предлагают более точную информацию о конфессиональном пространстве мира. Тем не менее они не описывают уникальную конфигурацию генеральной совокупности религиозных организаций.

Самая крупная белорусская энциклопедия на данную тему – «Рэлігія і царква на Беларусі» – содержит описание не более 100 групп [10]. Словарь-справочник «Религии России» дает краткую и достаточно точную информацию о 450 религиях и религиозных направлениях, многие из которых представлены всевозможными согласиями и толками в старообрядчестве, группами и течениями в православии, католицизме и протестантизме либо не актуальны для современной России, так как существовали до XX в. [11]. Издание «Атлас современной религиозной жизни России» фиксирует распределение разных религиозных организаций по российским регионам. В трех томах данной работы упоминается порядка 400 религиозных групп. В плане установления многообразия конфессионального пространства издание относится к числу лучших, так как наиболее полно описывает религиозные группы, действовавшие в конце XX – начале XXI в. в России [12]. Энциклопедия Г. Гаспера, Й. Мюллера и Ф. Валентин описывает не более 500 НРД для немецкоязычного пространства [13]. По количеству групп с ней сопоставим реестр НРД Германии Ф.-В. Хаака [14]. Оба издания являются наиболее полными справочниками по этому региону, но представляют информацию только о наиболее крупных НРД. Справочник И. Раймер [15] предлагает информацию о 1000 христианских организаций немецкоязычного пространства. В работе «Энциклопедия религий Америки» Г. Мелтона упоминаются 2300 групп всех типов для США и Канады [16]. Это самый полный справочник религиозных организаций по отдельной стране, но он не позволяет составить их генеральную совокупность с учетом размеров США.

В изданиях обеих групп основное внимание уделяется высокоорганизованным и наиболее устойчивым типам религиозных организаций – традиционным религиям, крупным деноминациям и НРД. Многие организации повторяются, так как в любой стране большинство высокоорганизованных религий появляется в результате миграции из-за рубежа, а возникающие на местах – представлены средне- и слабоорганизованными группами, сведения о которых редко попадают в справочники. Косвенным подтверждением неполноты таких изданий является наличие в нашем архиве оригинальных документов 950 НРД, созданных в России, 930 НРД, появившихся в США, и 700 НРД, зародившихся в Германии, значительная часть из которых не упоминается в справочниках.

Далеко не всегда ученые в ходе исследования стремились собрать информацию о генеральной совокупности действующих религиозных групп. Од-

²World guide to religious and spiritual organizations. München, 1996. 474 p.

³Ibid. P. 255.

нако в тех случаях, когда цель была именно такой, эксперты неизбежно сталкивались с серьезными методологическими проблемами при сборе и обработке информации. В данной статье сделан ак-

цент на анализе наиболее общих методологических проблем независимо от того, как конкретно ученым операционализировано понятие «религиозное многообразие».

Проблема сбора информации

Систематический мониторинг религиозного многообразия предполагает как обновление информации об уже известных религиозных группах, так и поиск документов по ранее не изученным организациям. Сбор информации по НРД усложняет их специфика. В ходе него специалисты сталкиваются с рядом проблем.

- Проведение соцопросов не позволяет добыть нужную информацию. Члены НРД неравномерно рассредоточены. Велика вероятность попадания членов некоторых НРД в выборку любого опроса, но вероятность попадания представителей значимого количества разных НРД в выборку стремится к нулю. Ряд НРД запрещают своим членам участвовать в опросах либо рекомендуют разными способами скрывать свою религиозную принадлежность. В некоторых случаях люди не воспринимают свое участие в НРД как принадлежность к религиозной организации. Информация от респондентов не является надежной.

- Не существует единой государственной, общественной или иной площадки, на которой НРД фиксируют факт своей работы. Сведения по официальной регистрации религиозных организаций не имеют существенного значения, так как большинство религиозных групп разных стран мира не регистрируются в качестве таковых, а действуют под видом общественных или коммерческих структур.

Необходимые сведения неравномерно представлены на разных типах информационных площадок.

- НРД неравномерно распределены в рамках разных географических ареалов, областей и районов страны.

- НРД хронологически непостоянны как в своей работе, так и в контактах с обществом. Срок деятельности этих движений в стране неизвестен, с течением времени могут меняться их выходные данные и приоритетные информационные площадки для внутренних и внешних коммуникаций. Процесс их публичной рекламы может быть сильно ограничен по времени. Так, объявление о мероприятиях конкретного НРД может вывешиваться всего на три-четыре дня, а затем исчезать на пять-десять лет, чтобы снова появиться на иной новостной платформе всего на несколько дней. Исчезновение какой-то группы из информационного пространства еще не означает, что она прекратила существование. Соответственно, единоразово задокументировать факт работы конкретного НРД намного проще, чем ежегодно находить сведения, подтверждающие его деятельность.

- Определенное количество НРД дистанцируются от общества и скрывают факт своего существования. Такие группы не оставляют практически никаких следов своей работы, узнать о них можно только в том случае, если кто-то из их бывших членов делится с учеными документами и опытом пребывания в группе.

Проблема категориально-понятийного аппарата

В исследованиях религиозного многообразия проблема категориально-понятийного аппарата предстает в двух основных измерениях.

Во-первых, какие бы определения религии и отдельных типов религиозных организаций не были выбраны и операционализированы, богатство эмпирического материала неизбежно поставит вопрос о необходимости их корректировки. Жесткая фиксация на любом наборе понятий перед исследованием религиозного многообразия неизбежно приведет к исключению из результатов всех религиозных организаций, не подпадающих под избранные определения. В случае опоры на достаточно распространенные определения религии из исследования будет исключено до нескольких сотен организаций, а ученый получит данные, подтверждающие лишь его видение религиозного многообразия. Реальная картина, которая может быть зафиксирована средствами объективного контроля, будет упущена. Высокий уровень изменчивости феномена НРД непрестанно

порождает их неожиданные конфигурации и подвергает испытанию проверенные и обоснованные методы концептуализации феномена.

Во-вторых, большинство документов религиозных организаций, находимых исследователем в процессе сбора информации, не содержат исчерпывающего объема данных, которые соответствовали бы любому операционализированному понятию религии или религиозной организации. Данные документы являются индексными выражениями разного уровня сложности (в терминологии Г. Гарфинкеля), естественным контекстом бытования которых выступают сами религиозные организации, где они легко распознаются, прочитываются и не требуют разъяснений. При попадании во внешнюю среду, в том числе в руки ученых, эти документы становятся менее понятными и с разной степенью очевидности указывают на религиозные организации, в которых появились. Нередко работа с ними требует определенных усилий по дешифровке

и идентификации с конкретной группой. Например, листовка студенческой ассоциации CARP, которая приглашает молодежь в образовательный центр на лекции, посвященные принципу объединения, не содержит сведений о деятельности религиозной организации. Однако такая листовка фиксирует факт существования в стране всемирно известного НРД «церковь объединения». Нейтральное в контексте листовки название организации является наименованием одного из структурных подразделений

данного НРД. Нейтральная для обывателя формулировка «принцип объединения» дешифруется в качестве одного из вариантов внутреннего именования вероучительной системы организации. Но ни один специалист в области социологии религии не может быть знаком со всем диапазоном возможных индексных выражений в документах НРД, что отсылает нас к очередной фундаментальной проблеме, связанной с изучением религиозного многообразия, – идентификации документов НРД.

Проблема идентификации документов НРД

Выбор методологии анализа документов НРД неразрывно связан со спецификой объекта, предмета, целей и задач исследования. Однако какие бы цели и задачи ни ставил перед собой ученый, документ прежде всего должен пройти процедуру идентификации, под которой подразумевается установление его принадлежности к тому или иному НРД. При изучении религиозного многообразия идентификация документов является одной из основных исследовательских процедур достижения заявленной цели, в то время как в большинстве иных исследований она выступает лишь условием их начала либо отпадает за ненадобностью (например, если работа ведется с уже идентифицированными документами).

Многочисленные классификации и типологии документов по элементам содержания, жанрам, модальностям, характеру источников, степени персонализации, набору постоянных элементов структуры и оформления, на стадии идентификации бумаг НРД не играют никакой роли. Кроме того, значение имеют исключительно те документы, содержание либо само существование которых позволяет зафиксировать факт деятельности НРД на территории конкретной страны. Так, при исследовании религиозного многообразия любая, даже самая редкая книга НРД сама по себе не представляет ценности. Однако та же книга с печатью НРД, содержащей сведения о месте собраний группы, становится ценным источником информации. Привязка к местности не решает проблему идентификации документа, но является главным фильтром в формировании выборки бумаг, принадлежность которых необходимо установить. При этом данный фильтр можно применить только в отношении собранных документов.

Для точной идентификации документа необходимо выделить доступные для объективной и независимой проверки и перепроверки единицы анализа, коды, маркеры или показатели, опираясь на которые исследователь может проверить корректность проведенной операции. Они должны быть достаточно очевидными, чтобы не вызывать дополнительных вопросов у ученых, которые придерживаются других подходов к концептуализации феномена НРД или незнакомы с контекстом, позволяющим быстро узнавать и прочитывать документы

НРД. Проблема состоит в том, что в силу специфики нетрадиционной религиозности невозможно зафиксировать диапазон значений для всех переменных, учет которых важен для идентификации документов НРД. Количество этих значений велико и экстенсивно в силу развития уже существующих НРД и появления новых НРД. Сложности с их выделением связаны также со спецификой разных типов документов.

Письменные документы включают литературу, печатные СМИ, протоколы заседаний, уставы, сертификаты и свидетельства, внутренние циркулярные и инструктивные письма, официальную и неофициальную переписку, обращения, декларации, воспоминания, дневники, конспекты, рекламные объявления, плакаты, листовки, буклеты, материалы судебных процессов, внутренние анкеты, формы учета и отчетности, чинопоследования ритуалов, послания и т. д. В процессе идентификации письменных документов НРД возникает ряд проблем.

Сложности могут быть связаны с названием религиозного движения.

- В справочниках и иных источниках не существует списков всех известных наименований НРД, по которым можно сверить название группы из документа.

- НРД может использовать до нескольких сотен альтернативных наименований. В результате могут быть сложности с распознаванием документов хорошо изученных и даже известных ученому групп.

- Постоянно появляются новые НРД.

- Существуют НРД с полностью идентичными наименованиями, но с разными учением, структурой и методами работы. Совпадение наименований не является надежным основанием для идентификации документа НРД.

Также возможны трудности, связанные с указанием реквизитов.

- Не существует реестра выходных данных НРД, по которому можно идентифицировать документ.

- Адреса и телефоны НРД меняются, некоторые используются только на время проведения конкретных мероприятий.

- Существуют адреса и телефоны, которые используются разными НРД одновременно.

Идентификация документов НРД может быть затруднена невозможностью установить авторство текстов.

- Тексты одних НРД активно заимствуются другими НРД, особенно часто – мелкими религиозными группами, которые не способны производить оригинальный контент. Совпадение содержания текста документа с учением НРД не является надежным идентификационным маркером.

- Учения разных НРД в рамках одного типа нетрадиционной религиозности могут быть близкими либо одинаковыми по содержанию. Отличия таких групп заключаются в специфике руководящего и кадрового состава, организационной независимости, что может не отражаться в документах.

- НРД могут вносить существенные изменения в собственное вероучение, и новые документы по содержанию часто сильно противоречат ранним материалам.

Кроме того, при сборе информации специалисты часто сталкиваются со сложностями, связанными с символикой, эмблемами, знаками НРД.

- Не существует единого реестра символов НРД.
- Символов много и их количество растет с появлением новых НРД.

- НРД может использовать разные символы.

- Существует множество вариаций одного символа, которые могут использоваться как самим НРД, так и группами, отколовшимися от него либо подражающими ему.

- Некоторые НРД применяют одинаковую символику независимо друг от друга.

- НРД могут использовать в документах не официальную символику, а иные элементы визуального ряда, которые очевидны только для членов группы (силуэты или графические отображения культовых зданий, лидеров, значимых ритуальных предметов, художественно оформленные отрывки сакральных текстов, части распространенных в НРД изображений, знаковые фотографии, особые шрифты и способы написания отдельных букв).

Фонодокументы включают магнитные ленты разных форматов, виниловые грампластинки, компакт-диски, цифровые записи и т. д. Если фонодокумент не содержит релевантных подписей на материальном носителе либо других идентификационных маркеров, отсылающих к конкретной группе и местности в самой записи, его практически невозможно идентифицировать.

Вещественные документы достаточно разнообразны и представлены от архитектурных и земляных сооружений до предметов быта, ремесленных изделий, приборов и инструментов, ритуальных сосудов, приспособлений и т. д. Большинство вещественных документов не имеют привязки к местности и не важны для исследований религиозного многообразия. Исключение составляют культовые сооружения

религиозных организаций. Самые оригинальные архитектурные сооружения и дизайнерские решения из мира НРД уже известны специалистам (например, подземный храмовый комплекс «Даманхур» в Италии). Значительная часть иных строений имеют на входе таблички с описанием институциональной принадлежности. В остальных случаях точная идентификация по внешнему виду практически невозможна по следующим причинам.

- НРД нередко подражают в архитектуре друг другу либо третьему образцу (например, традиционным религиям).

- Существует множество оригинальных зданий, копирующих по архитектуре либо сильно напоминающих постройки НРД.

- Архитектура многих зданий НРД никак не связана с их вероучением, но отражает предпочтения основателя, архитектора либо финансовые возможности организации.

- НРД часто используют здания и сооружения, построенные не ими.

- Ритуальные предметы, используемые по своему назначению (например, одежда последователей Ошо, атрибуты группы, распространяемые на улице), могут быть идентифицированы с НРД, но сами по себе еще не подтверждают факт существования представительства НРД при изучении религиозного многообразия. Так, последователи Ошо могли приехать в страну на несколько дней. Ритуальная атрибутика одних НРД может распространяться другими НРД либо использоваться сторонними людьми, которые могут и не подозревать, что, например, в их гостинице стоит редкий предмет НРД (например, стул или секретер из специальной мебели шейкеров).

Изобразительные документы включают произведения живописи и скульптуры, карты, чертежи, схемы, но при исследовании религиозного многообразия интерес представляют преимущественно фотографии и видеоматериалы, так как они с наибольшей вероятностью содержат привязку к местности.

Закадровый голос, титры, названия, символика, обстановка съемок, характер и порядок совершаемых действий, состав участников, попадающие в кадр документы иных НРД (книги, здания и т. д.), а также десятки других маркеров позволяют установить локацию съемок, а также идентифицировать как ранее не известные, так и хорошо изученные НРД. Письменные, вещественные и другие документы, попадающие в видеоряд, анализируются с учетом специфики работы с этими типами материалов. В то же время видеоряд может быть кратким (от нескольких секунд до нескольких минут), представлять собой частную съемку, содержать малое количество различных маркеров для установления локации и идентификации группы.

Фотографии также являются достаточно ценным, хоть и менее информативным источником данных. Из людей до определенной степени узнаваемыми являются лишь публичные представители наиболее крупных и известных НРД. Фотографии абсолютного большинства представителей высшего, среднего и низового состава НРД не являются надежным маркером. Более важное значение имеет наличие иных, описанных ранее маркеров, которые позволяют локализовать фото. Особую ценность представляют фотодокументы, объединенные содержательными характеристиками и дополняющие друг друга в деталях обстановки и значимых для исследователя маркерах.

Введение в научный оборот информации о ранее не известных НРД

Документы религиозных организаций, попадающие к исследователю в рамках изучения религиозного многообразия, можно разделить на две группы. К первой группе относятся материалы уже известных науке религиозных организаций, ко второй – материалы ранее не изученных НРД.

Методика идентификации документов обеих групп одинакова, но их значение для исследования различно. Если окажется, что документ относится к первой группе, то результат будет бесполезен для анализа религиозного многообразия, так как организация уже известна и иной документ по ней уже учтен. Тем не менее данный результат может быть использован в исследованиях, имеющих другие цели и задачи. В то же время процедура идентификации документов второй группы равнозначна введению в научный оборот информации о существовании ранее не известных науке НРД. Успешная идентификация неизвестных групп предполагает обоснованное заключение следующих положений:

Обязательное требование привязки документа к конкретной местности значительно сужает количество документов НРД, пригодных для исследования религиозного многообразия. В то же время в качестве допустимых источников информации могут выступать документы и материалы, фиксирующие деятельность НРД, но не принадлежащие им. Например, ученый исследует религиозную группу с помощью метода включенного наблюдения, а затем публикует в научном издании подробный отчет с ее описанием. Данный отчет вполне может быть использован в качестве надежного источника информации для фиксации факта существования НРД в стране.

- документ принадлежит религиозной организации;
- указанная организация является новой для науки, т. е. не принадлежит к числу ранее изученных традиционных религий и НРД;
- деятельность искомой организации может быть локализована в пространстве и времени на территории той страны, конфессиональное пространство которой изучается.

Из-за специфики своей структуры и деятельности ранее не исследованные НРД могут содержать вызовы уже сложившимся представлениям о религиозных организациях, а их анализ способен приводить к пересмотру существующих знаний. Изучение религиозного многообразия является одним из неустанных раздражителей и возмутителей спокойствия в социологии религии, представляя собой постоянный источник новой информации для обоснованных сомнений в уже сложившихся представлениях о феномене нетрадиционной религиозности.

Заключение

Исследование религиозного многообразия невозможно результативно осуществить с опорой на стандартизированный метод поиска данных, предполагающий ограничения по анализируемым информационным площадкам или географии сбора сведений.

Ограничение выборки документов НРД должно происходить не на стадии сбора информации, а только при последующей ее обработке, в том числе после идентификации документа. Методологически некорректно ограничивать выборку документов, поступающих на обработку исследователю, так как буквально каждый из них может содержать данные о ранее не изученных акторах конфессионального пространства. Исключения составляют ситуации, когда в процессе сбора информации ученый получает документы по уже учтенным им в рамках этого же исследования группам (например, организация

«свидетели Иеговы» уже учтена как действующая в стране религиозная группа, но к специалистам может попасть новый документ, принадлежащий ей). В исследованиях различных социальных институтов сложно найти другую такую ситуацию, в которой залогом успешности работы является снятие всех ограничений на сбор информации. Открытость ученого к информации из всех возможных источников в долгосрочной перспективе гарантированно принесет искомый эффект в виде регулярных уточнений данных об уникальной конфигурации религиозных групп в стране.

Результаты исследования религиозного многообразия доступны для независимой проверки, но не могут быть воспроизведены. Однажды собранные документы могут быть проверены на подлинность, но в силу специфики места и времени их фиксации повторить процесс сбора большинства из них

с тем же результатом невозможно. Так, например, в марте 2018 г. на улицах г. Слонима появились и на протяжении нескольких недель висели листовки разлитов – представителей крупного, всемирно известного НРД, созданного в 1974 г. во Франции. Листовки свидетельствовали о деятельности организации в Беларуси, были задокументированы средствами объективного контроля и доступны для последующего анализа. Однако воспроизвести процесс получения этой принципиально важной для исследования религиозного многообразия Республики Беларусь информации невозможно: в последующем листовок данной организации на улицах г. Слонима и иных городов замечено не было. На контакт с указанной группой можно выйти иным способом, но попытка поиска листовок в том же месте в любое время окажется бесплодной либо может дать иной и неожиданный результат в виде листовок другого НРД.

Исследование религиозного многообразия не может быть осуществлено в сжатые сроки, оно относится к группе наиболее сложных, трудоемких лонгитюдных проектов в социологии религии. Ввиду отсутствия готовых методичек по организации подобного мониторинга на организацию сбора ин-

формации, учитывающего специфику конкретной страны, затрачивается много времени. Несмотря на ежегодную актуализацию данных, выход на более или менее репрезентативный их уровень осуществляется лишь спустя многие годы после начала исследования. Специфика сбора информации по НРД неизбежно приводит к необходимости ретроспективного пересмотра результатов мониторинга НРД прошлых лет. Так, сведения о начале работы той или иной группы, как правило, доходят до исследователей с запозданием в лучшем случае в несколько лет. Многие НРД действуют в стране десятилетиями, оставаясь при этом незамеченными.

Даже после десятилетий изучения религиозного многообразия ученый не может быть уверен в том, что им была собрана полная информация о генеральной совокупности действующих в стране НРД. Однако если число известных ему религиозных организаций превышает общее количество данных других специалистов, то такой результат может претендовать на статус предполагаемой генеральной совокупности религиозных организаций страны и выступать референтной базой для иных исследований.

Библиографические ссылки

1. Эткинд А. *Хлыст: секты, литература и революция*. Москва: Новое литературное обозрение; 2013. 644 с.
2. Clarke P, editor. *Encyclopedia of new religious movements*. London: Routledge; 2006. 385 p.
3. Landes R, editor. *Encyclopedia of millennialism and millennial movements*. London: Routledge; 2000. 512 p.
4. Lewis JR. *The encyclopedia of cults, sects, and new religions*. New York: Prometheus Books; 1998. 595 p.
5. Тишков ВА, редактор. *Народы и религии мира*. Москва: Большая российская энциклопедия; 1998. 928 с.
6. Забияко АП, Красников АН, Элбакян ЕС, редакторы. *Энциклопедия религий*. Москва: Академический проект; 2008. 1520 с.
7. Melton G, Baumann M, editors. *Religions of the world. A comprehensive encyclopedia of beliefs and practices. Volume 1. A-Z*. Oxford: ABC-CLIO; 2002. 1507 p.
8. Gründler J. *Lexikon der Christlichen Kirchen und Sekten*. Wien: Herder; 1961. 2 Bände.
9. Johnson TM, Zurlo GA. *World Christian encyclopedia. 3rd edition*. Edinburgh: Edinburgh University Press; 2019. 1000 p.
10. Пашкоў ГП, редактар. *Рэлігія і царква на Беларусі*. Мінск: Беларуская энцыклапедыя; 2001. 6 т.
11. Элбакян ЕС, редактор. *Религии России. Словарь-справочник*. Москва: Энциклопедия; 2014. 464 с.
12. Лункин РН, Филатов СБ. *Атлас современной религиозной жизни России. Том 1*. Москва: Летний сад; 2005. 621 с.
13. Gasper H. Müller J. Valentin F. *Lexikon der Sekten, Sondergruppen und Weltanschauungen. Fakten*. Herder; 2001. 1265 p.
14. Haack F-W. *Findungshilfe Religion 2000. Apologetisches Lexikon*. München: The Institute for Religious Studies; 1990. 349 p.
15. Reimer I. *Evangelistisch-missionarische Werke und Einrichtungen im Deutschsprachigen Raum*. Stuttgart: EZW & Christliches Verlagshaus; 1991. 575 S.
16. Melton G. *Encyclopedia of American religions. Volume 1*. London: Gale; 2016. 1720 p.

References

1. Etkind A. *Khlyst: sekty, literatura i revolyutsiya* [Whip: sects, literature and revolution]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2013. 644 p. Russian.
2. Clarke P, editor. *Encyclopedia of new religious movements*. London: Routledge; 2006. 385 p.
3. Landes R, editor. *Encyclopedia of millennialism and millennial movements*. London: Routledge; 2000. 512 p.
4. Lewis JR. *The encyclopedia of cults, sects, and new religions*. New York: Prometheus Books; 1998. 595 p.
5. Tishkov VA, editor. *Narody i religii mira* [Nations and religions of the world: an encyclopedia]. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya; 1998. 928 p. Russian.
6. Zabyako AP, Krasnikov AN, Elbakyan ES, editors. *Entsiklopediya religii* [Encyclopedia of religions]. Moscow: Akademicheskii proekt; 2008. 1520 p.
7. Melton G, Baumann M, editors. *Religions of the world. A comprehensive encyclopedia of beliefs and practices. Volume 1. A-Z*. Oxford: ABC-CLIO; 2002. 1507 p.
8. Gründler J. *Lexikon der Christlichen Kirchen und Sekten*. Wien: Herder; 1961. 2 Bände.
9. Johnson TM, Zurlo GA. *World Christian encyclopedia. 3rd edition*. Edinburgh: Edinburgh University Press; 2019. 1000 p.

10. Pashkow GP, editor. *Rjeligija i carkva na Belarusi* [Religion and church in Belarus]. Minsk: Belaruskaja jencyklapedyja; 2001. 6 vol.
11. Elbakyan ES, editor. *Religii Rossii. Slovar'-spravochnik* [Religions of Russia. Dictionary-reference]. Moscow: Entsiklopediya; 2014. 464 p. Russian.
12. Lunkin RN, Filatov SB. *Atlas sovremennoi religioznoi zhizni Rossii. Tom 1* [Atlas of religious life in Russia. Volume 1]. Moscow: Letnii sad; 2005. 621 p. Russian.
13. Gasper H. Müller J. Valentin F. *Lexikon der Sekten, Sondergruppen und Weltanschauungen. Fakten*: Herder; 2001. 1265 p.
14. Haack F-W. *Findungshilfe Religion 2000. Apologetisches Lexikon*. München: The Institute for Religious Studies; 1990. 349 p.
15. Reimer I. *Evangelistisch-missionarische Werke und Einrichtungen im Deutschsprachigen Raum*. Stuttgart: EZW & Christliches Verlagshaus; 1991. 575 S.
16. Melton G. *Encyclopedia of American religions. Volume 1*. London: Gale; 2016. 1720 p.

Статья поступила в редколлегию 11.08.2022.
Received by the editorial board 11.08.2022.

УДК 316.4

МАЛЫЙ ГОРОД В ПРИГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ РОССИИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Э. К. БИЙЖАНОВА¹⁾

¹⁾Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН,
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, 117218, г. Москва, Россия

Анализируются основные социально-экономические и социокультурные проблемы, препятствующие развитию малых городов российского приграничья. На основе качественных данных, полученных в ходе исследования приграничных регионов России в 2014–2021 гг., выявлены основные негативные факторы в развитии малых городов. Показано, что большинство из них находятся в депрессивном состоянии и имеют высокие темпы депопуляции. Сделан вывод о необходимости сохранения малых городов, поскольку они представляют собой не только культурно-историческую ценность для воспроизводства социокультурного потенциала, но и являются важными стратегическими территориями, способными противостоять невоенным угрозам, сохранить целостность страны и обеспечить ее безопасность.

Ключевые слова: малый город; приграничные территории; местные сообщества; социокультурный потенциал.

SMALL TOWN IN THE BORDER REGION OF RUSSIA: SOCIO-CULTURAL AND SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS

E. K. BIYZHANOVA^a

^aInstitute of Sociology of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences,
24/35 Krzhizhanovsky Street, 5 building, Moscow 117218, Russia

The article analyses the main socio-economic and socio-cultural problems that hinder the development of small towns in the Russian border area. Based on qualitative data obtained during research in 2014–2021 in border regions of Russia, the main negative trends were identified, which, in the opinion of local residents, must be eliminated or reduced in the first place in order for a small town to survive. It is shown that most of the small towns in are in a depressed state, with high rates of depopulation. It is concluded that it is necessary to preserve them, since they are not only of cultural and historical value for the reproduction of socio-cultural potential, but also are important strategic territories that can withstand non-military threats and contribute to the preservation of the country's integrity and its security.

Keywords: small town; border areas; local communities; socio-cultural potential.

Образец цитирования:

Бийжанова ЭК. Малый город в приграничном регионе России: социокультурные и социально-экономические проблемы. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2022;3:103–108.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-3-103-108>

For citation:

Biyzhanova EK. Small town in the border region of Russia: socio-cultural and socio-economic problems. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;3:103–108.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-3-103-108>

Автор:

Элиза Камчыбековна Бийжанова – научный сотрудник Центра изучения регионов России.

Author:

Eliza K. Biyzhanova, researcher at the Center for the Study of Russian Regions.
biyzhanova@isras.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0401-8633>

Введение

В советское время развитие и освоение территорий происходило именно за счет малых городов¹. В начале XX в. велась активная дискуссия о необходимости нивелирования различий между городом и деревней и равномерном расселении людей. Данная стратегия предполагала ограничение роста больших городов и стимулирование развития малых и средних городов [1]. В таком случае последние играли бы роль опорного центра для близлежащих деревень. Для сельских жителей в относительной близости были бы доступны социально-культурные блага, такие как больницы, учебные заведения, театры и т. д. Кроме того, важное значение имела программа распределения высококвалифицированных специалистов, в том числе врачей узкого профиля, по регионам и районам страны. Во второй половине XX в. данный план был почти реализован, однако 1990-е гг. внесли свои коррективы.

К сожалению, распад СССР, переход от плановой экономики к рыночной, передача государственных предприятий в частные руки самым негативным образом сказались на благополучии малых городов, оказавшихся неконкурентоспособными в новых рыночных условиях. Сегодня в России насчитывается более 790 малых городов², при этом около половины из них находятся в приграничных регионах.

Малые города играют особую роль в социально-экономическом развитии страны. Их ценность заключается в том, что для сельской местности они имеют такое же значение, как крупные мегаполисы для региона. Переход к рыночной системе наиболее негативно отразился именно на малых городах, которые оказались не готовы к непоследовательным экономическим реформам. Преобразования в русле

новых парадигм проводились без учета специфики, возможностей и уязвимостей малых городов [2]. Не было принято во внимание то, что они являются центрами социокультурной и социально-экономической жизни для прилегающих сельских территорий и выполняют уникальную функцию носителя национальных традиций [3].

Социокультурное пространство любого города невозможно без наличия высококвалифицированных кадров, желающих не только жить в такой локальности, но и улучшать ее, что недостижимо без соответствующей инфраструктуры.

В данной статье внимание к социокультурному пространству малых городов России акцентировано на приграничных регионах по нескольким причинам. Во-первых, близость границы актуализирует геостратегическую значимость этих территорий. Россия не стремится быть страной форпостов, но, как показывают события даже последних 30 лет, не говоря уже о более давних исторических фактах, необходимо проявлять бдительность. Во-вторых, малый приграничный город может стать своеобразным мостом в создании культурных и социально-экономических связей с сопредельными дружественными странами. Налаживание подобных контактов не потребует значительных вложений на первоначальном этапе, но позволит в дальнейшем выйти на новый уровень сотрудничества. В-третьих, среда малого города более безопасна для жизни благодаря относительно небольшой численности населения. Так, общественные связи между жителями гораздо теснее, нежели в больших и даже средних городах. С этой точки зрения малый город имеет благоприятные условия, например, для создания семьи.

Материалы и методы исследования

С использованием данных полевых исследований, проведенных в 2014–2021 гг. в Смоленской (граничит с Беларусью), Мурманской (граничит с Финляндией и Норвегией), Курской (соседствует с Украиной) областях и Приморском крае (граничит с Китаем, Северной Кореей, имеет морские границы с Японией), мы постараемся показать малый приграничный город глазами респондентов. Исследования носили качественный характер и проводились с помощью методов глубинных интервью и фокус-групп. К участию привлекались местные руководители и их заместители (представители региональной, муниципальной

и местной власти), гражданские активисты (члены некоммерческих организаций и общественных движений), бизнесмены, журналисты (в том числе имеющие независимую позицию), а также работники социальной и культурной сфер (учителя, библиотекари, творческие работники и т. д.). В ходе исследований было проведено свыше 20 интервью и 10 фокус-групп. Выбор респондентов не был случайным: помимо того, что они являются высококвалифицированными специалистами, они представляют собой социокультурных акторов [4], стремящихся улучшить условия жизни в своей локальности.

¹Классификация городов по численности населения: малые (до 50 тыс. человек), средние (от 50 до 100 тыс. человек), большие (от 100 до 250 тыс. человек) и т. д. (Градостроительный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://grkodeksrf.ru/gl-5/st-42-grk-rf> (дата обращения: 23.08.2022)).

²Малые города в России [Электронный ресурс]. URL: <https://города-россия.рф/reytin-cities.php?name=малые> (дата обращения: 31.08.2022).

Жизнь в малом приграничном городе

Экономический аспект. Своевременные исследования малых городов показывают общие и особенные тенденции их развития [5]. Наличие функционирующей производственной инфраструктуры позволяет обеспечивать основную часть местного населения рабочими местами и возможностями для экономической адаптации в современных условиях. Отсутствие такой инфраструктуры приводит к экономическому упадку региона. Приведем некоторые высказывания респондентов.

Раньше здесь было очень много предприятий: мясокомбинат, хлебозавод, молочный комбинат, сейчас ничего не осталось...

Раньше у нас было свое мелкое производство – сыродельный завод. Был свой авторемонтный завод, сюда машины гнали со всего Советского Союза, но сегодня, сами понимаете...

Все рухнуло. Нам говорили: «Не переживайте, нас Америка накормит, “ножки Буша” будут». Птицефабрики две шикарные, молочный завод просто ушли в никуда.

С точки зрения адаптивности к современным рыночным условиям малые города оказались в наиболее уязвимом положении. Во-первых, начавшаяся с распадом Советского Союза приватизация предприятий просто не позволила вступить в эту гонку ни местным властям (из-за ограниченности возможностей и полномочий), ни местным жителям (из-за отсутствия ресурсов). Соответственно, сегодня большая часть производственных и сельскохозяйственных ресурсов или находится в руках столичной элиты, или пребывает в состоянии упадка без видимой возможности к возрождению.

Наш завод чертежных принадлежностей был предприятием союзного значения. Таких в стране было всего два, самый большой был в Рыльске. Сегодня он, конечно, претерпел серьезные изменения, у него столичные хозяева, количество работников, естественно, сократилось...

В 1990-х гг. на моих глазах происходил весь процесс разрушения. До этого развивались сельское хозяйство, промышленность... Сейчас мы видим только то, что осталось, осколки.

Отсутствие рабочих мест и возможностей для реализации профессионально-трудового потенциала создает предпосылки для смены места жительства в пользу больших городов, где можно найти работу, чтобы обеспечивать свою семью. Эти тенденции ведут к «вымыванию» трудовых ресурсов малых городов, не говоря уже о прилегающих к ним сельских

территориях. Статистические данные 2000–2014 гг.³ демонстрируют сокращение численности населения в российском приграничье на 2,4 %. На первый взгляд, эти показатели выглядят довольно оптимистично и не должны вызывать беспокойства, однако при более глубоком анализе оказывается, что в приграничных локальностях все не так хорошо.

Средний возраст школьных педагогов – предпенсионный и пенсионный. Молодые люди редко идут сюда работать.

Два месяца назад я получила диплом о высшем образовании по специальности «хореограф-балетмейстер», пришла устраиваться в наш дворец культуры, мне предложили полставки и 17 тыс. руб. Что мне с ними делать? На коммунальные услуги уйдет 7 тыс. руб., остается 10 тыс. руб. Естественно, я планирую отсюда уезжать.

Социокультурная среда. Негативные тенденции наблюдаются и в социокультурной сфере. Ветшание социокультурных объектов, кадровый голод, непродуманная оптимизация ведут к сокращению работников, увеличению нагрузки, но при этом не позволяют повысить заработную плату.

Спасибо Советскому Союзу за дворец спорта и тренеров (некоторые работают еще с тех времен).

Дворец культуры еще есть, но у нас практически нет молодых специалистов, никто не хочет сюда идти работать...

Проводят оптимизацию, хотя сокращать уже некогда. В основном все сотрудники попали сюда по распределению еще в советское время, вот так и работаем.

Действующая социокультурная инфраструктура обеспечивает местных жителей, пусть и небольшую их часть, рабочими местами. Вклад данных учреждений существен в сохранении благоприятной среды для населения на приграничных территориях.

Экономические сложности влекут за собой серьезные социальные проблемы, связанные с ухудшением демографической ситуации, в частности с оттоком населения, особенно молодежи. К сожалению, часто этот отток направлен даже не в крупные российские города, а за рубеж. В последнее время российская молодежь часто ищет возможности для реализации своего потенциала в сопредельных европейских странах [6].

Проблемы в социально-культурной сфере снижают качество городского пространства и ведут к неблагоприятной социально-экономической ситуации. В большинстве малых приграничных городов наблюдается демографическое вырождение, растет уровень контрабанды, наркоторговли, незаконной

³Атлас российского пограничья [Электронный ресурс]. URL: <https://tsamsonov.github.io/borderlands/> (дата обращения: 01.09.2022).

миграции, что не повышает привлекательность города для жизни.

Стоит отметить, что многие малые приграничные города строились как форпосты для охраны рубежей и при этом являлись трансграничными центрами, где происходило не только экономическое, но и культурное взаимодействие между странами. Данное обстоятельство обуславливает необходимость поддержания таких городов. Кроме того, необходимо сохранить их историко-культурные традиции и самобытность [7].

Нужно помнить о своих исторических корнях, сохранять общность, самобытность уголка, в котором живешь...

Мы можем потерять свою историю, значение которой очень важно, и патриотизм.

Малый город привлекателен для жизни людей благодаря своему небольшому размеру. Для многих жизнь в таком городе комфортна именно потому, что все друг друга знают. Это повышает уровень доверия между людьми и создает ощущение безопасности.

У нас живут патриоты. С точки зрения социального комфорта в городе есть все, начиная от кинотеатров и заканчивая больницами. У нас, наверное, нет людей, которым бы не нравилось здесь жить...

Здесь хорошо растить детей. У нас спокойный город, мы своих детей практически не контролируем, в городе за ручку не водим, мы за них спокойны.

Все друг друга знают. В этом и есть преимущество малых городов.

Таким образом, малый город – это место, где можно не только работать, но и созидать, это тихая гавань на фоне больших городов, мегаполисов, где динамичный ритм жизни, большие возможности сочетаются с высоким уровнем криминала и угрозой безопасности.

Основная проблема современных управленческих практик заключается в отсутствии нацеленности на функциональность. Любая локальность должна быть рентабельна, представлять интерес для инвестирования. Однако при этом почему-то не учитывается необходимость развития социального, человеческого и социокультурного потенциала. Приграничные города чаще рассматриваются в русле международного сотрудничества, в качестве транзитных пунктов между зарубежьем и центральными, экономически более обеспеченными регионами и реже – с позиций внутренней политики развития особой местности, нуждающейся в поддержке и имеющей стратегическое значение для обеспечения целостности страны. Многие из них находятся на весьма удаленном расстоянии от центра и при распределении основных социаль-

ных ресурсов фактически остаются «на обочине». Это не позволяет в полном объеме реализовывать меры по повышению качества жизни местного населения [8].

Поддержка уровня жизни предполагает не только решение материально-жилищных проблем, но и обеспечение возможности качественно отдыхать. У жителей малых городов есть доступ к природе, но культурный досуг однообразен. Это связано прежде всего с ветшанием объектов социальной инфраструктуры. Институты воспроизводства социокультурного потенциала – это ядро, которое не только удерживает вокруг себя население, но и является одним из важнейших инструментов воспитания патриотизма, что в приграничье представляется особенно важным. Респонденты из малых городов отмечают такую проблему, как отсутствие культурных центров или их низкий уровень. Эта проблема особенно актуальна для молодежи, которой помимо профессионального развития, хотелось бы качественно проводить досуг, иметь возможности для творческой реализации.

Хочется, чтобы у нас были свои кинотеатр и парк.

У нас для молодежи очень мало заведений.

Роль властно-управленческих структур в малых приграничных городах. В настоящее время развитие малых приграничных городов нуждается в значительной поддержке федеральной власти, поскольку создание системы обеспечения безопасности в приграничной сфере требует серьезных затрат. В этом смысле сохранение и развитие того, что уже имеется (производство, сельское хозяйство, социальная и культурная инфраструктура, само население), может стать гораздо более выгодной инвестицией, нежели выстраивание забора по периметру границы, что не может выступать абсолютным гарантом целостности страны.

Как любая другая страна, Россия взаимодействует с внешним миром во многом с участием приграничных территорий. В этом плане актуализируется необходимость в создании эффективной концепции развития российского приграничья, что требует объединения усилий как научного сообщества, так и властно-управленческих структур, иначе малые приграничные города рискуют превратиться в транзитную периферию собственной страны [9]. После распада Советского Союза малые города оказались вне фокуса внимания властей. Сегодня предпринимаются попытки их развития. Возможно, требуется более жесткий контроль за расходованием средств из местных бюджетов на социальные нужды, а также расширение соответствующих федеральных программ и целевых проектов [10]. Од-

нако, как показали исследования, данные попытки приносят пока мало практических результатов, что связано в основном с низким вниманием со стороны федеральных органов власти и с ограниченными полномочиями региональных и местных властей.

Необходимо создать условия для того, чтобы местные органы власти могли предложить и внедрить модель организации жизни для малой территории. Это будет оптимальный вариант.

Именно федеральная власть должна обеспечивать условия для социального развития регионов.

Заключение

Таким образом, переход к рыночной экономике отодвинул на задний план социокультурную ценность малых приграничных городов. Необходим комплексный подход к социально-производственному развитию приграничных территорий, предусматривающий реконструкцию имеющегося потенциала в виде градообразующих и сельскохозяйственных предприятий (желательно зарегистрированных на этой же территории, чтобы налоги от их деятельности оседали в местной казне и могли быть направлены на развитие местной социальной сферы).

Забота о социально-экономическом и морально-психологическом состоянии местных сообществ в малых приграничных городах должна быть в центре внимания властных структур всех уровней. Угроза депопуляции этих территорий напрямую связана с безопасностью страны, целостностью ее границ. Малый приграничный город – это уникальная среда, где, с одной стороны, обеспечиваются барьерные функции, а с другой – налаживается взаимодействие с сопредельными странами. Анализ высказываний участников исследования показывает, что проблемы заключаются не в количественном обеспечении учреждений и кадров, а в их качестве.

Градообразующие объекты (производственные, сельскохозяйственные или культурно-исторические) не могут стать спасательным кругом для приграничных территорий. Любому предприятию нужны квалифицированные кадры, понимающие значимость своей работы. И эти кадры должны быть из местных людей, которым небезразлична судьба их города, которые хотят в нем жить, работать и самореализовываться.

Малый приграничный город не может развиваться с учетом только неолиберальных представлений, основанных на рыночной функциональности, когда выживает тот, у кого есть ресурсы и кто приносит прибыль. При таком подходе часто забывается правило: «Чтобы дело приносило прибыль, нужно в него что-то вложить». Сейчас наблюдается только «высасывание» ресурсов из скудных остатков приграничья. В результате наблюдаются «размывание» местного сообщества, способного к воспроизводству социокультурного потенциала, рост патерналистских настроений, когда люди сами перестают стремиться к чему-либо, вымирание приграничных территорий, что, в свою очередь, может нести уже геополитические угрозы.

Библиографические ссылки

1. Баканов С.А. Малый советский город 1960–80 гг. в зеркале отечественной урбанистики. *Новый исторический вестник*. 2003;1(9):123–133.
2. Тихий В.И. Малые города в современной стратегии пространственного развития региона. *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2010;3–2(37):16–19.
3. Марков Е.М., редактор. *Малые города в системах расселения*. Москва: Стройиздат; 1980. 196 с.
4. Аксенова О.В. *Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации*. Москва: Институт социологии; 2016. 304 с.
5. Агафонова М.С., Корольчук О.В. Проблемы развития малых городов в России. *Современные наукоемкие технологии*. 2014;7–2:125.
6. Зотова М.В., Гриценко А.А., Себенцов А.Б. Повседневная жизнь в российском пограничье: мотивы и факторы трансграничных практик. *Мир России. Социология. Этнология*. 2018;27(4):56–77. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-4-56-77.
7. Бийжанова Э.К., Роговая А.В., Левченко Н.В. Социальное благополучие в малых городах России (мнение населения). В: Мансуров В.А., Иванова Е.Ю., редакторы. *Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса; 14–16 октября 2020 г.; Тюмень, Россия*. Москва: ФНИСЦ РАН; 2020. с. 5345–5353. DOI: 10.19181/congress.2020.626.
8. Халий И.А. Современное российское приграничье: общие характеристики. *Вестник Института социологии* [Интернет]. 2014 [процитировано 1 сентября 2022 г.];11:23–33. Доступно по: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2014_11/Khalii.pdf.
9. Арсентьева И.И., Михайленко А.Н. Российское приграничье: вчера, сегодня, завтра. *Современные проблемы науки и образования* [Интернет]. 2014 [процитировано 31 августа 2022 г.];6. Доступно по: <https://s.science-education.ru/pdf/2014/6/35.pdf>.
10. Вендина О. Малые города России: сходство исторических судеб и различия траекторий развития. *Демоскоп Weekly* [Интернет]. 2014 [процитировано 31 августа 2022 г.];611–612. Доступно по: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0611/analit01.php>.

References

1. Bakanov SA. [Small Soviet city 1960–80s in the mirror of domestic urban studies]. *Novyi istoricheskii vestnik*. 2003;1(9):123–133. Russian.
2. Tikhii VI. Small towns in the modern strategy of spatial development of the region. *Scientific Notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2010;3–2(37):16–19. Russian.
3. Markov EM, editor. *Malye goroda v sistemakh rasseleniya* [Small towns in settlement systems]. Moscow: Stroizdat; 1980. 196 p. Russian.
4. Aksenova OV. *Paradigma sotsial'nogo deistviya: professionaly v rossiiskoi modernizatsii* [Social action paradigm: professionals in Russian modernisation]. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; 2016. 304 p. Russian.
5. Agafonova MS, Korol'chuk OV. [Problems of development of small towns in Russia]. *Modern High Technologies*. 2014; 7–2:125. Russian.
6. Zotova MV, Gritsenko AA, Sebentsov AB. Everyday life in the Russian borderlands: motives and factors of cross-border practices. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 2018;27(4):56–77. Russian. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-4-56-77.
7. Biizhanova EK, Rogovaya AV, Levchenko NV. [Social well-being in small towns of Russia (opinion of the population)]. In: Mansurov VA, Ivanova EYu, editors. *Sbornik dokladov VI Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa; 14–16 oktyabrya 2020 g.; Tyumen', Rossiya* [Collection of reports of the 6th All-Russian sociological congress; 2020 October 14–16; Tyumen, Russia]. Moscow: Federal Scientific Research Centre of the Russian Academy of Sciences; 2020. p. 5345–5353. Russian. DOI: 10.19181/congress.2020.626.
8. Khaliy IA. Modern Russian borderland: general characteristics. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Internet]. 2014 [cited 2022 August 30];11:23–33. Available from: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2014_11/Khalii.pdf. Russian.
9. Arsenyeva II, Mikhailenko AN. Russian borderlands: yesterday, today, tomorrow. *Modern problems of science and education* [Internet]. 2014 [cited 2022 August 31];6. Available from: <https://s.science-education.ru/pdf/2014/6/35.pdf>. Russian.
10. Vendina O. [Small cities of Russia: similarity of historical destinies and differences in development trajectories]. *Demoskop Weekly* [Internet]. 2014 [cited 2022 September 1];611–614. Available from: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0611/analit01.php>. Russian.

Статья поступила в редколлегию 15.08.2022.
Received by editorial board 15.08.2022.

УДК 316.346.32-053.6

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ПЕРВОКУРСНИКОВ К УСЛОВИЯМ ОБУЧЕНИЯ В БЕЛОРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

М. А. КОРНЕЕВЕЦ¹⁾, Л. В. ФИЛИНСКАЯ¹⁾, Т. В. ЩЕЛКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается проблема адаптации студентов 1-го курса к новой социальной среде и условиям освоения образовательных программ в Белорусском государственном университете. Анализируются особенности академической и социокоммуникативной адаптации первокурсников. Выделены объективные и субъективные критерии адаптационного процесса. Представлены результаты онлайн-опроса студентов 1-го курса БГУ, а также глубинных интервью со студентами-сиротами и студентами, отчисленными после 1-го семестра. Сделан вывод о незавершенном характере процесса адаптации первокурсников, необходимости психолого-педагогического сопровождения студентов-сирот, развития института тьюторства, социологического исследования динамического аспекта адаптации.

Ключевые слова: адаптация студентов-первокурсников; академическая и социокоммуникативная адаптация; объективные и субъективные критерии адаптационного процесса; профессиональная мотивация; институт тьюторства.

ADAPTATION FEATURES OF FRESHERS TO THE LEARNING ENVIRONMENT AT THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

M. A. KORNEEVETS^a, L. V. FILINSKAYA^a, T. V. SCHOLKOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: T. V. Scholkova (tanar2002@tut.by)

The paper considers the problem of first-year students' adaptation to new social environment and to the conditions of coping with the university educational curriculum. It analyses the features of the first-year students' adjustment to learning and extracurricular activities (academic and sociocommunicative adaptation). The objective and subjective criteria of freshmen' adaptation process are highlighted. The article presents the results of the online-survey of the first-year students from 15 faculties of the Belarusian State University, and the findings of the in-depth interviews with the students-

Образец цитирования:

Корнеевец МА, Филинская ЛВ, Щелкова ТВ. Особенности адаптации первокурсников к условиям обучения в Белорусском государственном университете. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2022;3:109–123.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-3-109-123>

For citation:

Korneevets MA, Filinskaya LV, Scholkova TV. Adaptation features of freshers to the learning environment at the Belarusian State University. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2022;3:109–123. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-3-109-123>

Авторы:

Максим Андреевич Корнеевец – студент факультета философии и социальных наук.
Лариса Владимировна Филинская – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.
Татьяна Викторовна Щелкова – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Authors:

Maksim A. Korneevets, student at the faculty of philosophy and social sciences.
max.berg711@gmail.com
Larisa V. Filinskaya, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
filinskalv@gmail.com
Tatiana V. Scholkova, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
tanar2002@tut.by

orphans and the students expelled from the university after the first semester. The results obtained prove the relevance of the problem under study and make it possible to conclude that the process of adaptation of the first-year students is incomplete. The outcomes also prove the need for psychological and pedagogical support of orphan students, development of the institute of tutoring, conducting sociological research to study the dynamic aspect of adaptation.

Keywords: adaptation of the first-year students; academic and sociocommunicative adaptation; objective and subjective criteria of the adaptation process; professional motivation; the institute of tutoring.

Студент – это еще ничего, из
которого может выйти все.

Ш. Патёфи

Введение

В современных условиях жизнь человека находится под постоянным воздействием социальных, экономических, технологических, политических изменений: глобализации, экономических кризисов, экологических рисков развития пандемий, усложнения профессиональной деятельности в связи с совершенствованием информационно-коммуникационных технологий, трансформации социальных ценностей и др. Эти изменения диктуют новые требования к адаптационным возможностям индивида, в частности к его гибкости и мобильности. Данный вопрос особенно актуален для молодежи, поэтому значительное внимание должно уделяться жизненным траекториям и ценностным ориентациям поколения, сформировавшегося в эпоху цифровой революции. Юношей и девушек, рожденных после 2000 г., называют представителями поколения Z, IT-поколения, центениалами¹. Им свойственна глубокая вовлеченность в информационные, цифровые, сетевые технологии.

Социологи отмечают, что уже для миллениалов (поколения игрек, родившегося в 1980–1999 гг.) характерны неспешное взросление, длительный процесс обучения, откладывание трудоустройства, вступления в брак, рождения детей до более позднего возраста. Миллениалы обладают большим адаптивным потенциалом, а их биографические маршруты сильно дестандартизированы [1, с. 84]. Они имеют преимущества в освоении материала в силу «встроенности» информационных технологий в их повседневную жизнь. У генерации центениалов эти особенности проявляются еще ярче. В Беларуси в конце 2021 г. поколение зет составляло 23,8 % населения².

Перспективы и успехи молодежи зависят от многих факторов, в том числе от выбора образовательной траектории. В 2021 г. в государственные учреждения высшего образования (УВО) Республи-

ки Беларусь поступили 52,03 тыс. человек, что на 2,96 тыс. человек меньше, чем годом ранее. Прием в частные УВО составил 3,2 тыс. человек (что на 115 человек меньше, чем в 2020 г.). Из числа поступивших в государственные УВО 24,9 тыс. человек обучались на условиях оплаты [2, с. 53].

Высшее образование призвано выполнить социальный заказ – сформировать самостоятельную, инициативную, творческую, профессионально состоятельную, успешно адаптирующуюся личность.

БГУ является крупным образовательным, научным, инновационным центром, флагманом отечественной науки и образования и входит в 1 % ведущих университетов мира [3, с. 11]. Каждый год первокурсниками дневной формы обучения в БГУ становятся более 3,7 тыс. человек. Первый год обучения в университете – самый сложный этап в жизни студентов. Это время сопряжено с постоянным стрессом, вызванным сменой социальной среды и окружения, новыми обязательствами и возросшей самостоятельностью. Молодым людям необходимо приспособиться к организации образовательного процесса, требованиям преподавателей, учебной нагрузке. Иногородние студенты становятся менее зависимыми от родителей, начинают в полной мере осваивать новые бытовые практики. С этим этапом связаны достаточно высокие риски неуспеваемости и отчисления из университета. Траектория реализации студента во многом определяется степенью его адаптации к новой социальной среде. От характера и продолжительности адаптации, формирования ценностных установок зависят результаты учебной и внеучебной деятельности, индивидуально-личностные практики и профессиональное становление будущих специалистов. Важностью первого года обучения и обусловлен исследовательский интерес к проблеме адаптации первокурсников.

¹Некоторые исследователи пишут уже о детях поколения альфа, рожденных в 2015 г. и позже.

²Республика Беларусь. 2021 : стат. ежегодник. Минск, 2021. С. 49.

Теоретические основы исследования

Многонаправленность феномена социальной адаптации порождает многовариантность в определении его смыслов. Современные исследователи выделяют от 30 до более чем 200 его экспликаций [4; 5]. Только в последние десятилетия стали осуществляться попытки комплексного и системного анализа данного феномена, разработки теоретико-методологических основ социологии адаптаций и формирования единой социологической теории адаптации. Обобщив отдельные концепции, можно сказать, что адаптация рассматривается как процесс приспособления, достижения определенной цели, гомеостаза, гомеорезиса, включение, рациональность, удовлетворение, взаимодействие, развитие и др. [5–7].

Адаптация студентов чаще всего рассматривается как часть социальной адаптации, имеющей свою специфику. Абсолютное большинство работ по этой проблематике носит социально-психологический или педагогический, но не социологический характер. Лишь отдельные авторы выходят на междисциплинарный уровень исследования данного феномена. Почти все работы в этой области имеют прикладной аспект и направлены на решение узких задач. К сожалению, теоретико-методологические основы изучения проблемы адаптации студентов либо вовсе игнорируются, либо рассматриваются поверхностно.

В настоящее время нет единого подхода к определению понятия «адаптация студентов», описанию ее основных стадий, стратегий и барьеров. Наблюдается неопределенность в социологическом измерении и оценке эффективности адаптации студентов. Множественность дефиниций объясняется научными интересами авторов. Анализ публикаций последнего десятилетия показал, что проблема экспликации понятия «адаптация студентов» не потеряла актуальность. Четких дефиниций относительно немного и они имеют разноплановый характер [8; 9].

Мы разделяем точку зрения Р. А. Заякиной, согласно которой «социальная адаптация студента – это процесс/состояние преобразования и/или интерпретации студентом объективного образова-

тельного пространства, себя в нем и его субъективного образа в себе и формирования на этой основе индивидуальной траектории личностного развития, обучения, форм коммуникативного взаимодействия и направленности деятельности студента в образовательном пространстве»³.

В рамках данного исследования мы выделяем академическую адаптацию (к учебной деятельности) и социокоммуникативную адаптацию (к внеучебной деятельности) первокурсников. По причине недостаточной погруженности студентов в профессиональную среду в 1-м семестре нецелесообразно рассматривать в качестве отдельного вида профессиональную адаптацию первокурсников, поэтому представим лишь мотивы выбора профессии и их влияние на академическую адаптацию.

Не теряет актуальности проблема динамики адаптации студентов. Мнения исследователей по этому вопросу расходятся. Одни авторы считают, что адаптация студентов длится два года, другие – что три, третьи – что один год, четвертые – что процесс приспособления происходит на протяжении всего периода обучения. Предпринимаются попытки дифференцировать виды адаптации и определить продолжительность каждого из них (от нескольких недель до четырех лет) [10–13]. При этом все исследователи адаптации студентов солидарны в том, что именно 1-й курс обучения отличается наибольшей интенсивностью и является для первокурсников самым сложным. В вопросе динамики адаптационного процесса мнения также расходятся. Большинство экспертов приходят к выводу о позитивной динамике процесса адаптации на 1-м курсе. Вместе с тем результаты некоторых исследований свидетельствуют о снижении показателей адаптации первокурсников к концу первого учебного года вплоть до психологического отчуждения [14–16].

В данном исследовании научный интерес сфокусирован на 1-м семестре, включая зимнюю сессию. Определяя время проведения опроса (март 2022 г.), мы исходили из того, что именно 1-й семестр является самым сложным этапом адаптационного процесса первокурсников, именуемым острой адаптацией.

Методология исследования

Академическая адаптация – приспособление студентов к новой организации образовательного процесса, новым формам, видам и методам обучения и научной деятельности.

Социокоммуникативная адаптация – приспособление студентов к новому коллективу и универ-

ситетской среде, установление взаимоотношений с членами группы, вовлечение в деятельность студенческих объединений и организацию культурных мероприятий, освоение бытовых навыков.

В таблице представлены индикаторы указанных видов адаптации.

³Заякина Р. А. Социальная адаптация студентов в современном образовательном пространстве как объект философского исследования : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Новосибирск, 2012. С. 10.

Вопросы для анализа академической и социокоммуникативной адаптации студентов

Questions for analysis of academic and sociocommunicative adaptation of students

Индикаторы	Используемая шкала	Варианты ответа
<i>Академическая адаптация</i>		
<p>Что для Вас характерно в учебной деятельности?</p> <ul style="list-style-type: none"> • Учился(-ась) в полную силу своих способностей • Учился(-ась) с интересом • Усваивал(-а) учебный материал без особых трудностей • Систематически готовился(-ась) к семинарским и практическим занятиям • В полном объеме выполнял(-а) учебные задания • Занимался(-ась) сверх установленной программы 	Порядковая	Да Скорее да Скорее нет Нет Затрудняюсь ответить
Пропускали ли Вы учебные занятия по неважной причине в течение 1-го семестра?	Порядковая	Да, обычно несколько раз в неделю Да, три-четыре раза в месяц Да, один-два раза в месяц Да, один-три раза за 1-й семестр Не пропускал(-а) учебные занятия
Укажите Ваш средний балл по итогам 1-го семестра	Порядковая	4–4,9 балла 5–5,9 балла 6–6,9 балла 7–7,9 балла 8–8,9 балла 9–10 баллов Имею задолженности
Участвовали ли Вы в научных конференциях или конкурсах в 1-м семестре?	Дихотомическая	Да Нет
Планируете ли Вы участвовать в научных конференциях или конкурсах?	Порядковая	Да Нет Затрудняюсь ответить
<i>Социокоммуникативная адаптация</i>		
Являетесь ли Вы членом какой-либо студенческой организации?	Порядковая	Да, являюсь членом нескольких студенческих организаций Да, являюсь членом одной студенческой организации Нет
<p>Что для Вас характерно во внеучебной деятельности?</p> <ul style="list-style-type: none"> • Принимал(-а) активное участие в студенческих мероприятиях • Активно посещал(-а) мероприятия, проводимые в БГУ, в качестве зрителя • Следил(-а) за жизнью университета и работой студенческих организаций в социальных сетях 	Порядковая	Да Скорее да Скорее нет Нет Затрудняюсь ответить
Как изменился Ваш круг общения за 1-й семестр?	Порядковая	Расширился значительно Расширился незначительно Почти не изменился Затрудняюсь ответить
Охарактеризуйте Ваши отношения с новыми знакомыми из БГУ, с которыми Вы общаетесь чаще всего	Интервальная	От 1 до 5 баллов, где 1 баллу соответствует ответ «Отношения формальные», а 5 баллам – «Отношения доверительные»
<p>Что для Вас характерно в бытовой деятельности?</p> <ul style="list-style-type: none"> • Просил(-а) у родителей или брал(-а) в долг у друзей деньги на непредвиденные расходы • Обращался(-ась) за помощью к близким в решении мелких бытовых вопросов • Обращался(-ась) за помощью к близким в решении конфликтов с администрацией, одногруппниками и т. д. 	Порядковая	Да, обычно несколько раз в неделю Да, три-четыре раза в месяц Да, один-два раза в месяц Да, один-три раза за 1-й семестр Нет, ни разу

В рамках исследования выделены объективные и субъективные критерии адаптационного процесса студентов. Объективные критерии представляют собой совокупность показателей, которые позволяют фиксировать достижения адаптируемых независимо от их оценок (посещаемость занятий, систематическое выполнение учебных заданий, своевременность сдачи зачетов и экзаменов, показатели успеваемости, участие в научных конференциях и культурных мероприятиях, членство в студенческих организациях). Субъективные критерии отражают отношение первокурсников к процессу адаптации (оценка форм и содержания учебного процесса, межличностных взаимодействий, степени самостоятельности в решении бытовых проблем, удовлетворенности помощью администрации и студенческих организаций).

Объектом исследования выступают студенты 1-го курса, обучающиеся на 15 факультетах БГУ

($n = 2951$ студент). Использовалась кластерная выборка: на каждом факультете случайным образом отбирались две группы студентов 1-го курса, после чего в каждой группе проводился сплошной опрос с использованием сервиса *Google Forms*. Объем выборочной совокупности составил 475 человек. Среди них 38,9 % – юноши и 61,1 % – девушки; 68,7 % – студенты бюджетной формы обучения и 31,3 % – платной формы обучения; 39,7 % – минчане, 21,7 % – выходцы из областных центров, 26,5 % – из районных центров и 12,1 % – выходцы из малых городов и сельской местности; 52,5 % – проживают в общежитии, 39,0 % – с родителями, 8,5 % – проживают в съемной или собственной квартире.

В ходе исследования также проведены полуструктурированные интервью со студентами-сиротами 1-го курса БГУ (восемь интервью), а также со студентами, которые были отчислены после 1-го семестра (пять интервью).

Результаты и их обсуждение

От успешности интеграции студентов-первокурсников в образовательное пространство высшей школы в значительной степени зависят результаты обучения, качество полученного образования, профессиональный рост будущих специалистов. Как показывают результаты исследования, подавляющее большинство (83,8 %) студентов считают, что их жизнь изменилась с поступлением в БГУ.

Особенности адаптации к учебной деятельности. Студенческая жизнь предполагает усвоение новых повседневных практик, в рамках которых студент проявляет активность. Основным видом

деятельности, к условиям которой должен адаптироваться первокурсник, является учебная. Результаты исследования свидетельствуют о том, что большинство первокурсников ответственно относятся к учебе: 85,5 % респондентов учились с интересом, 59,7 % – усваивали материал без особых трудностей, 79,7 % – систематически готовились к занятиям, 77,8 % – в полном объеме выполняли задания, 61,6 % респондентов учились в полную силу своих способностей. Почти треть (29,4 %) студентов настолько заинтересованы в приобретении знаний и умений, что занимались дополнительно (рис. 1).

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопросы, связанные с их отношением к учебной деятельности, %

Fig. 1. Distribution of respondents' answers to questions related to their attitude to educational activities, %

Каждый шестой студент 1-го курса уже в начале 2-го семестра принимал участие в научных конференциях⁴, 45 % студентов из числа тех, кто еще не

участвовал в подобных мероприятиях, высказали намерение это сделать. Девушки чаще (48,4 %), чем юноши (39,6 %), заявляли о своих планах на участие

⁴В октябре – ноябре 2021 г. почти на всех факультетах БГУ проводились конференции, посвященные 100-летию университета.

в конференциях. На протяжении 1-го семестра две трети опрошенных студентов не пропускали или очень редко пропускали учебные занятия по неуважительной причине. Ответственное отношение к учебе обеспечило успешные результаты зимней сессии: средний балл 45,8 % студентов составил 6,0–7,9 балла, у 39,8 % студентов этот показатель равен 8,0–10,0 баллам.

Более трети респондентов отметили, что в 1-м семестре они испытывали трудности в усвоении учебного материала (37,6 %) и учились не в полную силу своих способностей (35,4 %). Около 20 % первокурсников систематически не готовились к занятиям и не в полном объеме выполняли задания. Почти половина (46,0 %) первокурсников затруднились высказаться о своем будущем участии в научных конференциях и конкурсах, так как не понимают, что для этого необходимо предпринять. Неопределенность в большей степени характерна для юношей (51,9 %), чем для девушек (42,2 %). Не планируют включаться в научную деятельность 9 % опрошенных. Анализ данных о посещении учебных занятий как объективного критерия адаптационного процесса свидетельствует о том, что 18 % первокурсников пропускали занятия по неуважительной причине. Особую тревогу вызывают студенты, отсутствующие на занятиях несколько раз в неделю (4,1 %). С нашей точки зрения, частые пропуски занятий на начальном этапе обучения могут свидетельствовать о дезадаптивной ситуации, нередко приводящей к академической неуспеваемости и отчислению из университета.

После первой сессии часть студентов (от 3 до 8 % учащихся в зависимости от факультета) отчисляются. В числе самых распространенных причин отчисления студентов 1-го курса – неуспеваемость, пропуск занятий без уважительной причины, академическая задолженность, нарушение условий договора. Анализ глубинных интервью с отчисленными первокурсниками показал, что основными причинами академических задолженностей и низкой успеваемости являются сложность в усвоении большого объема материала, незаинтересованность в обучении и профессии, лень и неумение организовать свое время, бытовые трудности, совмещение учебы и работы, плохие отношения с преподавателями и сокурсниками. Приведем некоторые высказывания респондентов. *Я приехала в Минск из небольшого городка, совмещала учебу и работу, думала, что успею закрыть все свои долги, но увы...* (студентка, 18 лет). *У меня было много пропусков, накопились долги, отработки, я даже не смог сдать зачеты* (студент, 18 лет). *Было очень сложно учиться, сейчас понимаю, что совсем мало времени уделяла учебе в течение се-*

мestra (студентка, 17 лет). *Друзей или даже просто хороших приятелей в группе у меня не было. Поэтому с учебными вопросами и проблемами не мог ни к кому обратиться* (студент, 18 лет).

подавляющее большинство респондентов сожалеют об отчислении из университета и винят в сложившейся ситуации в первую очередь себя. Вместе с тем некоторые информанты считают, что им просто не повезло: *Не скажу, что был худшим в группе, просто другим повезло больше. Может, я не понравился преподавателям. В принципе, не особо жалею, эта специальность мне точно не нужна. Если и буду вновь поступать, то в другой университет* (студент, 18 лет).

Некоторые опрошенные первокурсники указали на низкий уровень осведомленности об учебном процессе: *Я даже не знал, что за три двойки сразу отчисляют, наверное, меня не было, когда куратор это объясняла. Я был уверен, что есть возможность двух пересдач. Если бы я знал, думаю, лучше бы подготовился хоть к последнему экзамену* (студент, 18 лет). *Не думала, что рейтинг имеет такое большое значение и что могут просто не допустить к экзамену. Была уверена, что на сессии все выучу и сдам* (студентка, 17 лет).

В качестве основных трудностей интеграции в учебную деятельность также были отмечены неравномерность учебной нагрузки, новые критерии оценки знаний, непонимание своих учебных обязанностей, отсутствие привычного контроля.

В ходе исследования проверялась гипотеза о влиянии на академическую адаптацию первокурсников формы обучения (бюджетная или платная), профиля факультета (экономический, технический, социально-гуманитарный или естественно-научный) и места жительства до поступления в БГУ (Минск, областной центр, районный центр, малый город или сельская местность). Корреляционный анализ показал, что данные факторы не оказывают существенного влияния на адаптацию к учебной деятельности. Значимыми факторами оказались пол и учебное заведение, которое окончили первокурсники до поступления в БГУ, что также подтверждается результатами кластерного анализа⁵. Среди тех студентов, кто учился в 1-м семестре в полную силу своих способностей, усваивал материал без особых трудностей, систематически готовился к занятиям, в полном объеме выполнял задания и не пропускал занятия, т. е. среди тех, чья академическая адаптация прошла успешно, почти треть (31,9 %) составляют девушки, окончившие гимназию. Тот факт, что девушки легче приспосабливаются к новой образовательной среде, по нашему мнению, объясняется их более высоким уровнем ответственности, прилежания, ориентации

⁵Доля дисперсии, объясняющей принадлежность объектов к кластерам, составила 77,1 %.

на учебу и заинтересованности в успеваемости. Что касается выпускников гимназий, то можем предположить, что организационно-педагогическая связь между университетами и гимназиями позволяет первокурсникам получить адекватное представление о методах и формах обучения в высшей школе. Все это значительно упрощает их академическую адаптацию.

В качестве факторов адаптации к учебной деятельности изучались мотивы выбора профессии.

Установлено, что большинство (78,9 %) респондентов, поступая в университет, руководствовались интересом к избранной специальности. Среди мотивов поступления в университет также были названы востребованность профессии (на это указали 38,2 % респондентов), престиж специальности (24,9 %) и высокая заработная плата в будущем (25,5 %). Каждый четвертый (24,3 %) участник опроса заявил, что выбор профессии обусловлен стечением обстоятельств (рис. 2).

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что стало для Вас определяющим фактором при выборе факультета, специальности?», %

Fig. 2. Distribution of respondents' answers to the question: «What were the determining factors for you when choosing a faculty, speciality?», %

Таким образом, у многих первокурсников доминирует профессиональная мотивация, в которой внутренне осознанные профессиональные мотивы преобладают над внешне сформированными (39,2 %). Выбор профессии для них является обдуманным, обоснованным и в большинстве случаев самостоятельным, что свидетельствует о личной профессиональной мотивации. Вместе с тем почти у половины студентов отмечается сочетание внутренне осознанной и внешне сформированной мотивации (49,6 %), у части студентов (11,2 %) – преобладание последней.

Для дальнейшего анализа из массива опрошенных были выделены две группы – мотивированные студенты (которые при опросе выбрали варианты ответа «Интерес к избранной специальности», «Престиж профессии» и «Востребованность профессии») и немотивированные студенты (которые выбрали только один вариант ответа – «Стечение обстоятельств»). Мотивированных студентов оказалось 39,5 %, немотивированных – 8,1 %. Отношение представителей обеих групп к учебной деятельности представлено на рис. 3.

Мотивированные студенты продемонстрировали более высокие показатели учебной деятельности.

Следовательно, первокурсники, имеющие четко выраженную мотивацию при выборе будущей профессии, лучше приспосабливаются к новой среде. Есть основания утверждать, что в БГУ созданы условия, способствующие комфортной адаптации студентов к учебному процессу.

Особенности адаптации ко внеучебной деятельности. Внеучебную деятельность студентов можно рассматривать как дополнение к традиционной учебной практике. Студенты, активно участвующие в различных мероприятиях, приобретают ряд важных качеств, способствующих их дальнейшей профессиональной реализации. Кроме того, внеучебная активность способствует расширению социальных связей юношей и девушек, их активному включению в новую социальную среду. Участие в общественной жизни БГУ выступает своеобразным транзитом между персональными установками студента, его интересами, возможностями и университетом. Изучение заинтересованности первокурсников в подобном виде деятельности позволяет понять, насколько эффективны инструменты, которые использует университет, и соответствуют ли они запросам студентов.

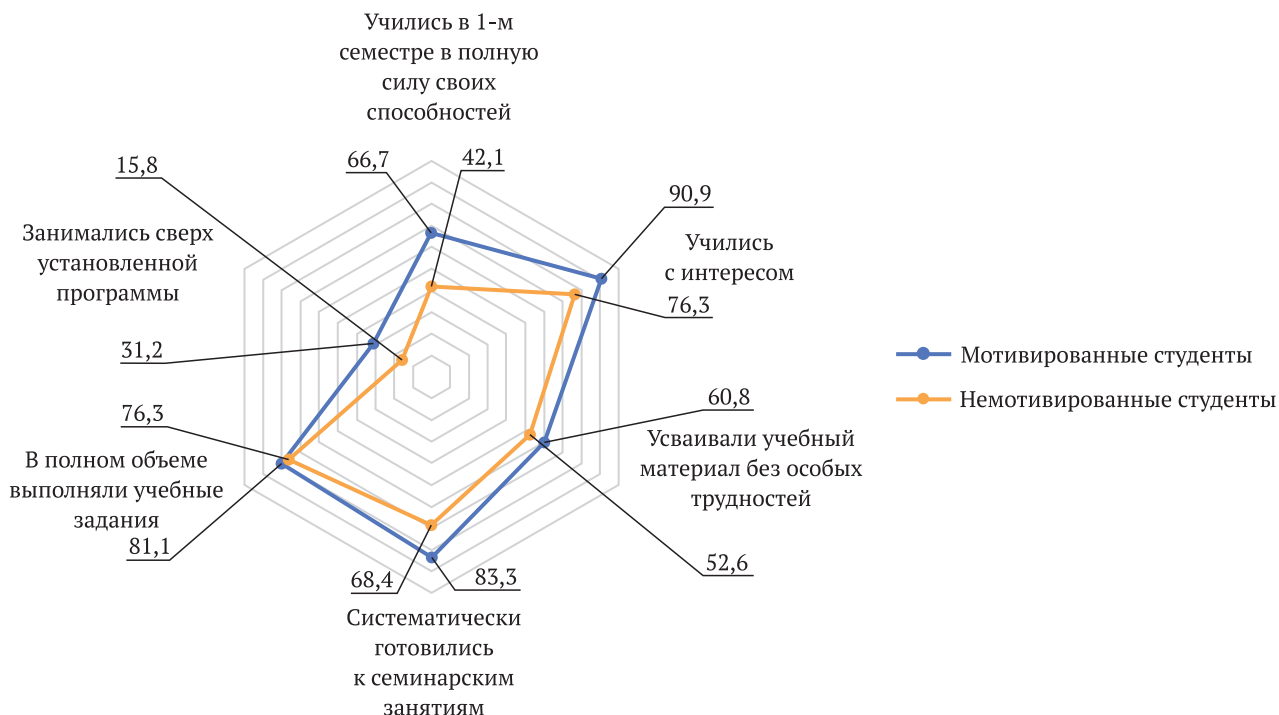

Рис. 3. Отношение мотивированных и немотивированных студентов к учебной деятельности, %
Fig. 3. The attitudes of the motivated and unmotivated students towards learning activities, %

Выявлено, что каждый второй (50,7 %) студент 1-го курса включился в деятельность общественных организаций, причем 18,1 % из них на момент исследования являлись членами нескольких студенческих объединений. Эти данные свидетельствуют о достаточно высокой вовлеченности первокурсников в общественную жизнь университета, что, в свою очередь, говорит об относительно высокой эффективности данной формы организации внеучебной деятельности. Однако формальная принадлежность парней и девушек к студенческим объединениям еще не показатель их общественной активности. В студенческих мероприятиях участвовали чуть более трети (34,0 %) опрошенных студентов, при этом организаторами выступали 37,2 % девушек и 28,8 % юношей.

Включенность в жизнь университета подразумевает и пассивные формы, такие как посещение мероприятий или наблюдение за ними через социальные сети. Исследование показало, что именно пассивные формы участия доминируют среди первокурсников. Следили за жизнью университета и работой студенческих организаций в социальных сетях 71,4 % участников опроса. Следует подчеркнуть, что девушки более активно посещают мероприятия (52,3 %) и чаще следят за жизнью университета через социальные сети (82,9 %), чем юноши (35,7 и 53,2 % соответственно). Данные о социальной активности первокурсников представлены на рис. 4.

Более высокую социальную активность проявляют студенты, проживающие в общежитии. Они чаще указывали на то, что входят в одну или несколько студенческих организаций. Это объясняется тем, что студенты, проживающие в общежитии, находятся в более тесных социальных связях и активно обмениваются информацией о тех или иных формах внеучебной деятельности, их значимости, возможностях.

Первокурсники, которые до поступления в университет состояли в общественных объединениях, с большей вероятностью становятся членами студенческих организаций, а также активно участвуют в жизни университета и как организаторы, и как участники мероприятий. Это связано с тем, что интерес к общественной деятельности у них был сформирован еще во время обучения в школе или гимназии и сохранился после поступления в университет.

Важным фактором социальной адаптации является приобретение новых социальных контактов. Студенту необходимо выстраивать новые взаимоотношения, которые в дальнейшем повлияют на его повседневную жизнь.

Исследование свидетельствует о том, что после поступления в университет у 59,7 % студентов круг общения значительно расширился, но у каждого десятого опрошенного (10,7 %) круг знакомых, друзей остался прежним. Девушки показали себя более коммуникабельными, чем юноши (рис. 5).

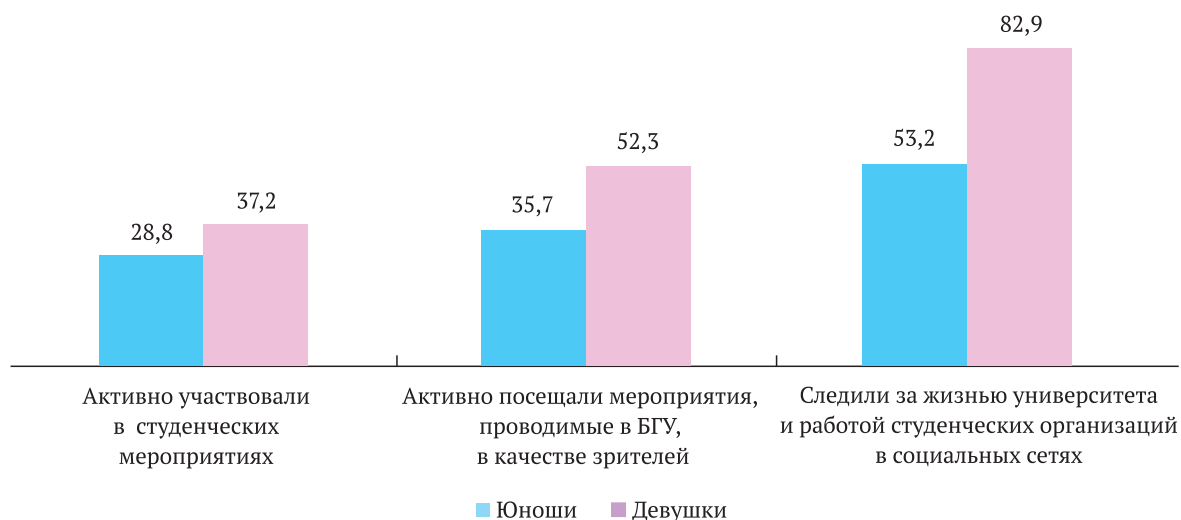

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы проявляли свою социальную активность в университете?» – в зависимости от пола, %

Fig. 4. Distribution of respondents' answers to the question: «How do you show your social activity at the university?» by gender, %

Более двух третей (67,5 %) студентов характеризуют отношения с новыми знакомыми как доверительные, 32,5 % респондентов считают их нейтральными или формальными. Важно подчеркнуть, что среди студентов, чей круг знакомств значительно расширился, 86,4 % опрошенных называют отношения с новыми знакомыми, друзьями доверительными. При этом 56,9 % первокурсников, чей круг общения практически не изменился, указали на формальный характер общения с новыми знакомыми.

В процессе адаптации к университетской среде студенты 1-го курса сталкиваются с рядом трудностей, самостоятельно решить которые не всегда возможно. Анализ обращений студентов за помощью к различным структурам БГУ позволяет оценить успешность познавательного-информационного при-

способления первокурсников и эффективность работы университета в данном вопросе.

Структура БГУ представляет собой многоступенчатую систему, что позволяет студенту обращаться за помощью к различным представителям администрации. Выявлено, что 19,2 % студентов 1-го курса в течение 1-го семестра обращались за помощью к администрации БГУ. Юноши делали это немного чаще, чем девушки (22,3 и 17,3 % соответственно). Обычно студенты обращались за помощью к заместителю декана факультета (это отметили 60,0 % опрошенных) и к куратору группы (57,8 %) (рис. 6). Абсолютное большинство (85,7 %) первокурсников остались удовлетворены оказанной помощью, 9,9 % – высказали среднюю степень удовлетворенности ей, 4,4 % первокурсников оказались не удовлетворены ей.

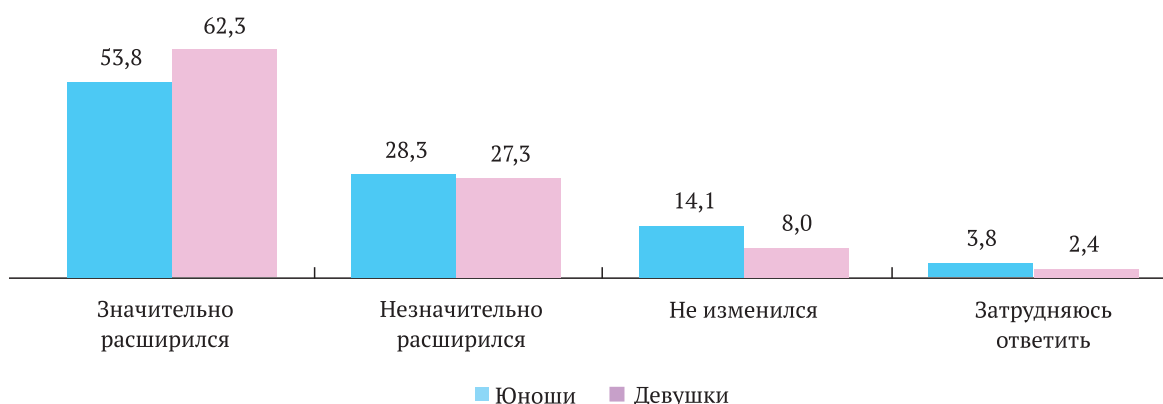

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как изменился Ваш круг общения в 1-м семестре?» – в зависимости от пола, %

Fig. 5. Distribution of respondents' answers to the question: «How has your social circle changed in the first semester?» by gender, %

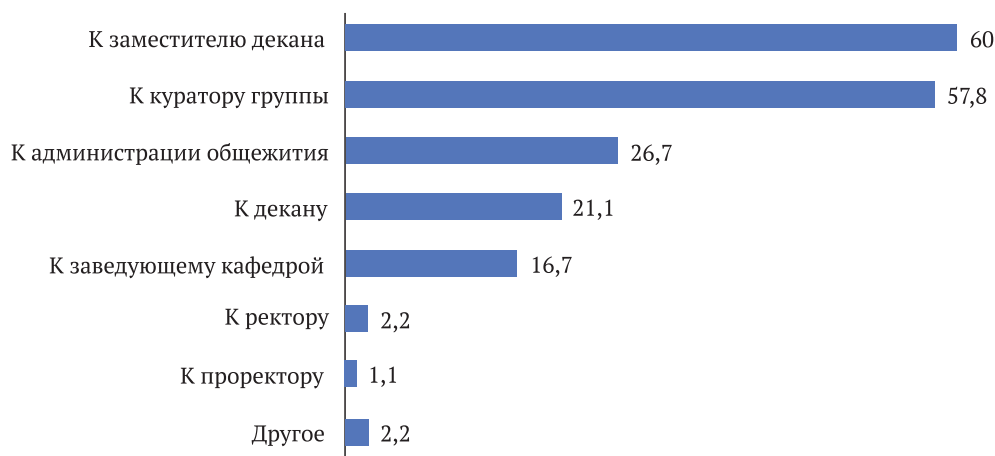

Рис. 6. Распределение ответов респондентов на вопрос: «К кому из представителей администрации БГУ Вы обращались за помощью в решении проблем?», %

Fig. 6. Distribution of respondents' answers to the question: «Which member of the administration of the Belarusian State University have you contacted for help with problems?», %

Проблема адаптации студентов младших курсов не нова, однако остается актуальной, так как меняются подходы к организации образовательного процесса в высшей школе, набор универсальных, базовых и специальных компетенций специалистов, образовательные стандарты, появляются новые специальности, специализации. Необходимо изучать положительный опыт. Кроме того, следует искать новые формы работы с первокурсниками, направленные на оптимизацию их адаптации. Одной из таких форм является институт тьюторства. В БГУ преподаватели-тьюторы начали работать с осени 2021 г. Их деятельность направлена на индивидуализацию обучения, создание условий и возможностей для раскрытия творческого потенциала обучающихся. Когда у студента (тьюторанта) в силу разных причин возникают проблемы в общении с другими субъектами учебного процесса, на помощь приходит тьютор. Он помогает студенту наладить социальные контакты через освоение коммуникативно-рефлексивных методик, техник, технологий, культурных форм коммуникации. Важно отметить, что тьютор призван запустить развитие, совершенствование молодого человека через самообразование. Это не столько процесс воспитания, обучения и развития в интересах личности и общества, сколько осмысленное формирование каждым студентом уникального, индивидуального образа в жизни в целом и в ходе обучения в частности. Тьютор помогает подопечному сориентироваться в его целях, желаниях и ожиданиях, соотнес их с возможностями, демонстрирует обширную обучающую среду, содействует построению образовательного маршрута студента, описывает его возможности в рамках предложенно-

го маршрута. На наш взгляд, институт тьюторства может стать эффективным инструментом адаптации студентов.

Помочь первокурснику в решении проблем могут и студенческие организации. Как правило, за помощью в подобные объединения обращаются лишь те студенты, которые активно участвуют в жизни университета. Таких немного – 5,9 % первокурсников. Самыми популярными организациями, в которые парни и девушки обращались за помощью, оказались Студенческий совет БГУ и Творческий союз БГУ. Стоит отметить, что данное распределение ответов может быть связано с тем, что в число респондентов с большей вероятностью входили члены данных организаций. Несмотря на малочисленность обращений, большинство опрошенных удовлетворены оказанной им помощью.

Одним из успешных проектов, реализуемых в БГУ, является студенческая кураторская служба. Студент-куратор – это студент 2–5-го курсов, который добровольно и безвозмездно оказывает информационную и организационную поддержку первокурсникам.

Студенты-кураторы не являются ни лидерами группы, ни ее руководителями, они позиционируют себя как друзья первокурсников. Для вчерашних школьников кураторы становятся университетскими «родителями». Именно они погружают первокурсников в общественную деятельность, давая им возможность реализовать себя. Студенты-кураторы проходят подготовку в Психологической службе БГУ, поэтому способны оказать моральную поддержку студентам 1-го курса, в том числе в решении межгрупповых и межличностных конфликтов.

Обращение первокурсников за помощью в администрацию БГУ и студенческие организации свидетельствует о сложностях, с которыми у студентов нет возможности справиться самостоятельно, что в очередной раз указывает на проблемный характер их адаптации. Вместе с тем выявлено, что в течение 1-го семестра студенты сформировали четкое представление о структуре университета и своих правах, что позволяет говорить об их успешной познавательной-информационной интеграции в новую среду. Обращение первокурсников за помощью в администрацию БГУ представляется востребованным и эффективным способом решения трудностей. Небольшое число обращений за помощью к студенческим организациям можно объяснить недостаточной информированностью студентов о том, что подобные объединения могут оказывать поддержку не только своим членам, но и всем желающим. Кроме того, студент не всегда может знать, как связаться с представителями студенческих объединений.

Одной из серьезных сложностей для первокурсников выступает то, что им приходится принимать самостоятельные решения по многим вопросам, в том числе по социально-бытовым. Так, 65,2 % первокурсников обращались к своим близким за помощью в решении мелких бытовых вопросов. Юноши это делали несколько реже, чем девушки (60,3 и 68,2 % соответственно). За такой помощью обращаются не только первокурсники, проживающие в общежитии (на это указали 71,8 % респондентов), но и большая часть (56 %) минчан, которые живут с родителями. Более половины (54 %) опрошенных просили у родителей или брали в долг у друзей деньги на непредвиденные расходы. Девушки это делали чаще (58,8 %), чем юноши (46,4 %). Следует отметить, что студенты из семей с более низким материальным статусом стараются реже просить деньги у родителей или одалживать их у друзей, чем студенты из более обеспеченных семей. На необходимость прибегнуть к помощи близких в решении конфликтных ситуаций с администрацией университета, одноклассниками указали 13,2 % опрошенных.

Особенности адаптации студентов-сирот. Внедрение в образовательный процесс инструментов, способствующих адаптации первокурсников, должно основываться на индивидуальном подходе. Особого внимания требуют студенты-иностранцы, студенты с ограниченными физическими возможностями и студенты-сироты. Их личные обстоятельства оказывают влияние на процесс включения в новые условия жизнедеятельности.

Особенно остро стоит вопрос адаптации студентов-сирот. Социальный опыт таких студентов носит уникальный характер, что необходимо учитывать при разработке решений по их активному включению в университетскую среду. Это позволит

им не только эффективно овладевать знаниями, но и определит их профессиональную реализацию. Анализ восьми глубинных интервью позволяет зафиксировать некоторые особенности адаптационного процесса студентов-сирот, а также их проблемы при получении высшего образования.

Поскольку студенты-сироты ограничены в социальной и материальной поддержке родственников, процесс их адаптации определяется во многом гарантиями и льготами, предоставляемыми государством. Среди последних наиболее эффективными, по мнению респондентов, являются социальные выплаты, льготы при поступлении, место в общежитии вне очереди и бесплатный проезд в общественном транспорте: *Что касается наиболее эффективных льгот, то, на мой взгляд, это возможность поступления вне конкурса, когда ты уверен на 100 %, что поступишь на выбранную специальность... Особенно важно, что тебе предоставят общежитие, если ты иногородний и у тебя нет возможности снимать жилье (студентка, 18 лет).*

Анализ интервью показал, что студенты-сироты осознанно подходили к выбору места обучения: *Я достаточно рано задумался о том, куда буду поступать, что мне интересно. После 9-го класса я поступил в колледж и окончил его. Можно было получить высшее экономическое образование, но я понял, что это не мое. В итоге поступил на исторический факультет БГУ... Изначально думал, что буду поступать в Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, но потом решил попробовать поступить в столичный университет. На выбор повлиял также престиж учреждения (студент, 20 лет).*

Сложно утверждать, что все студенты данной группы делают осознанный выбор. Не исключены случаи, когда льгота при поступлении позволяет вновь сдать централизованное тестирование и быть зачисленным на другой факультет.

Показателем адаптации студентов к учебному процессу является их отношение к учебной деятельности. Эмпирический материал подтверждает относительно высокий уровень адаптированности студентов-сирот к учебному процессу. Трудности были связаны в первую очередь с высокой нагрузкой и взаимодействием с преподавателями и одноклассниками: *Поначалу было трудно, так как тяжело перестроиться после школы. Потому что в школе все тебя знают... Трудности были с рефератами, курсовыми, в первое время это давалось тяжело. За помощью я обращался к студентам старших курсов (студент, 20 лет).*

По словам информантов, интерес к обучению у них высокий, они редко пропускали занятия без уважительных причин: *Занятия я пропускаю нечасто. Но из-за проблем со здоровьем иногда езжу в поликлинику. Получается так, что нет другого удобного времени и я пропускаю пары (студентка, 19 лет).*

Внеучебная деятельность является важной составляющей жизни студентов. Различные формы социальной активности способствуют приобретению общекультурных и общепрофессиональных компетенций, расширению социальных связей обучающихся, их активному включению в новую социальную среду.

Анализ глубинных интервью показал, что студенты-сироты не видят себя в качестве организаторов студенческих мероприятий, отдавая предпочтение ролям участника или зрителя: *Я не являюсь членом студенческих объединений. Я скорее зритель, так как не очень люблю выступать перед людьми. Но если необходимо участвовать в мероприятии всем одногруппникам, то я не против. Мне интересно, потому что это что-то новое, особенно когда мы собираемся всей группой вместе с куратором* (студентка, 18 лет).

Эмпирический материал свидетельствует о том, что студентам-сиротам в первое время обучения тяжело самореализоваться во внеучебной деятельности по причине их некоторой отстраненности от коллектива. Для них характерна пассивная форма включения в университетскую среду. Несколько респондентов объяснили свое нежелание проявлять активность психологическим дискомфортом.

На успешность адаптации студентов-сирот влияет их способность самостоятельно организовывать быт. Все студенты, принявшие участие в интервью, проживали в общежитии и указывали на то, что условия их полностью устраивают, бытовых проблем нет. Однако каждый информант указал на проблемы во взаимодействиях с соседями, необходимость подстраиваться к окружающим: *Главной проблемой проживания в общежитии является соседство. Найти общий язык получается не всегда. Очень часто происходят конфликты, в основном из-за невыполнения договоренностей. Но в последнее время ссор стало меньше, мы как-то ужились, привыкли к таким отношениям* (студент, 18 лет).

Значимой проблемой для респондентов является выстраивание отношений со сверстниками. Часть из них указали на то, что стараются не говорить о своем статусе, так как боятся, что это может оказать негативное влияние на их репутацию в группе или среди соседей по блоку: *Когда я только поступила в БГУ, мои одногруппницы, с которыми я жила в комнате, не очень красиво высказывались о детях-сиротах. Говорили о том, что те якобы заняли их места. Меня это немного задевало... Мои друзья не знают о том, что я сирота, мне комфортнее, когда об этом никто не знает* (студентка, 19 лет).

Все информанты отмечали, что у них нет слишком близких отношений с одногруппниками или соседями, но они стараются доброжелательно общаться со всеми. Такие замечания подтверждают

вывод о том, что студенты-сироты предпочитают не предпринимать активных действий по преобразованию окружающей их действительности. Это связано в первую очередь со страхом неприятия себя в коллективе.

Мнения относительно действий администрации БГУ по улучшению положения студентов-сирот разделились. Пять информантов отметили, что студенты-сироты ничем не отличаются от остальных первокурсников, поэтому достаточными мерами для их поддержки будет предоставление условий, позволяющих комфортно обучаться и проживать в общежитии. Три человека, напротив, высказали мнение о том, что некоторым студентам-сиротам необходима дополнительная помощь, в первую очередь психологическая. Консультации психологов могут им адаптироваться к новой среде, сформировать умение решать конфликты, организовывать учебную деятельность, что позволит им чувствовать себя полноценными членами студенческого коллектива: *Лично я сейчас периодически обращаюсь в Психологическую службу БГУ. На мой взгляд, чтобы помочь студентам-сиротам, необходимо вступить с ними в контакт, разговаривать* (студент, 20 лет).

Как показали результаты глубинных интервью, студенты-сироты предпочитают использовать стратегии пассивной адаптации к социальной среде. Отказ от активного преобразования социального пространства связан в первую очередь с ограничениями в социальном и материальном капитале. К примеру, значительная часть студентов-сирот не могут себе позволить арендовать жилье в том случае, если проживание в общежитии приносит им дискомфорт. Они с большей вероятностью не будут иметь социальных связей, в том числе из числа родственников, которые могли бы помочь им в выстраивании активной адаптивной стратегии. Еще одной значимой причиной выбора пассивных стратегий служат отсутствие или недостаточный объем социального опыта и сопряженные с ним страхи и тревоги по отношению к более активным формам взаимодействия с окружающим миром. Помимо этого, пассивность в адаптации студентов-сирот может быть обусловлена страхом неприятия себя в коллективе.

Очевидно, что данные выводы нельзя экстраполировать на всех студентов-сирот, так как стратегии их поведения во многом зависят от социального опыта, условий жизни до поступления в УВО, личностных качеств. Так, студентам-сиротам, проживавшим до поступления в университет в приемных семьях, адаптироваться к новым условиям легче, чем выходцам из интернатных учреждений. Поэтому при разработке механизмов социальной адаптации студентов-сирот необходимо отталкиваться от индивидуальных особенностей каждого первокурсника.

Заключение

У большинства первокурсников академическая адаптация в 1-м семестре проходит достаточно успешно. Они благополучно преодолевают дидактические трудности, активно приспосабливаются к новым требованиям, формам и видам учебной деятельности, демонстрируя свой адаптационный потенциал. Это объясняется хорошей доуниверситетской подготовкой (о чем свидетельствуют достаточно высокие проходные баллы при поступлении в БГУ), внутренне осознанной мотивацией и интересом к учебе. Вместе с тем особенности адаптации первокурсников свидетельствуют о ее незавершенном характере. Поэтому говорить о высоком уровне адаптированности пока не представляется возможным.

Низкая успеваемость, являющаяся одной из основных причин отчисления первокурсников из университета, обусловлена во многом трудностями академической адаптации. Среди основных из них можно назвать большой объем изучаемого материала и сложность в его усвоении, отсутствие интереса к учебе, неравномерность учебной нагрузки, низкий уровень осведомленности об особенностях, требованиях, нормах учебного процесса и своих учебных обязанностях, а также новые критерии оценки знаний. Для оптимизации адаптационного процесса и упреждения дезадаптивной ситуации крайне важно своевременно выявлять группы риска и проводить с ними индивидуальную работу.

Адаптация первокурсников ко внеучебной деятельности в БГУ в целом проходит успешно. Фиксируется достаточно высокий уровень включенности студентов 1-го курса в общественную жизнь университета, причем более активными в данной сфере являются девушки. Главная задача руководителей студенческих организаций – сохранить интерес первокурсников к общественной деятельности, в ходе которой формируются непрофессиональные компетенции, получившие название *soft skills* (социально-коммуникативные и когнитивные навыки, атрибуты личности и составляющие эмоционального интеллекта). Под воздействием информатизации значительно меняются рынки труда, а следовательно, и требования к навыкам выпускников университета: профессиональные компетенции дополняются *soft skills*. Вовлеченность первокурсников в деятельность студенческих организаций, волонтерскую работу, проведение культурно-просветительских мероприятий позволит сформировать им

ответственность, креативность, гибкость, честность, умение работать в группе, решать проблемы, критически мыслить.

Успешность адаптации студентов-сирот к среде УВО в значительной степени зависит от их личностных качеств, мотивации учебной деятельности, коммуникативных умений. К основным проблемам, выявленным в ходе глубинных интервью, относятся неадекватная самооценка, неуверенность в своих силах, проблемы взаимодействия с соседями в общежитии, отсутствие доверительных отношений с одноклассниками, пассивная форма включения в университетскую среду. Эффективным инструментом адаптации студентов-сирот к образовательной среде является их психолого-педагогическое сопровождение, причем не только на 1-м курсе, но и на протяжении последующих лет обучения. Совместная деятельность кураторов группы, студентов-кураторов и тьюторов обеспечит личностное развитие и профессиональное становление обучающихся данной категории.

Работа с первокурсниками должна строиться на принципах индивидуализации обучения, учета личности студента в образовании, а также формирования субъектности его позиции. Эффективной адаптации способствует развитие института тьюторства. Тьютор помогает выстроить индивидуальную образовательную траекторию студента уже на 1-м курсе и сопровождает движение по ней в течение четырех-пяти лет. Для формирования у первокурсников навыков самообразования, самоопределения, самоорганизации необходимо согласовывать действия кураторов группы, студентов-кураторов и тьюторов.

Процесс адаптации первокурсников к организации учебного процесса, требованиям преподавателей, нагрузке, новому социальному окружению, бытовым условиям обычно заканчивается к 3-му курсу. Однако к этому времени у студентов может наступить разочарование в возможностях реализации собственных способностей в университете, перспективах формирования необходимых навыков, получаемой специальности. В связи с этим очень важно изучить динамику адаптационного процесса студентов. Исследования в мониторинговом режиме позволяют фиксировать изменения в адаптации студентов, оперативно реагировать на проблемы, влиять на процесс усвоения новых социальных практик и формирование системы ценностей.

Библиографические ссылки

1. Ядова МА. Жизненные траектории молодежи в XXI веке: риски и возможности. *Социологические исследования*. 2022;2:83–93. DOI: 10.31857/S013216250011067-6.
2. Соломонова ВВ, Шнитко АВ. *Система образования Республики Беларусь в цифрах*. Минск: Главный информационно-аналитический центр Министерства образования Республики Беларусь; 2022. 62 с.

3. Данилов АН. *Vivat universitas! 100 лет институционализации социологии в Белорусском государственном университете. Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021;3:4–12. DOI: 10.33581/2521-6821-2021-3-4-12.
4. Козырева ПМ. *Адаптация населения к условиям трансформирующегося общества в постсоветской России.* Москва: Гуманитарий; 2011. 48 с.
5. Корель ЛВ. *Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики.* Новосибирск: Наука; 2005. 424 с.
6. Кузнецов ПС. *Концепция социальной адаптации.* Саратов: Издательство Саратовского университета; 2000. 257 с.
7. Ромм МВ. *Адаптация личности в социуме: теоретико-методологический аспект.* Новосибирск: Наука; 2002. 275 с.
8. Куницкая ОС. Адаптация студентов-первокурсников к образовательной среде учреждения высшего образования: сущность и структура. *Высшая школа.* 2018;3:55–60.
9. Резник СД, Черниковская МВ, Носова ЕВ. Адаптация студентов-первокурсников к условиям обучения в университете: опыт, проблемы, перспективы. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2017;2:36–41.
10. Кручинина ГА, Дарьенкова НН. *Адаптация студентов первого курса к обучению в техническом вузе в условиях информатизации образования.* Нижний Новгород: Издательство Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета; 2016. 187 с.
11. Долгова ВИ, Кондратьева ОА, Нижегородцева ЕС. Исследование адаптации первокурсников к обучению в университете. *Научно-методический электронный журнал «Концепт»* [Интернет]. 2015 [процитировано 18 апреля 2022 г.];31:66–70. Доступно по: <http://e-koncept.ru/2015/95520.htm>.
12. Гальдикас ЛН. Адаптация студентов как необходимое условие их успеха в обучении. *Научно-методический электронный журнал «Калининградский вестник образования»* [Интернет]. 2022 [процитировано 4 апреля 2022 г.];1(13):26–32. Доступно по: https://koirojournal.ru/wp-content/uploads/2022/03/kvo_113-4_galdikas.pdf.
13. Friedlander LJ, Reid GJ, Shupak N, Cribbie R. Social support, self-esteem, and stress as predictors of adjustment to university among first-year undergraduates? *Journal of College Student Development.* 2007;48(3):259–274.
14. Щелкова ТВ. Трудности адаптации студентов младших курсов к условиям УВО. *Высшая школа.* 2014;1:50–54.
15. Фатыхова РМ, Иванченко ТП, Зайнуллин АМ. Адаптация студентов-первокурсников к условиям обучения в вузе. *Педагогический журнал Башкортостана.* 2017;6:59–70.
16. Горбунова (Колодова) ЕВ. Адаптация студентов 1–3 курсов бакалавриата/специалитета к университетской жизни (в НИУ «Высшая школа экономики» в 2011/2012 учебном году). *Эмпирические исследования. Universitas* [Интернет]. 2017 [процитировано 31 марта 2022 г.];1(1):48–64. Доступно по: <https://universitas.hse.ru/data/2013/01/21/1305651731/universitas%201.1%pdf>.

References

1. Yadova MA. Life trajectories of youths in the 21st century: risks and opportunities. *Sotsiologicheskie issledovaniya.* 2022;2:83–93. Russian. DOI: 10.31857/S013216250011067-6.
2. Solomonova VV, Shnitko AV. *Sistema obrazovaniya Respubliki Belarus' v tsifrakh* [The educational system of the Republic of Belarus in figures]. Minsk: Main Information and Analytical Center of the Ministry of Education of the Republic of Belarus; 2022. 62 p. Russian.
3. Danilov AN. *Vivat universitas! 100 years of institutionalisation of sociology at the Belarusian State University. Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021;3:4–12. Russian. DOI: 10.33581/2521-6821-2021-3-4-12.
4. Kozyreva PM. *Adaptatsiya naseleniya k usloviyam transformiruyushchegosya obshchestva v postsovetskoi Rossii* [Adaptation of the population to the conditions of transforming society in post-Soviet Russia]. Moscow: Gumanitarii; 2011. 48 p. Russian.
5. Korel' LV. *Sotsiologiya adaptatsii: voprosy teorii, metodologii i metodiki* [The sociology of adaptation: issues of theory, methodologies, and techniques]. Novosibirsk: Nauka; 2005. 424 p. Russian.
6. Kuznetsov PS. *Kontseptsiya sotsial'noi adaptatsii* [The concept of social adaptation]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta; 2000. 257 p. Russian.
7. Romm MV. *Adaptatsiya lichnosti v sotsiume: teoretiko-metodologicheskii aspekt* [Adaptation of the person in the society: theoretical and methodological aspect]. Novosibirsk: Nauka; 2002. 275 p. Russian.
8. Kunitskaya OS. [Adaptation of the first-year students to the educational environment of higher education institution: essence and structure]. *Vysheishaya shkola.* 2018;3:55–60. Russian.
9. Reznik SD, Chernikovskaya MV, Nosova EV. [Adaptation of first-year students to the conditions of university studies: experience, problems, and prospects]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki.* 2017;2:36–41. Russian.
10. Kruchinina GA, Dar'enkova NN. *Adaptatsiya studentov pervogo kursa k obucheniyu v tekhnicheskome vuze v usloviyakh informatizatsii obrazovaniya* [Adaptation of the first-year students to studies at technical university in the conditions of informatization of education]. Nizhny Novgorod: Izdatel'stvo Nizhegorodskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta; 2016. 187 p. Russian.
11. Dolgova VI, Kondrat'eva OA, Nizhegorodtseva ES. [A study of the adaptation of the first-year students to studying at university]. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal «Koncept»* [Internet]. 2015 [cited 2022 April 18];31:66–70. Available from: <http://e-koncept.ru/2015/95520.htm>. Russian.
12. Gal'dikas LN. [Adaptation of students as a prerequisite for their success in learning]. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal «Kaliningradskii vestnik obrazovaniya»* [Internet]. 2022 [cited 2022 April 4];1(13):26–32. Available from: https://koirojournal.ru/wp-content/uploads/2022/03/kvo_113-4_galdikas.pdf. Russian.

13. Friedlander LJ, Reid GJ, Shupak N, Cribbie R. Social support, self-esteem, and stress as predictors of adjustment to university among first-year undergraduates? *Journal of College Student Development*. 2007;48(3):259–274.

14. Shchelkova TV. [Difficulties in the adaptation of undergraduate students to the university conditions]. *Vysheishaya shkola*. 2014;1:50–54. Russian.

15. Fatykhova RM, Ivanchenko TP, Zainullin AM. [Adaptation of first-year students to the university environment]. *Pedagogicheskii zhurnal Bashkortostana*. 2017;6:59–70. Russian.

16. Gorbunova (Kolotova) EV. [Adaptation of 1–3 year undergraduate/specialist degree students to university life (at the «Higher School of Economics» in the academic year 2011/2012)]. *Empiricheskie issledovaniya. Universitas* [Internet]. 2017 [cited 2022 March 31];1(1):48–64. Available from: <https://universitas.hse.ru/data/2013/01/21/1305651731/universitas%201.1.pdf>. Russian.

Статья поступила в редколлегию 12.07.2022.
Received by the editorial board 12.07.2022.

ЮБИЛЕИ

JUBILEES

Владислав Александрович
ЛЕКТОРСКИЙ

Vladislav Aleksandrovich
LEKTORSKII

Всемирно известный философ Владислав Александрович Лекторский 23 августа отметил 90-летний юбилей. За плечами у этого выдающегося ученого, академика РАН, доктора философских наук, профессора большой жизненный путь. Судьба соединила Владислава Александровича с Институтом философии РАН. В аспирантуру института он поступил после окончания философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в 1955 г. Широкою известность В. А. Лекторский получил благодаря работам в области теории познания и философии сознания, а также благодаря тому, что являлся редактором ведущего академического научного издания «Вопросы философии».

С Беларусью Владислава Александровича связывают многочисленные научные контакты. Здесь завязалась его дружба с нашим выдающимся земляком В. С. Стёпиным. В. А. Лекторский стал желанным гостем Белорусского государственного университета, участником научных форумов, конференций, круглых столов и семинаров. Научная обществен-

ность белорусской столицы всегда принимала его с теплотой.

Наверное, все гуманитарии знакомы с монографией В. А. Лекторского «Проблема субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии» (1965), концепция которой нашла отражение в книге «Субъект, объект, познание» (1980) и последующих работах ученого. Эпистемологические исследования академика обобщены в книге «Эпистемология классическая и неклассическая» (2001), выдержавшей уже не одно издание. В последние годы его философские подходы получили развитие на базе осмысления новейших достижений когнитивных наук и опытов в области искусственного интеллекта.

В 1987–2009 гг. В. А. Лекторский был главным редактором журнала «Вопросы философии». На этом поприще Владислав Александрович продемонстрировал не только талант ученого и организатора науки, но и большое мужество, настойчивость в отстаивании интересов дела. В конце 1991 г., когда распался Советский Союз, марксизм из официаль-

ной идеологии превратился в предмет поношения. Под подозрением оказались не только приверженцы старых догматических представлений, но и сторонники идеи социализма с человеческим лицом. В печати то и дело появлялись статьи, авторы которых призывали отказаться от преподавания в вузах не только марксистско-ленинской философии, но и философии в целом, предлагая заменить ее либо культурологией, либо теологией. Необходимость разработки философской проблематики тоже ставилась под сомнение. В этой ситуации важнейшую роль в отстаивании философской науки, утверждении необходимости творческой разработки ее идей сыграли Институт философии РАН под руководством В. С. Стёпина и журнал «Вопросы философии» во главе с В. А. Лекторским.

Вышедшие под редакцией В. А. Лекторского издания «Философия не кончается...» в 2 т. (1998) и «Философия России второй половины XX века»

в 22 т. (2007–2014) защитили отечественную философию советского периода второй половины XX в. от огульного охаивания и показали преемственность ее развития. Презентация этих книг с успехом прошла в стенах БГУ и вызвала неподдельный интерес научной общественности.

Владислав Александрович и сегодня в строю: плодотворно работает в Институте философии РАН, публикуется в философских журналах, сотрудничает с издательствами, инициирует исследовательские проекты.

Искренне поздравляем Вас, дорогой Владислав Александрович, с 90-летием! Желаем оптимизма, здоровья, бодрости духа и радости жизни еще на долгие годы. С нетерпением ждем Ваших новых интересных публикаций, в том числе в нашем журнале.

*А. Н. Данилов*¹

¹Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

<i>Данилов А. Н.</i> Всем, кого не покидает надежда «расколдовать» современное общество: к 25-летию журнала	4
---	---

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Водопьянов П. А., Бурак П. М.</i> Глобальные вызовы в современном мире и коэволюционный подход в достижении безопасного будущего	7
<i>Осипов И. Д., Рыбас А. Е.</i> Идея гуманной цивилизации в трудах представителей ленинградской философской школы.....	15
<i>Тощенко Ж. Т.</i> Советский человек: опыт осмысления социально-исторической реальности	23
<i>Подлесная М. А., Ильина И. В.</i> Духовность в представлениях советского и постсоветского человека. Часть 1.....	32

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

<i>Кирвель Ч. С, Семерник С. З.</i> Новая система социогуманитарного образования как ответ на вызовы современности.....	42
<i>Зборовский Г. Е.</i> Академические девиации образовательных общностей в российских университетах	49
<i>Титаренко Л. Г.</i> Цифровые инновации сквозь призму восприятия белорусскими студентами.....	58

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ

<i>Михайловский В. С.</i> Вековой опыт неомарксизма: результаты и перспективы неомарксистской теории капитализма.....	65
<i>Щербин В. К.</i> Социология знания как важный фактор развития цифровой экономики Беларуси	72
<i>Можейко М. А.</i> Билингвизм в культурологической проекции: феномен открытого мышления	81

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

<i>Мартинovich В. А.</i> Методологические проблемы изучения религиозного многообразия.....	92
<i>Бийжанова Э. К.</i> Малый город в приграничном регионе России: социокультурные и социально-экономические проблемы.....	103
<i>Корнеевец М. А., Филинская Л. В., Щелкова Т. В.</i> Особенности адаптации первокурсников к условиям обучения в Белорусском государственном университете.....	109

ЮБИЛЕИ

Владислав Александрович Лекторский.....	124
---	-----

CONTENTS

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

<i>Danilov A. N.</i> To everyone who does not leave the hope of «disenchanted» modern society: to the 25 th anniversary of journal	4
---	---

ARTICLES AND REPORTS

<i>Vodopiyanov P. A., Burak P. M.</i> Global challenges in the modern world and a coevolutionary approach to achieving a secure future.....	7
<i>Osipov I. D., Rybas A. E.</i> The idea of a humane civilisation in the works of representatives of the Leningrad philosophical school.....	15
<i>Toshchenko Zh. T.</i> Soviet man: the experience of understanding the socio-historical reality.....	23
<i>Podlesnaia M. A., Ilina I. V.</i> The spirituality in the views of the Soviet and post-Soviet man. Part 1.....	32

REFLECTIONS ON A GIVEN THEME

<i>Kirvel Ch. S., Semernik S. Z.</i> A new system of socio-humanitarian education as a response to the challenges of modernity.....	42
<i>Zborovsky G. E.</i> Academic deviations of educational communities in Russian universities	49
<i>Titarenko L. G.</i> Digital innovations through the prism of perception by Belarusian students	58

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

<i>Mikhailouski V. S.</i> Neo-Marxist's age-old experience: results and prospects of neo-Marxist's capitalism theory	65
<i>Shcherbin V. K.</i> The sociology of knowledge as the important factor of Belarusian digital economy development	72
<i>Mojeiko M. A.</i> Bilingualism in culturological projection: the phenomenon of open thinking	81

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

<i>Martinovich V. A.</i> Methodological problems of religious diversity research.....	92
<i>Biyzhanova E. K.</i> Small town in the border region of Russia: socio-cultural and socio-economic problems.....	103
<i>Korneevets M. A., Filinskaya L. V., Scholkova T. V.</i> Adaptation features of freshers to the learning environment at the Belarusian State University	109

JUBILEES

Vladislav Aleksandrovich Lektorskii.....	124
--	-----

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по социологическим, политическим и философским наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. Социология.
№ 3. 2022**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Социология» издается с сентября 1997 г.
До 2017 г. выходил под названием «Социология»
(ISSN 2071-0968).

Редакторы *Е. В. Жерносек, М. И. Дикун*
Технический редактор *А. Ю. Лецинская*
Корректор *Е. В. Жерносек*

Подписано в печать 30.09.2022.
Тираж 110 экз. Заказ 7427.

Издательско-полиграфическое частное
унитарное предприятие «Донарит».
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/289 от 17.04.2014.
Ул. Октябрьская, 25, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2022

**Journal
of the Belarusian State University. Sociology.
No. 3. 2022**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Journal of the Belarusian State University. Sociology»
published since September 1997.
Until 2017 named «Sotsiologiya»
(ISSN 2071-0968).

Editors *E. V. Zhernosek, M. I. Dikun*
Technical editor *A. Y. Leschinskaya*
Proofreader *E. V. Zhernosek*

Signed print 30.09.2022.
Edition 110 copies. Order number 7427.

Publishing and printing private
unitary enterprise «Donarit».
Certificate of state registration of the publisher,
manufacturer, distributor of printed publications
No. 1/289 dated 2014 April 17.
25 Kastyčnickaja Str.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.

© BSU, 2022